Религіозно-церковный элементъ въ казацкомъ возстаніи 1630 года (подъ предводительствомъ Тараса *).

КАКЪ и при какихъ обстоятельствахъ начались мирные переговоры между Конецпольскимъ и казаками, остается неизвѣстнымъ. Зато сохранился цѣлый рядъ документовъ, изображающихъ ходъ и исходъ этихъ переговоровъ. Эти документы въ своемъ содержаніи отразили въ извѣстной мѣрѣ и самую польско-казацкую борьбу 1630 года и потому представляютъ собою двойной интересъ.

Мы начнемъ свой обзоръ этихъ документовъ съ условій примиренія, предложенныхъ казакамъ Конецпольскимъ подъ именемъ «способа умилостивленія гнѣва его королевской милости на запорожское войско за его преступленія» [45]).

«Преступленія запорожскаго войска» формулированы были Конецпольскимъ такимъ образомъ: Запорожскіе казаки не только не приняли и не признали въ достоинствѣ назначеннаго имъ королемъ старшаго, но и ужасно варварски его замучили. Въ нарушеніе мирнаго договора съ турецкимъ императоромъ, выходили въ море. Наступали съ оружіемъ въ рукахъ на хоругви короннаго войска, расположившіяся для отдыха на стоянкахъ. Подъ предлогомъ посягательства на вѣру, изъ-за которой никому обиды не дѣлается, заманили къ себѣ, къ великому отягощенію здѣшняго края, множество ни въ чемъ неповинныхъ людей, покинувшихъ изъ-за нихъ свои дома, своихъ хозяевъ и свою работу, и стали причиной великаго кровопролитія... Формулировка Конецпольскимъ тутъ этого послѣдняго пункта обви-

*) Окончаніе. См. іюль—августъ.

[45]) Тамъ же, 345—346.

ненія ясно показываетъ, что онъ смотрѣлъ на казацкое возстаніе 1630 года, какъ на казацко-народное движеніе, и притомъ не безъ присутствія въ немъ религіозно-церковнаго элемента.

За преступленія свои запорожскіе казаки, по словамъ Конецпольскаго, заслуживали самой суровой кары. Но въ виду того, что уже много пролилось ихъ крови, и много погибло добрыхъ юнаковъ, со славой служившихъ прежде королю и войску запорожскому, не желая еще большаго кровопролитія, коронный гетманъ, по его словамъ, пришелъ къ мысли, что уже возможно стало для него молить короля о прощеніи казаковъ. При этомъ онъ предложилъ казакамъ слѣдующія условія: 1) выдать Тараса, который былъ причиной бунта и противъ котораго есть неоспоримыя доказательства, что онъ имѣлъ измѣннические противъ польскаго государства замыслы [46]), о чемъ, впрочемъ, запорожское войско не знало (Тараса Конецпольскій хотѣлъ задержать у себя до полученія королевскаго относительно его распоряженія); 2) подтвердить соблюденіе Куруковскаго договора во всей его полнотѣ, безъ малѣйшаго въ чемъ-либо его нарушенія; 3) строго наказать тѣхъ казаковъ, которые ушли въ море, а предводителей ихъ выдать королю, лодки же ихъ всѣ сжечь; 4) старшаго, котораго имъ назначилъ король согласно Куруковскому договору, принять и признать въ его достоинствѣ и оказывать ему повиновеніе во всемъ; 5) тѣхъ казаковъ, которые остались вѣрными королю и ради которыхъ не отнимаются у запорожскаго войска данныя ему прежними королями права и вольности, почитать, какъ старшихъ братьевъ, и жить съ ними въ согласіи и любви, какъ было раньше, а также вознаградить ихъ за причиненныя имъ обиды; 6) возвратить коронным жолнерамъ все, что у нихъ захвачено было на ихъ стоянкѣ въ Корсуни; 7) возвратить плѣнниковъ, незаконно ими (казаками) удерживаемыхъ, а также пушечку, которую они захватили; 8) распустить по домамъ тѣхъ казаковъ, которые не были внесены въ реэстръ.

Въ случаѣ принятія казаками предложенныхъ имъ условій, тѣмъ изъ нихъ, которые, находясь въ Запорожьѣ, были выписаны изъ реэстра, обѣщано было внесеніе ихъ опять въ него.

---

[46]) На сеймѣ 1631 года Конецпольскій движеніе казаковъ за Днѣпръ объяснялъ желаніемъ ихъ вступить тамъ въ сношенія съ Москвой по вопросу о подданствѣ ей всего тамошняго края (реляція, 689).

Прочитывая условія примиренія, предложенныя казакамъ Конецпольскимъ, нельзя не замѣтить, что они почти всѣ умѣреннаго свойства. Одни изъ нихъ (2, 3, 4, 8) представляютъ собой повтореніе условій Куруковскаго договора, другія (5, 6, 7) относятся къ простой ликвидаціи послѣдствій даннаго казацкаго движенія. Только требованіе выдачи Тараса, инииіатора движенія, представляло собой трудно исполнимое требованіе.

Отвѣтъ на предложенныя Конецпольскимъ условія примиренія данъ былъ старшимъ запорожскаго войска Антономъ Конашевичемъ со всѣмъ войскомъ запорожскимъ [47].

Казаки въ своемъ отвѣтѣ, прежде всего, сочли нужнымъ дать свои разъясненія по поводу поставленныхъ имъ въ вину Конецпольскимъ преступленій.

По поводу смерти Грицка Чернаго, якобы назначеннаго королемъ въ старшіе запорожскаго войска, казаки заявляли, что они его никогда не признавали своимъ правомѣрнымъ старшимъ, что допущенныя имъ притѣсненія (о которыхъ они въ свое время писали коронному гетману черезъ пановъ Ганнибала и Байбузу) и побудили ихъ выйти изъ Запорожья на Украину. Что же касается выхода казаковъ въ море, то первымъ виновникомъ этого былъ самъ покойный Грицко Черный. Въ этомъ же повинны бывшіе тогда въ Запорожьѣ, а теперь находящіеся при коронномъ гетманѣ, Качковскій и Борзякъ (они были эсаулами, а Капуста былъ полковникомъ). Наконецъ, относительно разсылки универсаловъ съ призывомъ людямъ собираться въ виду посягательства на вѣру, казаки не отрицали того, что они разослали этого рода универсалы. Но они оправдывали себя тѣмъ, что они получили отъ нѣкоторыхъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ свѣдѣнія о томъ, что не только въ другихъ окрестныхъ городахъ, но и на Украинѣ, въ самомъ Кіевѣ, въ прошломъ году въ православныхъ церквахъ возбранено было богослуженіе, а братская церковь окровавлена была коронными жолнерами, стоявшими тогда въ Кіевѣ. Изъ-за этого (говорили казаки) и произошло скопленіе народа... Такимъ образомъ, казаки совсѣмъ не отрицали религіозно-церковнаго элемента въ своемъ движеніи; напротивъ, при

[47]) Жерела, VIII, 347—348. Уже замѣна Тараса Антономъ Конашевичемъ въ должности гетмана, во время переговоровъ казаковъ съ Конецпольскимъ, была сама по себѣ уступкой коронному гетману и Польшѣ.

тогдашнемъ положеніи дѣлъ считали его вполнѣ естественнымъ въ немъ.

Переходя къ предложеннымъ Конецпольскимъ условіямъ, казаки дѣлали противъ нихъ слѣдующія возраженія и высказывали по поводу ихъ слѣд. соображенія: 1) Въ виду того, что не Тарасъ одинъ, а все войско запорожское виновно, выдать его было-бы затруднительно, если даже онъ въ чемъ-либо особенно провинился. Лучше казаки сами его накажутъ. Но въ такомъ случаѣ коронный гетманъ пусть не препятствуетъ тому, чтобы понесли наказаніе и казаки Борзякъ, Волкъ и Бородка. такъ какъ не кто другой, а они зажгли этотъ огонь. 2) Въ соблюденіи Куруковскаго договора казаки въ свое время, дѣйствительно, присягнули; но они вынуждены были къ тому стеченіемъ обстоятельствъ: Запорожское войско не въ одномъ мѣстѣ тогда находилось, нѣкоторые казаки были на морѣ, другіе на Дону и на рѣчкахъ... Казаки просили предоставить имъ свободу въ установленіи внутренняго порядка въ войскѣ, безъ участія правительственныхъ комиссаровъ. 3) Своевольныхъ казаковъ, ушедшихъ изъ Запорожья въ море, не смотря на строгое запрещеніе, обѣщали строго наказать. 4) Казаки просили, что старшимъ у нихъ, по милостивому соизволенію короннаго гетмана, былъ тотъ, кого они сами, съ общаго всѣхъ согласія, изберутъ: прежде старшими у нихъ бывали и не утвержденные правительствомъ въ должности (nie koronowani). 5) Товарищей своихъ, отставшихъ отъ нихъ во время послѣдняго движенія, казаки обѣщались, по заключеніи мира, принять въ свою среду безъ всякихъ попрековъ имъ и попрежнему жить съ ними въ согласіи. 6) Относительно убытковъ, причиненныхъ жолнерамъ, казаки выражали сомнѣніе въ возможности того, чтобы кто-либо сталъ за нихъ вознаграждать жолнеровъ. Нѣкоторые казаки тоже много потерпѣли и терпятъ убытковъ. 7) Казаки обѣщали, по заключеніи мира, освободить изъ плѣна пана Тжецецкаго и пана Чарнецкаго съ товарищами, а также возвратить захваченное орудіе. 8) Казаки просили разрѣшить имъ самимъ составить реэстръ запорожскаго войска: кто будетъ найденъ ими подходящимъ, того они признаютъ своимъ товарищемъ, а кто къ нимъ не подойдетъ, того они исключатъ изъ своей среды.

Изъ разсмотрѣнія приведенныхъ нами пунктовъ казацкаго отвѣта оказывается, что по первому пункту (выдача Тараса) они дали отрицательный отвѣтъ. Изъ четырехъ пунктовъ, свя-

занныхъ съ возобновленіемъ Куруковскаго договора, только по одному пункту (объ ушедшихъ на море) они дали утвердительный отвѣтъ. По остальнымъ тремъ пунктамъ они дали отвѣтъ утвердительный, но съ существенными оговорками,— скорѣе уклончивый, чѣмъ утвердительный отвѣтъ (относительно Куруковскаго договора вообще, должности старшаго и составленія реэстра). Изъ остальныхъ трехъ пунктовъ, касавшихся ликвидаціи послѣдствій возстанія, по двумъ пунктамъ они отвѣчали утвердительно (примиреніе съ бывшими на сторонѣ Конецпольскаго казаками и возвращеніе плѣнниковъ и пушки), а по одному (вознагражденіе жолнеровъ) отрицательно. Такимъ образомъ отвѣтъ казаковъ Конецпольскому въ общемъ не былъ предупредительно-уступчивымъ [48]). Къ этому нужно прибавить, что, какъ мы уже сказали выше, казаки въ своемъ отвѣтѣ проводили ту мысль, что и для изданія казацкихъ универсаловъ, призывавшихъ простой народъ постоять за православную вѣру, имѣлись нѣкоторыя основанія въ самомъ тогдашнемъ положеніи православной церкви въ польскомъ государствѣ.

Переговоры Конецпольскаго съ казаками завершились заключеніемъ договора между ними 8 іюня 1630 года [49]).

Договоръ начинался заявленіемъ, что достоинство короля и всего государства оскорблено запорожскимъ войскомъ, выведеннымъ Тарасомъ изъ Запорожья на Украину. Казаки (по словамъ договора), вопреки королевской волѣ и Куруковскому договору, не только не признали въ должности, но и ужасно замучили назначеннаго для нихъ старшимъ Грицка Савича Чернаго, неожиданно на него напавши. Они же въ прошломъ году, вырвавшись въ Черное море, причинили великіе убытки турецкимъ владѣніямъ. Они же, наконецъ, однихъ принудивши силой, другихъ заманивши къ себѣ подъ предлогомъ посягательства на вѣру (въ которой никому никакой обиды не было), наступили на коронныя хоругви въ ихъ стоянкахъ и стали потомъ причиною великаго кровопролитія [50])... Но (читаемъ

---

[48]) Въ одномъ современномъ письмѣ про этотъ отвѣтъ казаковъ сказано, что онъ былъ dosyć zgłupia foremny (собр. автогр. И. П. Б., № 221, л. 169—169, письмо Бѣлецкаго къ Я. С. Сапѣгѣ отъ 19 іюня 1630 г.).

[49]) Онъ напечатанъ Кулишомъ (Матеріалы, I, 308—310).

[50]) До этого мѣста предисловіе къ договору въ общемъ согласно съ предисловіемъ къ приведеннымъ выше условіямъ Конецпольскаго. Но нижеслѣдующаго сообщенія о раскаяніи казаковъ и многократныхъ ихъ просьбахъ о помилованіи въ тѣхъ условіяхъ не имѣется.

дальше въ договорѣ) казаки, раскаявшись въ совершенныхъ ими злодѣяніяхъ, признали себя виноватыми и многократно и въ грамотахъ своихъ, и черезъ пословъ своихъ, смиренно умоляли короннаго гетмана о помилованіи ихъ. Въ виду того, что казаки уже заплатили за свое преступленіе гибелью многихъ своихъ товарищей,—не желая, съ другой стороны, окончательно погибели самаго имени казацкаго (такъ какъ не малая часть казаковъ осталась вѣрной королю),—согласуясь, наконецъ, съ выразительной волей короля,—Конецпольскій объявлялъ, что онъ прощаетъ всѣмъ виновнымъ казакамъ ихъ вину. Но это прощеніе обусловлено было принятіемъ казаками нижеслѣдующихъ, предложенныхъ имъ коронным гетманомъ, условій:

1) Всѣ казаки (говорилось въ договорѣ) признаютъ себя виновными и всѣ просятъ о прощеніи. Но Тарасъ Федоровичъ, бывшій въ то время главою ихъ, виновнѣе всѣхъ: по его почину и отъ его имени всѣ злодѣянія творились. Желая снискать себѣ милость короля, казаки не противились его выдачѣ. Но, питая полную надежду на милосердіе короля,—на то, что онъ, простивши вину всему запорожскому войску, проститъ ее и тому, который исполнялъ только волю этого войска,—они просили, чтобы Тарасъ до дальнѣйшаго распоряженія короля о чемъ оставался въ рукахъ войска на порукахъ (w segwertrze). Уступая горячимъ просьбамъ обоихъ войскъ, Конецпольскій (по словамъ договора) согласился на это, но съ той оговоркой, что казаки, лишь только получится рѣшеніе короля, тотчасъ же фактически его выполнятъ. Казаки на это послѣднее согласились [51]. 2) Куруковскій договоръ остается

[51]) По условіямъ, приведеннымъ нами выше, Конецпольскій требовалъ выдачи ему Тараса, съ тѣмъ, чтобы онъ оставался у него до королевскаго распоряженія. По договору, онъ уже не требуетъ выдачи ему Тараса, соглашаясь на то, чтобы Тарасъ до королевскаго распоряженія оставался въ рукахъ запорожскаго войска... Едва ли у казаковъ могло быть какое-либо сомнѣніе въ томъ, что король не потребуетъ, послѣ улаженія уже всего дѣла, выдачи Тараса. Сигизмундъ, еще не зная о начавшихся между Конецпольскимъ и казаками переговорахъ, въ письмѣ отъ 12 іюня совѣтовалъ ему дѣйствовать по отношенію къ нимъ примирительно, „даже если бы они не хотѣли выдать вожаковъ“ своеволія своего (рук. И. П. Б., разнояз., F. IV. № 104, л. 107). Тарасъ, конечно, никогда и не былъ выданъ казаками польскому правительству. Костомаровъ въ доказателство того, что Тарасъ попался полякамъ въ руки и былъ казненъ ими, ссылается на Хронику Пясецкаго (въ польскомъ пе-

нерушимо въ силѣ во всѣхъ пунктахъ, и долженъ быть соблюдаемъ во всемъ. 3) Казаки обѣщали строго наказать тѣхъ своихъ товарищей, которые, безъ вѣдома короля и вопреки волѣ своихъ старшихъ, ушли въ море, принципала же ихъ выдать, лодки сжечь. 4) Казаки обѣщали относиться съ должнымъ уваженіемъ съ тѣмъ своимъ товарищамъ, которые остались вѣрны королю и за заслуги которыхъ оказано милосердіе виновнымъ казакамъ, жить съ ними въ согласіи и любви, какъ было раньше. Казаки подтвердили присягой это свое обязательство. Кто эту присягу нарушитъ (сказано было въ договорѣ), тотъ будетъ казненъ смертью [52]). 5) Въ виду того, что прошлой зимой нѣкоторые заслуженные казаки выписаны были за непослушаніе изъ состава запорожскаго войска, причемъ на ихъ мѣсто внесены въ реэстръ менѣе способные люди, теперь они, какъ получившіе прощеніе, принимаются опять въ число реэстровыхъ казаковъ. Въ случаѣ ихъ смерти, уменьшившееся противъ покуроковской нормы число реэстровыхъ казаковъ должно быть восполняемо во время полученія жалованья путемъ соглашенія съ старшими запорожскаго войска [53]). Теперь же, кто не находится въ реэстрѣ, не дол-

---

реводѣ Войцицкаго), въ которой говорится, что польскій посланникъ Пясочинскій въ 1630 году сообщилъ въ Константинополѣ, что Тарасъ казненъ смертью (Богданъ Хмельницкій, 4-ое изд. I, 93—94). Но въ Хроникѣ Пясецкаго (p. 500—501), въ подлинномъ латинскомъ текстѣ ея, соотвѣтствующаго мѣста не находится, хотя оно и находится въ польскомъ переводѣ этой Хроники (Woycicki, Pamiętniki). Въ рук. Имп. Публ. Библ., Разнояз., F. IV. № 104, л. 11—45, находится полная Реляція посольства къ турецкому султану Ал. Пясечинскаго, очень подробно составленная. Въ ней нѣтъ никакого упоминанія о казни Тараса, хотя поводовъ къ упоминанію было не мало.

[52]) Въ договоръ внесены были двѣ присяги въ соблюденіи взаимаго мира и согласія: а) казаковъ, участвовавшихъ въ возстаніи, и б) казаковъ, оставшихся вѣрными королю. Присягу принесли выборные представители той и другой части запорожскаго войска, названные по именамъ. Въ чтеніи нѣкоторыхъ именъ, даже въ количествѣ ихъ, есть нѣкоторыя разница между договоромъ, напечатаннымъ Кулишомъ, и между тѣмъ же договоромъ, находящимся въ рук. Имп. Публ. Библ., Пол. F. IV. № 241, л. 654—658 и въ рук. Кіево-Печерской Лавры, № 74 (по описанію проф. Н. И. Петрова), л. 43—45 об.

[53]) Этотъ пунктъ дововора читается у Кулиша такъ: A iesliby smiercią uplenilo się co liczby tey kurukowskiey naznaczoney, przy braniu pieniędzy zeslą się tacy: ktorzy znioszy się z Starszemi Woyska Zapor., na mieysce zmarłych sposobnych do woyny wpiszą (310). Въ рукописи Имп. Публ. Библ. (ср. прим. 52) вмѣсто: liczby tey kurukowskiey naznaczoney, читается:

женъ вязаться къ войску, состоящему на королевской службѣ по реэстру; всѣ тѣ, которыхъ такое большое сборище образовалось, должны разойтись по своимъ домамъ (при чемъ имъ обѣщана безопасность со стороны короннаго войска). 6) Именемъ короля коронный гетманъ назначилъ старшимъ запорожскаго войска Тимоша Михайловича. Казаки присягнули оказывать ему всякое почтеніе и повиновеніе [54]).

Если сравнить первые условія примирительнаго договора Конецпольскаго съ казаками съ окончательными условіями, то нельзя не замѣтить значительной со стороны его уступчивости. Онъ обнаружилъ эту уступчивость по первому и наиболѣе острому вопросу, отказавшись отъ требованія выдачи Тараса. Изъ четырехъ пунктовъ, связанныхъ съ вопросомъ о возстановленіи дѣйствія Куруковскаго договора, по тремъ пунктамъ (если имѣть въ виду одинъ текстъ завершительнаго договора) послѣдовало принятіе казаками первоначальныхъ условій ко-

---

liczby tey po kurukowski naznaczoney, а въ рук. Кіево-Печерской Лавры: liczby tey pokurukowskiey naznaczoney. Вмѣсто: z Starszemi (у Кулиша), или z Starszymy (въ лавр. рук.) въ рук. Имп. Публ. Библ. читается: Starszym.

[54]) Запорожское войско, въ составѣ полковниковъ, эсауловъ, сотниковъ, атамановъ и всей черни войсковой, принесло при заключеніи договора, 8 іюня 1630 года, особую присягу въ его соблюденіи. Въ этой присягѣ (внесенной въ самый договоръ) запорожское войско клялось хранить вѣрность польскому королю, оказывать всяческое повиновеніе новоназначенному старшему Тимошу Михайловичу, не ходить на море, сжечь всѣ морскія лодки, безъ королевской воли не принимать къ себѣ казаковъ, не состоящихъ на королевской службѣ, жить во взаимной любви и согласіи (все это было повтореніемъ условій договора) и, наконецъ (этого не было въ нихъ), съ иноземными государями безъ вѣдома короля не заключать договоровъ. Особую присягу (тоже внесенную въ договоръ) принесъ 8 іюня и новоназначенный гетманъ. Онъ въ ней клялся быть вѣрнымъ и послушнымъ во всемъ королю польскому и речи-посполитой (о речи-посполитой въ казацкой присягѣ не упоминалось) и обуздывать всякое своеволіе и непослушаніе. Онъ клялся, что ни самъ не будетъ ходить на море, ни другимъ не будетъ разрѣшать нападать, ни моремъ, ни сушей, на турецкую землю, напротивъ, что онъ будетъ о своевольныхъ выходахъ казаковъ въ море своевременно извѣщать короля и короннаго гетмана, что онъ будетъ и самъ всячески имъ противодѣйствовать. Онъ еще клялся не пускать на Запорожье людей, не состоящихъ на королевской службѣ, и не дозволять выписаннымъ изъ казацкаго реэстра людямъ собираться въ особыя банды. Наконецъ, онъ клялся соблюдать и настоящій договоръ, и Куруковскій договоръ во всѣхъ ихъ пунктахъ... Григорій Гладкій новоназначеннаго казацкаго гетмана назвалъ каневцемъ Тимохою Арандаренко (Кулишъ, I, 317).

роннаго гетмана: а) Куруковскій договоръ въ общей формѣ оставленъ во всей силѣ; б) примѣненіе всей строгости этого договора къ ушедшимъ весной 1630 года въ море казакамъ спеціально подтверждено; в) старшій надъ запорожскимъ войскомъ назначенъ, отъ имени короля, коронымъ гетманомъ, безо всякихъ новыхъ ограничительныхъ разъясненій. Только по одному изъ этихъ четырехъ пунктовъ (о составленіи реэстра) коронный гетманъ пошелъ на нѣкоторыя уступки: не только согласился на обратное принятіе въ реэстръ выписанныхъ изъ него прошлой зимой за упорное противленіе правительству запорожцевъ, но и усилилъ, повидимому, на будущее время вліяніе запорожскаго войска на самый пріемъ новыхъ реэстровиковъ (на мѣсто умершихъ), причемъ для самого количества реэстровыхъ казаковъ назначена новая (по-куруковская) норма. Что касается пунктовъ ликвидаціи возстанія, то въ окончательномъ договорѣ нашелъ для себя выраженіе, и выраженіе самое яркое, только пунктъ о взаимномъ примиреніи обоихъ враждебныхъ сторонъ запорожскаго войска (съ включеніемъ самыхъ присягъ ихъ). Пунктъ объ освобожденіи казаками польскихъ плѣнниковъ и возвращеніи захваченной ими пушки (каковъ бы ни былъ въ тотъ моментъ взглядъ казаковъ на него) коронный гетманъ по совершенно понятнымъ побужденіямъ долженъ былъ опустить въ договорѣ: онъ бы не способствовалъ славѣ польскаго оружія. Опустилъ онъ и пунктъ о вознагражденіи казаками Корсунскихъ жолнеровъ за убытки, и опустилъ, надо думать, по фактической невозможности его выполненія. Наконецъ, и въ окончательномъ договорѣ повторено было Конецпольскимъ обвиненіе запорожскихъ казаковъ въ томъ, что они заманили въ свое движеніе нѣкоторыхъ простыхъ людей· указаніемъ на мнимое посягательство правительства на православную вѣру. Оно повторено было тутъ (во вступительной части) въ болѣе краткихъ словахъ. При формулировкѣ условій примиренія религіозно-церковный пунктъ въ договорѣ не фигурируетъ (какъ не фигурировалъ онъ, впрочемъ, и въ первой редакціи примирительныхъ условій).

Если объ условіяхъ мира Конецпольскаго съ казаками судить даже по одному тексту договора 8 іюня, то нельзя не признать, что запорожское казачество за свое вооруженное возстаніе не понесло кары. Но однимъ текстомъ договоровъ во взаимоотношеніяхъ польскаго правительства и запорожскаго

казачества далеко не все опредѣлялось. Казаки охотно соглашались на всякія словесныя изъявленія покорности польскому правительству, потому что не только не собирались, уже въ моментъ заключенія договора, соблюдать пунктуально всѣ его условія, но и знали, что это и польскому правительству извѣстно. Такъ бывало всегда прежде. Такъ было и съ Переяславскимъ договоромъ. Объ увеличеніи реэстра казаковъ въ этомъ договорѣ ничего опредѣленнаго не говорилось; въ немъ былъ лишь темный намекъ на какое-то «покуруковское» число ихъ. А между тѣмъ количество реэстровыхъ казаковъ оффиціально (съ назначеніемъ жалованья) было увеличено съ 6000 до 8000 человѣкъ. Въ одномъ современномъ, близкомъ къ двору, дневникѣ (за іюнь 1630 года) прямо было записано: «Состоялось соглашеніе съ запорожскими казаками, которымъ сдѣлана уступка — имѣть войска 8000». Тутъ же упомянуто и о другой сдѣланной имъ, но не упомянутой въ договорѣ уступкѣ: «дозволено имъ самимъ избирать себѣ гетмана» [55]). Объ обоихъ этихъ, столь существенныхъ, уступкахъ, говорится и въ одномъ современномъ польскомъ письмѣ, писанномъ изъ лагеря подъ Переяславомъ, и притомъ съ нѣкоторыми подробностями: б) изъ восьми тысячъ реэстровыхъ казаковъ двѣ тысячи должны были, по договору, оставаться въ самомъ Запорожьѣ; б) избраніе запорожскаго гетмана должно было совершиться по обоюдному соглашенію обѣихъ казацкихъ партій, изъ которыхъ каждая избирала для этого по 12 особыхъ уполномоченныхъ [56]). Такимъ образомъ, избраніе запорожскаго гетмана предоставлено было подъ Переяславомъ не одной казацкой старшинѣ, а всему составу войска. По другому, шедшему изъ польскаго лагеря подъ Переславомъ, извѣстію, казацкая старшина обязалась «не выбирать гетмана безъ согласія всей черни» [57])... Все это показываетъ, что дѣйствительныя уступки, сдѣланныя казакамъ подъ Переяславомъ были значительнѣе тѣхъ, на которыя есть нѣкоторые неясные намеки въ Переяславскомъ договорѣ, что шаблонный текстъ этого договора не совсѣмъ точно отразилъ въ себѣ реальную наличность польско-казацкихъ отношеній того момента.

Самъ Конецпольскій не особенно высоко ставилъ созданіе

[55]) Рук. И. П. Б., Пол., Q. IV. № 76, л. 28.
[56]) Жерела, VIII, 349, письмо шляхтича Ратовскаго.
[57]) Жерела, VIII, 350.

своихъ рукъ — Переяславскій договоръ. На сеймѣ 1631 года онъ такъ выразился о немъ: Признаюсь, я не очень былъ доволенъ тѣмъ, что было постановлено (подъ Переяславомъ), потому что не достаточно удалось отомстить за оскорбленіе Его Королевскаго Величества. Кромѣ того, я знаю, что, хотя постановленное запечатлѣно кровью, хотя оно утверждено столь многими присягами, но у этихъ людей все непрочно»... Въ частности, гетманъ выражалъ сомнѣніе въ томъ, чтобы въ ближайшую же весну казаки не нарушили своего обѣщанія не нападать на турецкія владѣнія моремъ (обѣщанія,— столь важнаго для польскаго правительства и охотнѣе по этому пункту, чѣмъ по другимъ пунктамъ, даннаго ему казаками) [58]).

* * *

Послѣ заключенія Переяславскаго договора полнаго успокоенія Украйны не наступило. Самъ усмиритель казацкаго своеволія, вынужденный внутреннимъ состояніемъ своего войска къ ускоренному заключенію мира, оказался тотчасъ же послѣ его заключенія въ еще болѣе неблагопріятномъ положеніи. Состоявшее подъ его командой коронное войско немедленно отказало ему въ повиновеніи и, переправившись на правый берегъ Днѣпра, двинулось внутрь государства, угрожая конфедераціей за неуплату ему стараго, выслуженнаго имъ жалованья. Только нѣсколько ротъ осталось подъ командой Конецпольскаго.

Въ самомъ высшемъ управленіи запорожскимъ войскомъ произошло нѣкоторое замѣшательство. Стоявшій во главѣ возставшихъ казаковъ при заключеніи Переяславскаго договора (послѣ Тараса) Антонъ Конашевичъ не хотѣлъ разставаться съ гетманскою должностью, хотя и случайно ему доставшеюся. По сообщенію одного современнаго письма, «прежній гетманъ Антонъ Конашевичъ, не желая повиноваться новоизбранному и именемъ королевскимъ назначенному гетману, произвелъ расколъ и съ десятью слишкомъ тысячами ушелъ въ Запорожье,

---

[58]) Реляція, 690 об. Въ одномъ современномъ письмѣ изъ Варшавы передано такое впечатлѣніе отъ первыхъ извѣстій о Переяславскомъ договорѣ: „Казацкое постановленіе уже состоялось, но на какихъ условіяхъ, до сего времени глухо. Одно несомнѣнно, что—кое-какъ. Оттого и молчатъ о нихъ. Нѣсколько ихъ только обнародываютъ, да и то довольно глухо“ (собр. автогр. И. П. Б., № 221, л. 170—171, письмо Бѣлецкаго Я. С. Сапѣгѣ, отъ 24 іюня 1630 г.).

а этотъ (т. е. Тимоѳей Михайловичъ Арандаренко) остался гетманомъ въ волостяхъ». Этого рода внутреннее замѣшательство въ запорожскомъ войскѣ, повидимому, продолжалось нѣкоторое время: по крайней мѣрѣ, въ половинѣ августа 1630 г. о немъ сообщается въ письмѣ, какъ о продолжающемся еще явленіи. Мало того: и новоназначенный гетманъ Арандаренко, изъ угожденія казакамъ, держалъ себя не такъ, какъ слѣдовало ставленнику польскаго правительства. Когда коронный гетманъ прислалъ ему булаву и пару одеждъ, онъ не согласился принять ихъ до тѣхъ поръ, пока все войско запорожское ему этого не позволило. Онъ принялъ подарокъ въ особомъ созванномъ имъ войсковомь кругѣ, получивши отъ казаковъ разрѣшеніе на это. При этомъ, не безъ нѣкотораго ущерба достоинству короннаго гетмана, онъ, въ присутствіи его посланцевъ, благодарилъ за подарокъ не короннаго гетмана, а войско запорожское... Это послѣднее, какъ оказывается изъ служащаго намъ матеріаломъ письма, уже лѣтомъ 1630 года вовсе не обнаруживало особенной предупредительности гетмана по отношенію къ польскому правительству. Когда гетманъ Арандаренко возвратилъ коронному гетману захваченныя у него орудія, въ запорожскомъ войскѣ противъ него поднялся крикъ. Казаки кричали, что это сдѣлано вопреки ихъ волѣ, и собирались уже свергнуть его съ должности. Арандаренко успокоилъ ихъ, сказавши, что онъ хотя и отдалъ обратно добычу, но не предалъ казацкой славы. «Такимъ образомъ (заканчивается письмо) это мужичье теперь успокоилось; однако относительно него мало утѣшительнаго, потому что очень оно усиливается» [59]).

Запорожскіе казаки, хотя и присягнули въ соблюденіи условій Переяславскаго договора, не считали себя лишенными права ходатайствовать передъ высшимъ правительствомъ объ измѣненіи ихъ въ болѣе благопріятномъ для нихъ смыслѣ. Когда Конецпольскій ушелъ со своими ротами изъ Украйны, запорожскіе казаки собрались подъ предводительствомъ гетмана на общую раду въ Черкасы. На радѣ присутствовалъ и митр. Іовъ Борецкій. По сообщенію московскаго лазутчика Гладкаго (бывшаго въ этотъ моментъ въ Черкасахъ), на Черкасской радѣ рѣшено было отправить двухъ пословъ къ королю, при-

---

[59]) Собр. автогр. И. П. Б., № 221, л. 185—186, письмо Бѣлецкаго къ Я. С. Сапѣгѣ отъ 17 авг. 1630 г.

соединивши къ нимъ еще пять казаковъ для собиранія свѣдѣній о томъ, что замышляютъ еще въ Польшѣ противъ казачества [60]). По сообщенію одного современнаго письма, «казаки послѣ заключенія мира выслали къ гетману и къ королю пословъ по поводу нѣкоторыхъ будто бы тягостей имъ» (grawaminach).

Въ этомъ же письмѣ находимъ и краткое изложеніе казацкихъ просьбъ, обращенныхъ непосредственно къ королю. Казаки просили, прежде всего, чтобы количество реэстровыхъ казаковъ увеличено было сверхъ нормы, установленной Куруковскимъ и Переяславскимъ договорами. Затѣмъ, они просили увеличенія жалованья (większey donatywy). Наконецъ, они просили свободы вѣроисповѣданія (Religionis libertatem) и другихъ вольностей [61]).

Въ Переяславскомъ договорѣ пунктъ о свободѣ православной вѣры и церкви не нашелъ для себя мѣста, хотя казаки, въ отвѣтъ на обвиненіе ихъ Конецпольскимъ въ преступномъ возбужденіи религіозно-вѣроисповѣднаго чувства православнаго простонародья, утверждали, что для изданія ими обращенныхъ къ народу по религіознымъ дѣламъ универсаловъ были надлежащія основанія. Не успѣвши настоять на внесеніи соотвѣтствующаго пункта въ Переяславскій договоръ, казаки поручили своимъ посламъ къ королю лично просить его объ обезпеченіи свободы православной вѣры и церкви. Можно думать, что личное присутствіе митр. Іова на Черкасской радѣ не осталось въ данномъ случаѣ безъ послѣдствій.

Казацкіе послы получили отъ короля письменный отвѣтъ, составленный въ обычной холодной и даже рѣзкой формѣ. Король писалъ казакамъ, что онъ имѣлъ всѣ основанія совсѣмъ не принять ихъ пословъ и не допустить ихъ къ цѣлованію своей руки. Это было бы имъ справедливымъ воздаяніемъ за то, что они убили своего старшаго, назначеннаго королемъ, бросились на отряды коронная войска, осмѣлились войти въ столкновеніе съ польскимъ коронным гетманомъ. Но въ виду письменнаго ходатайства за нихъ этого послѣдняго, король допустилъ къ себѣ казацкихъ пословъ и выслушалъ ихъ. Вмѣстѣ съ этимъ король простилъ казакамъ

---

[60]) Кулишъ, 1, 317.

[61]) Собр. автогр. И. П. Б., № 221, л. 187—188, письмо Бѣлецкаго къ Я. С. Сапѣгѣ отъ 26 авг. 1630 г.

ихъ проступки, но подъ тѣмъ условіемъ, чтобы впредь они оставались въ надлежащемъ повиновеніи, соблюдали всѣ условія заключеннаго съ нимъ коронным гетманомъ договора и искупили свою вину готовностью и охотой отважно сражаться со всѣми врагами государства, пребывая въ то же время во взаимномъ между собою согласіи и никакихъ бунтовъ впредь не поднимая. Королевская отвѣтная казакамъ грамота оканчивалась грознымъ предостереженіемъ, что, если они возвратятся къ бунтамъ, будущій сеймъ найдетъ средства обуздать ихъ своеволіе, причемъ всѣ вольности у нихъ будутъ отняты [62]).

Жесткій письменный королевскій отвѣтъ посламъ запорожскаго войска, можетъ быть, не совсѣмъ соотвѣтствовалъ тому пріему, который оказанъ былъ имъ въ Варшавѣ въ личныхъ сношеніяхъ съ ними. По крайней мѣрѣ, королевичъ Владиславъ, едва-ли дѣйствовавшій на собственный только рискъ, относился къ казацкимъ посламъ открыто-предупредительно. Онъ принималъ и угощалъ у себя казацкихъ пословъ (ихъ было трое), при чемъ эти послѣдніе на банкетѣ у него, какъ и на другихъ банкетахъ въ честь ихъ, по сообщенію современнаго письма, хвастались казацкой храбростью и высмѣивали гетмана Конецпольскаго, говоря, что онъ попусту и глупо на казаковъ бросился: погубилъ своихъ хорошихъ молодцовъ, а у казаковъ никто не погибъ, немного только подручной челяди... Правда, изъ государственной казны дано было каждому казацкому послу только по десяти локтей адамашка и всѣмъ вмѣстѣ только двѣстѣ золотыхъ: послы отказались взять эти двѣстѣ золотыхъ, говоря, что прежде всегда каждому запорожскому послу давалось сто золотыхъ, что они ничѣмъ не хуже прежнихъ пословъ, что они вынуждены будутъ лично безпокоить короля своимъ представленіемъ по этому поводу. Но королевичъ Владиславъ одарилъ отъ себя особо, и одеждами, и деньгами, и они остались «весьма довольны этимъ» [63]).

Промедленіе въ возвращеніи запорожскихъ пословъ изъ Варшавы на Украйну возбудило опасенія въ средѣ казачества. Разошедшіеся было уже по домамъ, они опять начали собираться вмѣстѣ. Болѣе десяти тысячъ ихъ расположилось лагеремъ

---

[62]) Рук. И. П. Б., Разнояз., F. IV. № 104, л. 112 об.—113, королевская грамота отъ 16 авг. 1630 г.

[63]) Упомянутое въ прим. 61 письмо.

между Бѣлою-Церковью и Корсунемъ въ Маслоставѣ. На вопросъ украинскихъ пановъ, почему они послѣ заключенія мира опять собираются, они отвѣчали, что боятся нападенія короннаго гетмана, въ виду того, что онъ задерживаетъ ихъ пословъ. Если бы коронный гетманъ, говорили они, ничего противъ нихъ и не злоумышлялъ, все-таки имъ нужно быть наготовѣ, въ виду отовсюду угрожающихъ Украйнѣ татаръ [64]). На Маслоставской радѣ (22 августа 1630 г.) гетманъ Тимоѳей Михайловичъ (окончательно утвердившійся, очевидно, въ своей должности) совѣщался съ казаками по поводу турецко-татарскихъ отношеній (допрошенъ былъ, между прочимъ, только-что возвратившійся изъ-подъ Измаила казакъ Бутъ). Въ этотъ моментъ (въ концѣ августа) запорожское войско дѣйствовало уже въ согласіи съ Конецпольскимъ. По его приказу, восемь полковъ запорожскаго пошло «на волость». Запорожскій гетманъ съ артиллеріей пододвинулся къ Бѣлой Церкви. Остальные казацкіе полки расположились на Черномъ татарскомъ шляху, вплоть до молдавской границы [65]) Конецпольскій приказалъ казакамъ не располагаться въ самыхъ волостяхъ, а стать обозомъ внѣ ихъ. Но казаки этого приказа не исполнили. Въ виду того, что ихъ пребываніе въ волостяхъ было очень отяготительно для ихъ жителей, Конецпольскій велѣлъ казакамъ возратиться по домамъ [66]).

Поводомъ къ возбужденію и неудовольствію реэстровыхъ казаковъ лѣтомъ 1630 года могла быть и несвоевременная выдача имъ правительственнаго жалованія. 9 августа 1630 года кіевскій казацкій атаманъ Богданъ Кизимъ внесъ въ кіевскія магистратскія книги особую манифестацію о томъ, что запорожское войско, согласно съ Куруковскимъ и Переяславскимъ договорами, прислало въ Кіевъ къ назначенному сроку двухъ своихъ уполномоченныхъ за полученіемъ слѣдуемаго ему изъ государственной казны жалованья, но что въ кіевскомъ замкѣ этого жалованья, по заявленію кіевскаго городничаго, не оказалось [67]). Казаки реэстровые давно уже просили у польскаго правительства увеличенія казеннаго жалованія [68]). Несвоевре

[64]) То же письмо.

[65]) Кулишъ, 1, 322.

[66]) Рук. И. П. Б., Разн., F. IV. № 104, л. 262, письмо Конецпольскаго къ королю отъ 26 сент. 1630 г.

[67]) Рук. И. П. Б.. Рознояз., F. IV. № 104, л. 275.

[68]) Лѣтомъ 1630 г. турецкій визирь говорилъ польскому послу, ч захваченные въ плѣнъ казаки причиной своихъ выходовъ въ море сч

менная уплата его тѣмъ болѣе должна была дѣйствовать на нихъ раздражающимъ образомъ.

Переяславскій договоръ не положилъ конца и казацкимъ выходамъ въ Черное море для грабежа турецкихъ береговъ, какъ предвидѣлъ это Конецпольскій при самомъ заключеніи этого договора. Въ началѣ осени 1630 года [69]) появилось у выхода въ Черное море пятнадцать казацкихъ лодокъ подъ предводительствомъ Соленика, «забывшаго недавно принесенную королю присягу» [70]). Лодки были вооружены пушками. Они стояли подъ Дзянкерманомъ, когда замѣтила ихъ турецкая флотилія, находившаяся тутъ же не вдалекѣ подъ начальствомъ самого капитанъ-паши (начальника турецкаго флота). Онъ направилъ противъ нихъ нѣсколько судовъ, которыя, по его словамъ, всѣхъ ихъ и захватили въ плѣнъ [71]). Конецпольскій, получивши отъ капитанъ-паши письмо съ извѣщеніемъ о происшедшемъ, въ отвѣтномъ письмѣ къ нему (отъ 21 сент. 1630 г.) объяснялъ ему, что пятнадцать вышеупомянутыхъ лодокъ, одна за другой по одиночкѣ, выкрались изъ Запорожья, обманувши поставленную запорожскимъ гетманомъ(«мною назначеннымъ», т. е. Тимоѳеемъ Михайловичемъ) стражу: прежде чѣмъ выйти въ море, онѣ укрывались въ тѣсныхъ излучинахъ рѣки (kątach). Изъ этого же отвѣтнаго письма Конецпольскаго оказывается, что предводитель казацкихъ лодокъ съ нѣсколькими казаками успѣлъ спастись бѣгствомъ отъ турокъ. Конецпольскій, по словамъ этого же письма, велѣлъ запорожскому гетману поймать ихъ и привести къ нему въ оковахъ, чтобы подвергнуть ихъ казни въ присутствіи свидѣтелей-турокъ [72]).

Отмѣченный нами случай выхода запорожскихъ лодокъ въ

таютъ слишкомъ недостаточное жалованье, получаемое ими изъ польской казны: казакъ получаетъ только по пяти золотыхъ въ годъ (рук. И. П. Б., Разнояз., F. IV. № 104, л. 35, реляція Пясечинскаго).

[69]) Польскій посолъ Пясечинскій говорилъ турецкому визирю въ началѣ сентября 1630 года: „цѣлое лѣто было на морѣ спокойствіе“ со стороны казаковъ (тамъ же, 36). Очевидно, тѣ казацкіе выходы въ море, на которые жаловался Конецпольскій во время переговоровъ съ казаками подъ Переяславомъ, не имѣли серьезнаго значенія.

[70]) Тамъ же, 262, письмо Конецпольскаго къ королю отъ 26 сент. 1630 г.

[71]) Тамъ же, 262—265, письмо капитанъ-паши къ Конецпольскому.

[72]) Тамъ же, 264—265. Конецпольскій не одному капитанъ-пашѣ, но и королю писалъ объ отданномъ имъ запорожскому гетману приказѣ поймать Соленника (тамъ же, 262).

море, хотя и окончившійся полной неудачей, надѣлалъ не мало хлопотъ польскому послу въ Константинополѣ Пясечинскому и сталъ предметомъ особой переписки турецкаго капитанъ-паши и начальника сухопутнаго пограничнаго турецкаго войска Муртазы-паши съ Конецпольскимъ [73]). Результатомъ этой переписки стало взаимное обсужденіе новыхъ условій возстановленія добрососѣдскихъ отношеній между Польшей и Турціей.

Среди этихъ условій главное мѣсто занималъ, конечно, казацкій вопросъ. Муртаза-паша въ присланныхъ имъ пунктахъ писалъ, между прочимъ, что, если Польша желаетъ сохраненія взаимной пріязни съ турецкимъ султаномъ и безопасности со стороны крымскаго хана, то коронный гетманъ долженъ послать на казацкіе острова (въ Запорожье) своихъ надежныхъ урядниковъ, которые бы, поселившись тамъ и взявши казаковъ подъ свою власть, установили среди нихъ дисциплину и никогда уже больше не выпускали ихъ въ море. Пока казаки безъ дисциплины и угрозы себѣ будутъ жить на этихъ островахъ, всегда будетъ отъ нихъ вредъ владѣніямъ турецкаго султана, и всегда будетъ возможно нарушеніе польско-турецкаго мирнаго договора. Поэтому-то и необходимо совершенно искоренить казацкое своеволіе на этихъ островахъ. Для охраны же рыбной ловли и для безопасности торговли, въ прилегающихъ къ нимъ мѣстностяхъ должно быть устроено польскимъ правительствомъ надлежащее ими управленіе. Въ виду того, что казацкіе острова на Днѣпрѣ издавна являются главнымъ источникомъ всего зла, коронный гетманъ долженъ поручить управленіе ими какому-либо большому и мудрому своему уряднику. Находящійся нынѣ въ Польшѣ турецкій посланецъ (Али-ага) не только въ возможной скорости долженъ быть отпущенъ обратно, но и долженъ принести съ собой увѣдомленіе о состоявшемся уже назначеніи такого урядника для завѣдыванія казацкими островами съ особо даннымъ ему порученіемъ не пропускать ни одной казацкой лодки въ море. Въ случаѣ неисполненія Конецпольскимъ этого пункта переговоровъ, Муртаза-паша объявлялъ, что со всѣмъ своимъ войскомъ останется у польскихъ границъ и не уйдетъ за Дунай. Для удержанія татаръ отъ набѣговъ на польскія владѣнія Муртаза-паша обѣщалъ оставить три или четыре сотни турецкой пѣхоты и

[73]) Тамъ же, 262 об. - 269.

конницы въ Бѣлгородѣ, равно какъ воспретилъ строжайше нападать на польскія владѣнія и Кантемиру-Мурзѣ [74]).

Отвѣчая (27 сент. 1630 г.) Муратазѣ-пашѣ на его пункты, Конецпольскій писалъ, что онъ съ своей стороны дѣлаетъ все возможное для того, чтобы ни одна казацкая лодка не выходила въ море. Слѣдуетъ и Маратазѣ-пашѣ ревностно заботиться о томъ, чтобы и ни одна татарская нога не бывала во владѣніяхъ польскаго короля. Коронный гетманъ, по его словамъ, уже обуздалъ казацкое своеволіе, принудивши казаковъ кровавой расправой съ ними къ соблюденію должнаго порядка. Запорожье уже во власти короннаго гетмана. Старшій надъ казаками назначенъ имъ, короннымъ гетманомъ. Этому старшему онъ и ввѣрилъ управленіе Запорожьемъ. Изъ его уже рукъ приняли свои должности и казацкіе полковники и сотники, обязавшіеся присягой и приложеніемъ своихъ печатей держать на Днѣпрѣ бдительную стражу для наблюденія за прокрадывающимися въ море лодками. Всякую такого рода лодку эта стража будетъ ловить и, поймавши ее, сжигать. Захваченные на ней люди будутъ преданы смерти... Конецпольскій (по его объясненію) рѣшилъ было совсѣмъ искоренить казацкое своеволіе; къ сожалѣнію, татарскіе мурзы своимъ несвоевременнымъ вторженіемъ воспрепятствовали приведенію имъ въ исполненіе этого рѣшенія. Вообще татары служатъ такимъ же препятствіемъ къ добрососѣдскимъ отношеніямъ между Турціей и Польшей, какъ и казаки. Польскій гетманъ не одними словами каралъ разбойниковъ-казаковъ: весь путь свой онъ уложилъ ихъ трупами. Пусть и Муртаза-паша такъ же поступитъ съ татарами. Они теперь собрались вблизи Бѣлгорода, и совершенно невѣроятно, что они, мучимые голодомъ, станутъ слушаться какихъ-либо запрещеній и не вторгнутся въ польскіе предѣлы. Муртазѣ-пашѣ слѣдовало бы выступить съ военной силой противъ нихъ и прогнать ихъ всѣхъ въ Крымъ, не допуская больше ихъ прихода въ эти мѣста. Это было бы доказательствомъ его искренняго желанія жить съ польскимъ гетманомъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Едва-ли нѣсколько сотенъ

[74]) Тамъ же, 269—271. Великій визирь, и въ личныхъ переговорахъ съ Пясечинскимъ, требовалъ совершеннаго искорененія казаковъ въ Запорожьѣ, угрожая, что въ противномъ случаѣ турки сами примутъ мѣры къ вытѣсненію ихъ съ ихъ острововъ. Пясечинскій считалъ это послѣднее нарушеніемъ мирнаго договора и поводомъ къ войнѣ (тамъ же, 37 об.).

турецкой пѣхоты и конницы, оставленныхъ Муртазой-пашой подъ Бѣлгородомъ, смогутъ удержать отъ набѣговъ нѣсколько тысячъ голодныхъ татаръ. Въ благодарность за запрещеніе Кантемиру нападать на польскія владѣнія, и онъ, Конецпольскій, издалъ новый строгій приказъ старшему запорожскаго войска немедленно выписать изъ состава этого войска и карать конфискаціей имущества и смертію всякаго, кто смѣлится выйти въ море. Посланцу турецкому сообщены обо всемъ, касающемся казаковъ, болѣе подробныя свѣдѣнія, и онъ уже отправленъ обратно [75]).

Хотя по основному вопросу (объ искорененіи казачества въ самомъ Запорожьѣ) Конецпольскій далъ отрицательный отвѣтъ, хотя и съ оговорками, Муртаза-паша ушелъ съ своимъ войскомъ отъ границы Польши за Дунай. Мало того: онъ казнилъ смертію нѣсколькихъ татаръ изъ Кантемировой орды, готовившихся напасть на польскія владѣнія, и самому Кантемиру строго воспретилъ на нихъ нападать. Въ виду такихъ дѣйствій начальника сухопутнаго турецкаго войска, Конецпольскій (въ письмѣ къ королю отъ 17 окт. 1630 г.) самъ свидѣтельствовалъ, что онъ искренно заботится о сохраненіи мира, а не такъ, какъ дѣлали это его предшественники. Но коронный гетманъ все-таки не особенно свѣтло смотрѣлъ на будущее польско-турецкихъ отношеній. Онъ, во-первыхъ, не вѣрилъ въ то, что голодные татары станутъ, и въ отсутствіе Муртазы-паши, слушаться строгихъ его запрещеній. Во-вторыхъ, онъ думалъ, что и сами турки, разгнѣванные казаками, не будутъ препятствовать татарамъ въ ихъ нападеніяхъ на польскія владѣнія. Множество казаковъ (продолжалъ онъ въ вышеупомянутомъ письмѣ) пошло теперь на Запорожье, къ выходу откуда въ море тридцать лодокъ уже готовилось, и потому чего-либо иного, а не турецкой пріязни приходится ожидать... «И если на это своеволіе не будетъ положено въ скоромъ времени крѣпкой узды, я опасаюсь скорой на насъ напасти въ видѣ турецкой войны, да и со стороны самихъ казаковъ не очень маленькая выростетъ опасность, что явно открывается изъ интригъ духовенства религіи Греческой,

[75]) Тамъ же, 271—272. Муртаза-паша просилъ еще объ освобожденіи изъ польскаго плѣна Шангерей-султана, захваченнаго осенью 1629 года и о выдачѣ крымскому хану обычныхъ поминковъ. Объ освобожденіи Шангерея Конецпольскій обѣщалъ ходатайствовать передъ королемъ, а относительно поминокъ отвѣчалъ, что ханъ будетъ ихъ получать, если будетъ этого заслуживать.

въ которыя мы проникаемъ» (y od samych nie lada iakie niebezpieczenstwo uroście, co się z praktyk Duchowienstwa Religiey Greckiey, ktorych dochodziemy, oczywiscie baczy) [76]).

Въ октябрскомъ письмѣ (1630 года) Конецпольскаго къ Сигизмунду III о казацкомъ своеволіи обращаетъ на себя особенное вниманіе послѣдняя его фраза, буквально переданная нами. Указаніе на опасность турецкой войны, какъ на неизбѣжный результатъ казацкаго своеволія (въ частности казацкихъ выходовъ въ Черное море) давно уже стало общимъ, избитымъ мѣстомъ всякаго рода польской оффиціальной переписки относительно запорожскихъ казаковъ. Приведенная фраза содержитъ въ себѣ указаніе Конецпольскаго на другую, внутреннюю опасность казачества для Польскаго государства,—опасность соціально-политическую. При этомъ эта послѣдняя опасность казачества для Польши окрашена, въ представленіи польскаго короннаго гетмана, православно-русскимъ національнымъ колоритомъ: онъ боится интригъ православнаго русскаго духовенства въ средѣ запорожскаго казачества, онъ старается проникнуть и, по его убѣжденію, проникаетъ въ эти его интриги... Усмиритель казацкаго возстанія 1630 года не только на самое это возстаніе смотрѣлъ, какъ православно-русское національное движеніе, но и всѣ послѣдующія явленія внутренней жизни запорожскаго казачества расположенъ былъ разсматривать съ той же религіозно-политической точки зрѣнія. И это сдѣлано было имъ не въ разсчитанномъ на общую гласность документѣ (когда такъ естественно бываетъ раздувать дѣло съ цѣлью болѣе его скомпрометтировать), а въ предназначенномъ для одного правительства письмѣ. Конецпольскій, больше другихъ польскихъ сановниковъ имѣвшій непосредственныхъ столкновеній съ казаками, лучше другихъ уразумѣлъ и ихъ общее міровоззрѣніе.

Подѣлившись съ королемъ своими мыслями насчетъ представляемыхъ запорожскимъ казачествомъ опасностей, Конецпольскій заканчивалъ свое письмо къ нему выраженіемъ надежды, что ближайшему сейму, быть можетъ, удастся залечить эти раны польскаго государства. Сигизмундъ въ отвѣтномъ Конецпольскому письмѣ (отъ 15 ноября 1630 года) сообщалъ, что казацкій вопросъ вносится на рѣшеніе будущаго сейма: «мы и сами признаемъ великую этого надобность» (прибавилъ

---

[76]) Тамъ же, 274.

онъ) [77]). Казацкому вопросу, многіе уже годы бывшему предметомъ сеймоваго вниманія, исключительныя обстоятельства тревожнаго 1630 года создали для обсужденія его на новомъ сеймѣ болѣе сложную и болѣе трудную постановку. Само запорожское казачество весенней военной расправой съ нимъ Конецпольскаго совсѣмъ не было разгромлено [78]), и сеймовому шляхетскому представительству предстояло считаться съ только еще болѣе прояснившей грозной соціально-политической силой русскаго юга литовско-польскаго государства.

П. Жуковичъ.

---

[77]) Тамъ же, 275—275 об.

[78]) Въ одномъ письмѣ изъ Варшавы отъ 31 дек. 1630 г. находится сообщеніе о томъ, что „Валленштейнъ проситъ (у польскаго правительства) десять тысячъ запорожцевъ“ (собр. автогр. И. П. Б., № 221, л. 145, письмо Бѣлецкаго къ Я. С. Сапѣгѣ).

Антіохійскій соборъ 324 года и его посланіе къ Александру, епископу ѳессалоникскому *).

VI.

Гарнаку кажется невѣроятнымъ уже самый фактъ, чтобы въ 324—5 г. въ Сиріи, т. е. тамъ, гдѣ въ 30-хъ—40-хъ годахъ 4 вѣка господствовало «полуаріанство» (Semiarianismus), многочисленный соборъ епископовъ осудилъ не только аріанство, но и самое полуаріанство въ лицѣ его вождя—Евсевія кесарійскаго. Этотъ фактъ Гарнаку и въ 1909 г. кажется «несноснымъ парадоксомъ» [51]).

Въ дѣйствительности этотъ аргументъ, которому Гарнакъ придаетъ едвали не самое важное значеніе, покоится на недоразумѣніи: въ его основѣ лежитъ злоупотребленіе терминомъ «полуаріанство», а также не вполнѣ точное представленіе о предметѣ спора между Аріемъ и Александромъ.

Со временъ Неандера, если не ранѣе, у церковныхъ историковъ вошло въ обычай дѣлить богословски-образованныхъ отцовъ 1-го вселенскаго собора на 3 группы: 1) строго православныхъ во главѣ съ Александромъ александрійскимъ и Осіемъ кордубскимъ, 2) чистыхъ аріанъ во главѣ съ Евсевіемъ никомидійскимъ, и 3) умѣренныхъ—«полуаріанъ» или оригенистовъ во главѣ съ Евсевіемъ кесарійскимъ. Со времени Цана протестантскіе ученые въ особенности настаиваютъ на томъ, что группа сторонниковъ Александра на соборѣ представляла не-

*) Окончаніе. См. іюль—августъ.

51) ein unerträgliches Paradoxon II S. 411.

значительное меньшинство [52]), а наиболѣе многочисленною была средняя группа, предводимая Евсевіемъ кесарійскимъ.

Въ основѣ такого представленія дѣла лежитъ тотъ безспорный фактъ, что въ послѣдующее время большинство на востокѣ составляли не строгіе никейцы и не аріане, а богословы—оригенисты, видѣвшіе въ Сынѣ Божіемъ—существо (или ипостась) хотя и не тварное, однако подчиненное Богу Отцу, меньшее Его.

Но не нужно забывать, что въ 320—35 г.г. вопросъ о подчиненіи или равенствѣ Сына Отцу вовсе не подымался, и самъ св. Александръ александрійскій въ фактѣ нерожденности Отца видѣлъ его извѣстное преимущество (οἰκεῖον ἀξίωμα) предъ Сыномъ, и въ цѣломъ его «богословіе» (въ тогдашнемъ смыслѣ слова, въ смыслѣ ученія о Троицѣ) представляло ученіе Оригена, только очищенное отъ примѣсей субординаціонизма существеннаго. Въ своихъ посланіяхъ Александръ отъ начала до конца полемизируетъ только противъ аріанскаго ученія о Сынѣ, какъ о существѣ тварномъ, происшедшемъ во времени (ἦν ποτε ὅτε οὐκ ἦν) и изъ ничего (ἐξ οὐκ ὄντων) и потому измѣняемомъ. Но въ отношеніи къ этимъ положеніямъ возможно лишь двоякое отношеніе: или положительное, или отрицательное. И какъ разъ послѣдующая исторія аріанства, на которую ссылается Гарнакъ, доказываетъ, что большинство восточныхъ епископовъ даже и въ послѣдніе годы царствованія Констанція было не на сторонѣ Арія. Возрожденіе чистаго аріанства около 357 г. въ лицѣ Аетія, покровительствуемаго Евдоксіемъ, вызвало энергичный протестъ со стороны оригениста Василія анкирскаго cum sociis, на сторонѣ которыхъ, какъ доказываетъ исторія селевкійскаго собора 359 года, было огромное большинство восточныхъ епископовъ. Посредствомъ интригъ Акакію и Евдоксію (причемъ послѣднему пришлось порвать связь съ Аетіемъ) удалось разгромить оміусіанскую партію и сломить даже сопротивленіе западныхъ. Но и добившись торжества, эти представители скрытаго, но настоящаго аріанства, не находятъ возможнымъ замѣстить всѣ каѳедры своими единомышленниками, и въ числѣ ихъ ставлен-

---

[52]) *Th. Zahn* Marcellus v. Ancyra 1867. До nec plus ultra такое представленіе дѣла доведено у *Harnack'*а въ 4-мъ изданіи его Dogmengeschichte (Tübingen 1909) II, 222: по его словамъ выходитъ, что даже настоящихъ аріанъ на соборѣ было больше, чѣмъ православныхъ.

никовъ мы видимъ цѣлый рядъ такихъ епископовъ, которые стали потомъ выдающимися поборниками православія (Мелетій антіохійскій, Пелагій лаодикійскій, Аѳанасій анкирскій).

Слѣдовательно, нисколько не удивительно, что въ 324 году большинство восточныхъ епископовъ оказалось на сторонѣ св. Александра александрійскаго.

Но, можетъ быть, число лицъ, сочувствовавшихъ Арію въ то время преобладало въ самой Сиріи? Вѣдь центромъ оміусіанства была не Сирія, а Галатія и вообще Малая Азія. А съ другой стороны хорошо извѣстно, что и Арій и Евсевій никомидійскій были лукіанисты—ученики Лукіана, пресвитера антіохійскаго, и въ письмѣ къ Евсевію Арій увѣряетъ, что и Евсевій кесарійскій, и Ѳеодотъ [лаодикійскій], и Павлинъ [тирскій], и Аѳанасій [аназарвскій], и Григорій [виритскій], и Аетій [лиддскій] и всѣ на востокѣ (πάντες οἱ κατὰ ἀνατολήν) говорили согласно съ нимъ, что «Отецъ безначально предшествуетъ Сыну».—Однако, не нужно забывать, что, по словамъ Александра александрійскаго, Лукіанъ былъ ученикомъ Павла самосатскаго и оставался внѣ общенія съ антіохійскою церковію при трехъ епископахъ; что антіохійскую каѳедру въ началѣ спора занималъ строгій антіаріанинъ Филогоній, что незадолго до никейскаго собора (вѣроятно осенью 324 года) туда переведенъ былъ изъ Веріи св. Евстаѳій. Его переходъ едвали могъ произойти безъ согласія собора епископовъ Килисиріи; и такъ какъ къ этому времени предметъ спора достаточно выяснился, то переходъ этотъ свидѣтельствуетъ, что настроеніе епископовъ этой провинціи было не въ пользу Арія.—Если же этому выводу противорѣчатъ повидимому слова самаго Арія, то—помимо того, что онъ какъ заинтересованная сторона не можетъ быть тутъ безпристрастнымъ свидѣтелемъ—все его послѣдующее поведеніе доказываетъ, что онъ былъ человѣкъ, способный маскировать свои взгляды, и потому нужно думать, что многіе изъ восточныхъ епископовъ приняли сначала его сторону только потому, что онъ и свое ученіе излагалъ въ значительно смягченномъ видѣ и ученіе Александра старался представить какъ чистое савелліанство.—Но посланія Александра должны были убѣдить всѣхъ, что его ученіе съ савелліанствомъ не имѣетъ ничего общаго, а ученіе Арія выставили въ его истинномъ свѣтѣ. Вслѣдствіе этого, многіе изъ бывшихъ сторонниковъ Арія должны были перейти на сторону св. Александра.

Относительно того, на чьей сторонѣ былъ Евсевій кесарійскій въ 324—5 г.—не можетъ быть и сомнѣнія. Изъ письма Евсевія никомидійскаго къ Павлину тирскому видно, что Евсевій—однимъ изъ первыхъ—рѣшительно сталъ на сторону Арія, и Евсевій никомидійскій убѣждаетъ Павлина послѣдовать его примѣру. Въ защиту Арія Евсевій писалъ и Александру александрійскому. А когда всѣ старанія друзей Арія помирить съ нимъ его епископа окончились неудачею, и въ частности не имѣлъ результата и виѳинскій соборъ, собранный Евсевіемъ никомидійскимъ, то Евсевій кесарійскій вмѣстѣ съ престарѣлымъ Павлиномъ тирскимъ (слѣд. не позже 323 г.: въ 324 г. Павлинъ былъ уже въ Антіохіи) и Патрофиломъ скиѳопольскимъ составилъ палестинскій соборъ, который разрѣшилъ низложеннымъ александрійскимъ клирикамъ вернуться въ Александрію и имѣть тамъ свои богослужебныя собранія. А что и на никейскомъ соборѣ Евсевій кесарійскій, хотя ему пришлось подписать ὁμοούσιον и анаѳематствовать Арія, въ душѣ оставался на его сторонѣ, доказываетъ его письмо къ кесарійцамъ. Изъ этого письма и изъ другихъ сочиненій Евсевія видно, что онъ сходился съ Аріемъ въ томъ, что не признавалъ Сына Божія совѣчнымъ Отцу: для него слово ἀΐδιος было синонимомъ слова ἀγέννητος (и ἄναρχος), и слѣд. допускать, что Сынъ такъ же вѣченъ, какъ Отецъ, значитъ допускать, что существуютъ два начала [53]).

Слѣдовательно, въ сообщаемомъ новооткрытымъ посланіемъ фактѣ, что Евсевій кесарійскій на антіохійскомъ соборѣ 324 года подвергся отлученію, нѣтъ ничего неправдоподобнаго. Напротивъ этотъ, неизвѣстный намъ изъ другихъ источниковъ, фактъ объясняетъ наилучшимъ образомъ, почему именно Евсевій кесарійскій вынужденъ былъ на никейскомъ соборѣ выступить съ особымъ исповѣданіемъ вѣры и завѣрять торжественно, что вѣра всегда была такою.

Вообще отлученіе, наложенное этимъ антіохійскимъ соборомъ на 3-хъ епископовъ, легко понятно, какъ фактъ, но

[53]) Особенно ясно въ Contra Marcellum 2,12 [на это мѣсто я обратилъ вниманіе по цитатѣ *А. П. Орлова*, Тринитарныя воззрѣнія Иларія пиктавійскаго. Сергіевъ посадъ. 1908, стр. 205 прим. 4] Ὁ δὴ Μάρκελλος οἰηθεὶς ἀΐδιον εἶναι τοῦ Θεοῦ Λόγον, τοῦτ' ἔστιν ἀγέννητον, πολλάκις ὡρίσατο, οὐ συνορῶν, ὅτι εἰ μὲν ἕτερον τοῦ Θεοῦ τὸν Λόγον φάσκει, δύο ἔσται ἀΐδια, ὁ Λόγος καὶ ὁ Θεός, καὶ οὐκ ἔτ' ἔσται ἀρχὴ μία.

рѣшительно непостижимо, какъ выдумка. Въ 1908 году Гарнакъ воображалъ, что самое посланіе выдумано затѣмъ, чтобы отомстить Евсевію кесарійскому за низложеніе Евстаѳія антіохійскаго. Въ 1909 году онъ уже не настаиваетъ на этомъ. Швартцъ указалъ ему на тотъ—роковой для его гипотезы—фактъ, что имя Евсевія кесарійскаго занимаетъ послѣднее мѣсто въ числѣ трехъ отлученныхъ, и его имя только одинъ разъ и упомянуто въ посланіи. Да и странная была бы эта месть чрезъ *отлученіе* [временный перерывъ общенія] въ 324 году за *низложеніе* [лишеніе сана] около 330 года!

На имя Евсевія знаменитаго историка всетаки сравнительно легко было набрести предполагаемому фальсификатору, сочинявшему «небывалое» отлученіе. Но имена Ѳеодота и Наркисса таковы, что ихъ не легко было поддѣлать.

Ѳеодотъ лаодикійскій рано сошелъ со сцены: въ 335 г. его уже не было въ живыхъ; но въ свое время былъ въ числѣ выдающихся покровителей Арія. Константинъ в. послѣ никейскаго собора обращался къ нему съ особымъ посланіемъ, сохранившимся у Геласія кизикскаго.

Наркиссъ нероніадскій—иринупольскій—умеръ незадолго до селевкійскаго собора и по смерти Евсевія никомидійскаго и Ѳеогнія занималъ первое мѣсто въ числѣ вождей евсевіанъ.

Слѣд. отлученіе этихъ 2-хъ епископовъ въ 324 году вполнѣ понятно. Но непонятно, какимъ образомъ фальсификаторъ въ 6—7 вв. могъ набрести на эти именно имена, почему бы ему, напр., на мѣсто Ѳеодора и Наркисса не взять у Созомена имена Павлина [что его къ концу 324 г. уже не было въ живыхъ, этого фальсификаторъ не могъ знать] и Патрофила?

Но мало того, уже тотъ фактъ, что Наркиссъ въ спорномъ посланіи названъ нероніадскимъ, не иринупольскимъ, доказываетъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ подлогомъ, а съ подлиннымъ документомъ. Нероніада не только во времена Ѳеодорита носила имя Иринуполя, но повидимому получила это имя еще до 343 года [54]). Въ никейскихъ спискахъ Наркиссъ иринупольскій является дублетомъ Наркисса нероніадскаго, слѣд., когда редактированъ былъ прототипъ наличныхъ

---

[54]) Thdrt, I, 7 p. 26 A. Hilar fr. 3 n. 29 p. 667 (подпись подъ посланіемъ сердикскаго восточнаго собора 343 г.) Narcissus episcopus ab Anapoli (=Irenopoli, не Neronopoli, какъ допускаетъ издатель).

редакцій списка, успѣли уже забыть, что Иринуполь нѣкогда носилъ имя Нероніады. Слѣд. и «ὁ ἀπὸ Νερωνιάδος» въ новооткрытомъ посланіи—«водяной знакъ», доказывающій его подлинность.

Изъ другихъ аргументовъ Гарнака нѣкоторые (напримѣръ, упоминаніе о «Новомъ Римѣ», оказавшееся интерполяціей, и мнимое сходство антіохійскаго анаѳематизма съ никейскимъ) устранены уже выше. Другіе отстранить не трудно. Напр., новооткрытое посланіе начинается словами Ἑνὸς σώματος, какъ и окружное посланіе Александра. Но, какъ указалъ Швартцъ, это была обычная въ древности форма комплимента (посланіе антіохійскаго собора 324 г. получилъ, конечно, и Александръ александрійскій) въ отвѣтныхъ письмахъ. Антіохійское вѣроизложеніе названо въ рукописи вѣрою «318» отцовъ; но цифра «318» стоитъ на полѣ и есть позднѣйшая интерполяція. Доказательство неподлинности посланія Гарнакъ видитъ даже въ томъ фактѣ, что большинство членовъ того антіохійскаго собора явились и въ Никею. Для меня, какъ и для Швартца, такое возраженіе просто непонятно. При краткости промежутка между обоими соборами — это такъ естественно, что удивительно было бы противоположное явленіе: если бы мы въ новооткрытомъ посланіи встрѣтили имена лишь немногихъ членовъ 1-го вселенскаго собора. За полгода изъ 56-ти епископовъ могли умереть лишь очень немногіе. И конечно епископы, обсуждавшіе вопросъ объ Аріи и его покровителяхъ осенью 324 года, имѣли всѣ основанія явиться въ іюлѣ 325 года и въ Никею для окончательнаго рѣшенія вопроса о нихъ. Какъ въ числѣ епископовъ отлучившихъ Ѳеодора, Наркисса и Евсевія, могли очутиться и Григорій, Аетій, Македоній, Таркондимантъ, Алфій, объяснено выше.

Особенно упорно Гарнакъ выдвигаетъ argumentum a silentio: молчаніе объ этомъ соборѣ Аѳанасія, Евсевія и церковныхъ историковъ 5 в. Но ни Евсевій, ни Аѳанасій не писали настоящей исторіи никейскаго собора, а къ 5-му вѣку солнце никейскаго собора окончательно затмило звѣзду антіохійскаго собора 324 года. Молчаніе Сократа-Созомена доказываетъ собственно только, что актовъ этого собора не внесъ въ свою Συναγωγὴ συνόδων Савинъ ираклійскій, а онъ имѣлъ на это, вѣроятно, свои побужденія.

Серьезнаго вниманія у Гарнака заслуживаетъ только его критика того предположенія Швартца, будто Εὐσέβιος, имя ко-

тораго занимаетъ 1-е мѣсто въ адресѣ спорнаго посланія—есть Евсевій исавропольскій, и онъ именно былъ иниціаторомъ и предсѣдателемъ антіохійскаго собора 324 года. Я совершенно согласенъ съ Гарнакомъ, что этотъ посторонній для Сиріи епископъ, не бывшій даже и митрополитомъ провинціи, не могъ быть предсѣдателемъ собора, собравшагося въ самой столицѣ востока—великой Антіохіи, и что самымъ естественнымъ предсѣдателемъ этого собора былъ бы Евстаѳій антіохійскій, имя котораго занимаетъ 2-е мѣсто въ адресѣ этого посланія, что слѣд., это имя Εὐσέβιος представляетъ собою загадку.

Но мало того, Евсевія изъ Исавріи, занимающаго 190-е мѣсто въ гельцеровской реконструкціи никейскаго списка, я уже и потому не могу считать вождемъ этого антіохійскаго собора, что онъ не былъ, по моему, даже и епископомъ древней столицы Исавріи — Исавры, а былъ епископомъ маленькаго городка Діокесаріи и слѣд. не имѣлъ и тѣни митрополитанскихъ правъ. Дѣло въ томъ, что, кромѣ этого Евсевія на никейскомъ соборѣ присутствовалъ изъ Исавріи (№ 178, на 5 мѣстѣ въ числѣ епископовъ Исавріи) Σιλουανὸς Μητροπόλεως. Вотъ какъ обозначена каѳедра этого Силуана въ различныхъ спискахъ.

Лат. I, 176. Siluanus Metropolitanus.
II, 176. Siluanus Isauriae Metropolitanus.
III, 175. Siluanus Mitropolitanus Tisauro.
IV, 164. Siluanus Petropoli.
Θеодоръ Чтецъ. 175. Σιλβανὸς Μητροπόλεως.
Vaticanus 84. Σιλουανὸς Μητροπόλεως.
Index Coen. Nitr. 177. סילונום דיסאורופלים = Σιλουανὸς Ἰσαυροπόλεως.
Авдишо 180. ס[י]לונום מיטופולים דאיסוריא = Σιλουανὸς Μητροπόλεως Ἰσαυρίας.
Армянскій 170. Σιλουjανος j Ισαυκαцυοц Μαjκαχαλαχέ = Silvanus ex Isaurorum metropoli.
Арабскій 62. Silw*n*wn 'lM*t*rwbwls.
Синайскій 57. [=*іерусалимскій* 58]. Σιλουανὸς Μητροπόλεως.

Шварцъ предполагаетъ, что подлинное чтеніе сохранилось у Θеодора Чтеца (=Сократа) и въ латинскомъ «Metropolitanus oder Metropoli» (классы I — IV по Gelzer); а сирское Ἰσαυροπόλεως возникло изъ сохранившихся въ латинскихъ ру-

констахъ (и въ армянскомъ) Isauriae metropolitanus или Isaurometropolitanus [55]).

Нельзя оспаривать, что чтенiе нитрiйскаго индекса Ἰσαυροπόλεως стоитъ одиноко, и количественный перевѣсъ рукописныхъ свидѣтельствъ на сторонѣ Ἰσαυρίας Μητροπόλεως (Μητροπόλεως Ἰσαυρίας)—за это чтенiе не только сирскiй и армянскiй переводы, но и большинство латинскихъ рукописей [56]).

Но дѣло здѣсь не въ томъ, правильно или нѣтъ чтенiе Ἰσαυροπόλεως, а въ томъ, гдѣ же именно, въ какомъ городѣ, былъ епископомъ этотъ Силуанъ?

Вѣдь *города съ именемъ* Μητρόπολις *не было въ Исаврiи* [57]).

А если *Любеккъ* [58]) предполагаетъ, что словомъ Metropolitanus или Isauriae Metropolitanus обозначенъ просто-на-просто митрополитъ провинцiи Исаврiи, «котораго достоинство и положенiе» чрезъ это было достаточно ясно отмѣчено, хотя его имя и находится не въ началѣ списка епископовъ этой провинцiи, а его *каѳедра не названа* прямо, то я не могу признать этого предположенiя даже только вѣроятнымъ.

Мало того, что такое описательное обозначенiе каѳедры епископа было бы безпримѣрнымъ исключенiемъ въ спискѣ никейскихъ отцовъ [59]), самая власть митрополитовъ къ 325-му году еще не установилась окончательно, и епископы въ то

---

[55]) *Schwartz* VI, 283: Aus den von den Lateinen erhalteren Varianten *Isauriae metropolitanus* oder *Isaurometropolitanus* ist das falsche דיסאורפלים (=Ἰσαυροπόλεως) des Syrers [nr 177] entstanden.

[56]) И tisauro получилось изъ Ἰσαυρίας, какъ доказываетъ варiантъ chisauro metrop. Q.

[57]) *K. Lübeck*, Reichseintheilung und die kirchliche Hierarchie des Orients. Münster. i. W. 1901 S. 96: eine Stadt mit dem Namen Metropolis in Isaurien nicht existierte (со ссылкою на *Kuhn*, Verf. II; 304—311). — Города съ такимъ названiемъ были въ Писидiи и Лидiи. Поликарпъ митропольскiй въ Писидiи присутствовалъ въ Никеѣ (№ 153 въ Index restitutus Гельцера).

[58]) *Lübeck*. l. c. Da nun eine Stadt mit dem Namen Metropolis in Isaurien nicht existierte, so ist mit einer solchen Bezeichnung zweifelsohne (?!) der Oberhirte der weltlichen Provinz verstanden, dessen Würde und Stellung damit genügend hervorgehoben war, auch wenn sein Name nicht vor demjenigen der Provinzialbischofe befand, und seine Bischofstadt nicht ausdrücklich genannt ward.

[59]) Поликарпъ митропольскiй изъ Исаврiи не былъ митрополитомъ этой провинцiи: ея митрополiею была Иконiя; имя Евсевiя иканiйскаго и стоитъ на 1-мъ мѣстѣ въ числѣ епископовъ этой провинцiи въ никейскомъ спискѣ, Поликарпъ же занимаетъ 8-е мѣсто (4—отъ конца).

время не имѣли обычая титуловать себя въ самыхъ подписяхъ митрополитами.

Поэтому и латинское «Metropolitanus» значитъ не «митрополитъ», а «митропольскій», т. е. епископъ города Митрополя. Но такъ какъ города съ такимъ собственнымъ именемъ въ Исавріи не было, то правильно чтеніе Ἰσαυρίας Μητροπόλεως; а подъ этой «митрополіей Исавріи» можетъ разумѣться только древняя столица Исавріи — Исавра, которая и на монетахъ называется μητρόπολις Ἰσαύρων [60]).

Слѣд., словами Ἰσαυρίας Μητροπόλεως или вѣроятнѣе—Ἰσαύρων Μητροπόλεως (ср. tisauro-chisauro, Ἰσαυροπόλεως, Ισαυραцυοц=isaurorum) каѳедра Силуана обозначена достаточно точно: именно этотъ *Силуанъ*, а *не Евсевій* и былъ *епископомъ* города *Исавры* [61]).

А слѣд., предположеніе *Кунтца-Гельцера*, что Евсевій изъ Исавріи былъ епископомъ Діокесаріи, не только правдоподобно само по себѣ и отлично разъясняетъ всѣ варіанты, но и является неизбѣжнымъ въ виду невозможности считать этого Евсевія епископомъ города Исавры.

Такимъ образомъ, попытка Швартца разрѣшить загадку, представляемую именемъ этого Евсевія въ новооткрытомъ посланіи, оказывается неудачною.

Но возраженіемъ противъ подлинности посланія это имя служить не можетъ уже потому, что оно остается загадочнымъ и въ томъ случаѣ, если это посланіе признать подлогомъ. И самъ же Гарнакъ предлагаетъ читать вмѣсто Εὐσέβιος — [τῷ] εὐσεβεῖ, въ смыслѣ эпитета къ Ἀλεξάνδρῳ (=«Александру благочестивому»): и съ его точки зрѣнія на 1-мъ мѣстѣ въ спискѣ этого посланія должно стоять имя Εὐστάθιος.

По моему мнѣнію, разъ въ цѣломъ списокъ епископовъ въ спорномъ посланіи носитъ въ себѣ непререкаемо ясные признаки подлинности, а съ другой стороны въ новооткрытомъ документѣ есть безспорныя интерполяціи (τῆς Νέας Ῥώμης и τιη=318), то и это имя Εὐσέβιος представляетъ, можетъ быть, позднѣйшую вставку. Можно даже объяснить и происхожденіе этой вставки. Авторъ каноническаго сборника, который сохра-

---

[60]) *Eckhel*, III, 29. *Mionnet*, III, 531, Suppl. VII, 114 ap. *Lübeck* S. 92 Anm. 12.

[61]) Это допускаетъ и *Любеккъ* S. 92 cf. S. 96 (съ его точки зрѣнія Исавра лишь въ томъ случаѣ могла быть митрополіею церковной провинціи Исавріи, если ея епископомъ былъ „Metropolitanus“ Силуанъ).

нился до насъ въ сирскомъ Cod. Par. 62, приписывалъ, какъ это новооткрытое посланіе, такъ и посланіе собора, издавшаго 25 каноновъ, антіохійскому собору ἐν τοῖς ἐγναινίοις, и вслѣдъ за посланіемъ собора, издавшаго каноны, приводитъ и списокъ епископовъ этого собора. Списокъ этотъ у него начинается именемъ: Ταρκωνδίμαντος; но вслѣдъ за канонами стоитъ подпись Евсевія. Въ латинскомъ спискѣ епископовъ этого собора на 1-мъ мѣстѣ стоитъ Eusebius Gadarens изъ Палестины, подъ которымъ скрывается Евсевій кесарійскій [62]).

Нельзя ли предположить, что кто-либо, увѣренный, что спорное посланіе принадлежитъ собору, издавшему каноны, отъ себя вставилъ въ его адресъ имя Εὐσέβιος, разумѣя подъ нимъ Евсевія кесарійскаго, предсѣдателя собора, издавшаго каноны?

А. И. Бриллiантовъ дѣлаетъ другое остроумное предположеніе. Въ хроникѣ, изданной впервые Ландомъ подъ названіемъ «Liber chalipharum», и въ хроникѣ Михаила Сирійца Осій кордубскій носитъ имя Евсевія. [Въ сирскомъ имена Ὅσιος [62a]) אוסיוס и Εὐσέβιος אוסביוס представляютъ величины взаимно замѣнимыя]. Не былъ ли Осій—такъ сказать—почетнымъ предсѣдателемъ этого собора, главнымъ руководителемъ котораго былъ Евстаѳій?

И противъ этой гипотезы у меня нѣтъ неустранимыхъ возраженій, хотя для нея необходимо, кажется, предположить особое путешествіе Осія на Востокъ, отличное отъ его извѣстнаго путешествія въ Александрію: это послѣднее было еще до назначенія собора въ Анкирѣ.

VII.

Перехожу къ вопросу о соборѣ въ Анкирѣ.

Какъ оказывается рукописное засвидѣтельствованіе письма Константина, переносящаго соборъ изъ Анкира въ Никею, восходитъ ко 2-й половинѣ 5 вѣка [63]).

Въ 1908 г. Гарнаку казалось, что стиль этого документа отличенъ отъ «извѣстнаго стиля христіанской канцеляріи Констан-

---

[62]) Какъ Eusebius Gadarenus является онъ (вслѣдствіе передвиженія названій каѳедръ) и въ I-мъ классѣ латинскихъ списковъ по Gelzer.

[62a]) Такъ, по сообщенію А. И. Бриллiантова, передается имя Ὅσιος въ томъ же cod. Paris. 62 въ канонахъ сердикскаго собора 343 (342) г. (ed. Schulthess p. 168, 12 etc) и у Баръ-Эврайи (I, col. 69, 17). Въ Index coenobii Nitriensis стоитъ הוסיוס.

[63]) *Schwartz* VII, 339.

тина». Швартцъ вопроса о стилѣ этого документа не касается. Я не считаю себя компетентнымъ въ вопросѣ о слогѣ канцеляріи Константина и не имѣю даже у себя изданія Eusebii De vita Constantini *Heickel'я*, гдѣ вопросъ о слогѣ писемъ Константина расматривается ex professo. Но и довольно бѣглая справка съ Vita Constantini (ed. *Zimmerman*) натолкнула меня на слѣдующія знаменательныя параллели:

1) Спорное письмо заканчивается словами: «ὁ θεὸς ὑμᾶς διαφυλάξει, ἀδελφοὶ ἀγαπητοὶ» Это—обычная заключительная фраза писемъ Константина. Напр., его письмо къ Евсевію кесарійскому заканчиваются словами: Ὁ θεὸς σὲ διαφυλάξει, ἀδελφὲ ἀγαπητέ [64]). Выраженіе «ἀδελφοὶ ἀγαπητοὶ» встрѣчается и выше въ текстѣ указа. Ср. въ письмѣ у Константина къ Макарію и прочимъ епископамъ Палестины Vit. Const. III, 52: ἀδελφοὶ προσφιλέστατοι; въ письмѣ къ Евсевію: (II, 46) ἀδελφὲ προσφιλέστατε.

2) Константинъ проситъ епископовъ прибыть въ Никею «безъ всякаго промедленія», «ἄνευ τινὸς μελλήσεως». И въ упомянутомъ письмѣ къ палестинскимъ епископомъ встрѣчаются фразы: «ἄνευ τινός ὑπερθέσεως» и «χωρὶς τινὸς μελλήσεως».—Если относительно словъ «ὁ θεὸς ὑμᾶς διαφυλάξει ἀδελφοὶ ἀγαπητοὶ» и возможно предположеніе, что фальсификаторъ скопировалъ ихъ съ какого-либо письма Константина, то параллели къ ἄνευ τινὸς μελλήσεως не такъ-то легко было отыскать у Константина, и потому эта фраза ручается за подлинность спорнаго письма.

VIII.

Слѣдовательно, Швартцъ и А. А. Спасскій не ошибались, принимая разобранные документы за подлинные; они только не могли угадать истиннаго адресата посланія антіохійскаго собора 324 года и потому оказались не въ состояніи выяснить ту связь, въ какой стоитъ съ этимъ посланіемъ перенесеніе собора изъ Анкиры въ Никею.

Швартцъ думаетъ, что Константинъ в. остался недоволенъ соборомъ въ Антіохіи и это свое недовольство и выразилъ въ томъ, что перенесъ соборъ въ Никею виѳинскую, гдѣ епископомъ былъ Ѳеогній—лукіанистъ и видный покровитель

[64]) И *S. Rogala*, Die Anfänge des arianischen Streites. Paderborn 1907 S. 46 отмѣчаетъ Grussformel „ὁ θεὸς ὑμᾶς διαφυλάξει" какъ характерно-константиновскую.

Арія,—и на самомъ соборѣ не далъ полнаго торжества Александру александрійскому и его союзникамъ на востокѣ, а навязалъ собору нѣчто новое: западные богословскіе термины.

Такой взглядъ нельзя признать состоятельнымъ уже потому, что по нему Константинъ в. оказывается тонкимъ богословомъ, способнымъ понять разность между александрійскимъ и западнымъ ученіемъ о Троицѣ, между тѣмъ какъ письмо его къ Александру и Арію доказываетъ, что для него и самый смыслъ спора между самими Александромъ и Аріемъ былъ не ясенъ, а изъ одного его замѣчанія на соборѣ, приводимаго Евсевіемъ, видно, что онъ и на соборѣ способенъ былъ разсуждать въ духѣ Маркелла анкирскаго.

Правильная установка адреса антіохійскаго посланія даетъ возможность угадать дѣйствительный поводъ къ перенесенію собора въ Никею. По примѣру самого Александра александрійскаго, антіохійскій соборъ 324 года обращается съ посланіями къ выдающимся западнымъ епископамъ: Александру ѳессалоникскому и Сильвестру римскому [65]).

Эти западные епископы, по всей вѣроятности тертулліанисты въ ученіи о Св. Троицѣ, конечно отозвались сочувствіемъ на осужденіе Арія и — можетъ быть чрезъ посредство Осія, или и непосредственно — довели до свѣдѣнія императора о своемъ желаніи принять участіе на великомъ соборѣ, созываемомъ для рѣшенія спорнаго догматическаго вопроса. Императоръ согласился на это и для удобства западныхъ перенесъ соборъ изъ Анкиры, лежавшей въ центрѣ Малой Азіи, въ ея сѣверо-западной уголокъ, въ Никею. Что въ выборѣ Никеи могло быть замѣшано вліяніе Евсевія никомидійскаго—это возможно, но не безспорно, такъ какъ въ западной части Малой Азіи едвали и возможно было выбрать городъ, гдѣ епископомъ былъ сторонникъ Александра: Виѳинія и Асія были чуть не всецѣло на сторонѣ Арія.

Новооткрытые документы прекрасно разъясняютъ, почему на никейскомъ соборѣ было такъ мало епископовъ западныхъ. Соборъ предполагался сначала только восточный, но виднѣй-

---

[65]) О письмѣ къ Сильвестру собора 324 г. сказано въ Cod. Par. въ припискѣ къ посланію къ Александру. О письмѣ къ Сильвестру Александра александрійскаго упоминаетъ Либерій въ письмѣ къ Константину „Obsecro“ у Hilar. fragm. 5. cf. *Schwartz* VI, 264—5.

шіе западные епископы уже сами выразили желаніе принять на немъ участіе и получили приглашеніе уже на соборъ въ Никею и настолько поздно, что едва ли имѣли возможность собраться туда въ большомъ количествѣ.

Но мало того. До 1905 года и самое торжество Александра александрійскаго на никейскомъ соборѣ представляло собою загадку. Изъ сжатаго, но содержательнаго изложенія исторіи аріанства до никейскаго собора у Созомена (I, 15 — по Савину) мы знаемъ, что до 325 года въ пользу Арія высказались два собора: виѳинскій и палестинскій. И послѣдующая исторія борьбы восточныхъ противъ никейскаго символа и его защитниковъ показываетъ достаточно ясно, что большинство восточныхъ епископовъ въ ученіи о Сынѣ Божіемъ было субординаціонистами въ духѣ Оригена, и выраженія «ἐκ τῆς οὐσίας» и «ὁμοούσιον» представлялись имъ болѣе опаснымъ, чѣмъ «κτίσμα» или даже «ἦν ποτε ὅτε οὐκ ἦν». Судя по этому настроенію восточныхъ, наибольшіе шансы на успѣхъ въ 325 году имѣла бы неопредѣленная формула, въ родѣ символа, предложеннаго Евсевіемъ кесарійскимъ, а никакъ не никейскій символъ. Разумѣется, нѣтъ ни малѣйшихъ основаній сомнѣваться въ томъ, что термины ἐκ τῆς οὐσίας и ὁμοούσιος, противъ которыхъ Оригенъ полемизировалъ и изъ которыхъ второй прямо отвергнутъ былъ многочисленнымъ антіохійскимъ соборомъ, низложившимъ Павла самосатскаго,—что эти термины предложены были на никейскомъ соборѣ Осіемъ кордубскимъ [67]). Новооткрытое посланіе подтверждаетъ это лишній разъ. Но представителей западной церкви на никейскомъ соборѣ было такъ не много, что даже и Осій кордубскій едва ли рѣшился бы предложить внести въ символъ эти западные (тертулліановскіе) термины, не имѣя для этого точки опоры въ восточныхъ епископахъ.

Въ 1867 году *Цанъ* [68]) думалъ, что на никейскомъ соборѣ сторонники св. Александра александрійскаго составляли ничтожное меньшинство, die kleine Minderheit, которое «одержало побѣду надъ плохо предводимымъ большинствомъ». Однако, во главѣ этого «большинства» стояли такіе искусные политики,

---

[67]) Къ удивленію это оспараваетъ *Seeberg*, DG II² (1910) 43, ₂. Но онъ, какъ и остальные западные богословы, воображаетъ, будто терминъ ὁμοούσιος употреблялъ самъ Оригенъ (DG I³ (1908) 415).

[68]) *Th. Zahn*, Marcellus v. Ancyra. Gotha 1867. 5—9. Cf. *Harnack* DG II³ 222—3 Спасскій 217.

какъ оба Евсевія, и они успѣли сорганизоваться, высказались въ пользу Арія на двухъ соборахъ.

Открытый Шварцемъ новый документъ показываетъ, что и сторонники св. Александра александрійскаго на востокѣ успѣли объединиться еще въ 324 году и, собравшись на соборъ въ Антіохіи въ количествѣ вѣроятно значительно большемъ, чѣмъ сколько удалось обоимъ Евсевіямъ собрать на соборы въ Никомидію и Кесарію палестинскую, и высказавшись рѣшительно противъ Арія и его покровителей, создали этимъ достаточный противовѣсъ виѳинскому и палестинскому соборамъ и вдобавокъ привлекли на свою сторону и западныхъ епископовъ. Антіохійскій соборъ 324 года показалъ достаточно ясно, что у св. Александра александрійскаго много сторонниковъ и на востокѣ, во главѣ которыхъ стоитъ самъ антіохійскій епископъ Евстаѳій. Собору этому удалось привлечь на сторону Александра и нѣкоторыхъ изъ числа бывшихъ сторонниковъ Арія, а трое изъ числа виднѣйшихъ покровителей Арія подвергнуты была имъ отлученію. Отлученіе, наложенное на Евсевія кесарійскаго, въ существѣ дѣла сводило къ нулю значеніе кесарійскаго собора.

Такимъ образомъ къ началу 325 года и востокъ и западъ былъ въ существѣ дѣла на сторонѣ Александра. Вѣрными Арію остались лишь его малоазійскіе покровители и только отдѣльные немногіе епископы «Востока».

Но на никейскомъ соборѣ выяснилось, что для борьбы съ аріанствомъ нѣтъ оружія болѣе пригоднаго, чѣмъ западные термины ἐκ τῆς οὐσίας и ὁμοούσιος [69]). Самъ Арій и его «солукіанистъ» Евсевій выдвинули эти термины, какъ Consequenzmacherei изъ ученія св. Александра. Филосторгій сообщаетъ, что Александръ и Осій еще до собора уговорились внести въ символъ слово ὁμοούσιος. Правильно или нѣтъ это сообщеніе, но соборныя пренія могли убѣдить Александра согласиться на внесеніе въ символъ и ἐκ τῆς οὐσίας и ὁμοούσιον. Возможно, что дѣло не обошлось здѣсь и безъ участія Александра ѳессалоникскаго, который, хотя и грекъ, но какъ епископъ западной половины имперіи, часто сносившійся съ Римомъ, могъ держаться тертулліановской терминологіи въ ученіи о Святой Троицѣ и въ то же время былъ ὁμόψυχος Александра александрійскаго. А вслѣдъ за обоими Александрами на это согла-

[69]) Athan. de decret. nicaeni syn. nn. 19—20.

сился и Евстаѳій антіохійскій, за которымъ послѣдовали и бывшіе отцы антіохійскаго собора 324 года.

Но на антіохійскомъ соборѣ 324 года присутствовали (не считая отлученныхъ) 55—56 епископовъ, изъ которыхъ только 8 не явились потомъ на никейскій соборъ, въ томъ числѣ умершій Лупъ тарсскій. Остальные 47—48 епископовъ должны были и въ Никеѣ поддерживать сторону Александра. Кромѣ нихъ, на его сторонѣ безспорно были и 21 епископъ (по коптскому списку) Египта, Ѳиваиды и Ливіи, и 18 епископовъ и два пресвитера (римскіе) запада. Слѣд., болѣе 80-ти членовъ собора (на дѣлѣ же вѣроятно гораздо болѣе) еще раньше высказались противъ Арія и должны были поддерживать св. Александра и на соборѣ. А такъ какъ никейскій соборъ въ очень значительной степени состоялъ изъ епископовъ мало образованныхъ, то очевидно, исходъ соборныхъ преній зависѣлъ отъ сравнительно незначительнаго числа богословски-образованныхъ отцовъ собора. Но въ числѣ этихъ образованныхъ епископовъ бывшіе отцы антіохійскаго собора 324 года [70]) представляли едва ли не большинство, а вмѣстѣ съ египетскимъ и западными епископами безспорно подавляющее большинство.

Такимъ образомъ, открытое Шварцемъ посланіе антіохійскаго собора 324 года доказываетъ, что осужденіе Арія на никейскомъ соборѣ не было чѣмъ-то неожиданнымъ, а подготовлено было заранѣе.

Въ заключеніе неизлишне сказать пару словъ о поводѣ и о датѣ этого антіохійскаго собора.

Шварцъ относитъ кончину Филогонія къ 20 дек. 324 г., и считаетъ его непосредственнымъ предшественникомъ св. Евстаѳія. Гарнакъ говоритъ поэтому о соборѣ 324—5 г. По моему мнѣнію, предшественникомъ Евстаѳія въ Антіохіи былъ Павлинъ тирскій, занимавшій антіохійскую каѳедру 6 мѣсяцевъ. Поэтому кончину Филогонія я отношу (вмѣстѣ съ Тилльмономъ) къ 20 дек. 323 г. Павлинъ слѣд. умеръ, можетъ быть, въ іюлѣ—августѣ 324 года, и Евстаѳій переведенъ на его мѣсто, не позднѣе осени этого года. Поэтому и соборъ антіохійскій я отношу къ осени 324 года. Отодвигать его къ

---

[70]) Епископы малообразованные, конечно, находились и въ числѣ членовъ этого собора; но разъ численно соборъ этотъ превосходилъ соборы виѳинскій и палестинскій, то и образованныхъ епископовъ на немъ было больше, чѣмъ на этихъ соборахъ.

началу 325 года неудобно потому, что тогда изданіе указа Константина, переносящаго соборъ въ Никею, придется отнести къ концу зимы 325 года. Но никейскій соборъ собрался 19 іюня 325 года. Ефесскій соборъ 431 года — 22 іюня, и однако указъ Өеодосія II, созывавшій на этотъ послѣдній соборъ подписанъ былъ еще 19 ноября 430 года. 4-хъ мѣсяцевъ по тогдашнимъ условіямъ было слишкомъ мало для того, чтобы епископы имѣли возможность поспѣть во время въ Никею. Вотъ почему я говорю увѣренно о соборѣ 324 года, а не 324—5 года.

Но Швартцъ едва ли правъ, когда думаетъ, что соборъ этотъ собрался для избранія антіохійскаго епископа. Разъ въ 1-мъ лицѣ въ началѣ посланія говоритъ не какой-то Евсевій, а самъ Евстаөій антіохійскій, то изъ посланія ясно, что Евстаөій уже перешелъ въ Антіохію и самъ уже въ качествѣ антіохійскаго епископа созвалъ этотъ соборъ. Поводомъ къ этому, по его словамъ, были какія-то ζιζάνια—плевелы какого-то ученія—διδασκαλίας нѣкоторыхъ и какія-то волненія (καὶ στάσεως). Что это за плевелы, Швартцу не удалось путемъ выяснить. По моему, Евстаөій говоритъ здѣсь о плевелахъ аріанскаго ученія, посѣянныхъ въ Антіохіи его предшественникомъ Павлиномъ и поэтому же поводу происходили и волненія. Съ этимъ вполнѣ гармонируетъ и тотъ фактъ, что и отцы этого собора въ дальнѣйшей части посланія, писанной уже отъ имени всего собора, рѣшаютъ (хотя и говорятъ въ началѣ о презрѣніи церковныхъ каноновъ въ гоненіе Ликинія) въ первую очередь догматическій вопросъ «о вѣрѣ», т. е. о «Спасителѣ нашемъ, Сынѣ Бога живаго».

Свящ. **Д. Лебедевъ**

23 января—15 февраля 1911 года.

Хитопадеша *).

Полезное Наставленіе.

Собраніе древнеиндійскихъ нравоучительныхъ разсказовъ. Переводъ съ санскрита, съ примѣчаніями.

ДАМАНАКА опять сказалъ: «Ваше Величество! устранивъ всѣхъ совѣтниковъ, Вы поручили только ему правленіе всѣхъ дѣлъ; въ этомъ большая ошибка» [220]). *Такъ какъ*—

106. Когда министръ и царь, оба, до крайности возвысились одинаково, тогда Шри поддерживаетъ ихъ, напрягши свои ноги; по своей женской природѣ, она не выдерживаетъ тяжести, и сбрасываетъ одного изъ нихъ двоихъ [221]). *И далѣе*—

*) Продолженіе. См. іюль—августъ.

[220]) *Sch* читаетъ:—*ты поставилъ только его одного правителемъ*—.

[221]) *Шри*: богиня счастія, называемая также *Лакшми*. См. двустишіе 22-е во Введеніи къ Хитопадешѣ.—Въ санскритскомъ текстѣ глаголъ *возвысились* того же корня, что и имя богини, такъ что при чтеніи двустишія слышится нѣкоторое пріятное созвучіе. Образъ взятъ отъ человѣка, держащаго на своихъ плечахъ сразу двухъ человѣкъ; тогда у него сильно напрягаются ноги. Представляется, что министръ, сравнявшійся во власти съ царемъ, и дѣйствительный царь находятся какъ бы на плечахъ богини счастія, но только одинъ наикратчайшій моментъ, потому что богиня, какъ женщина, не можетъ выдержать сразу двоихъ *одинаково* счастливыхъ, хотя въ силахъ выдерживать милліоны носителей *разнаго* счастія. Нравоучительную мысль двустишія можетъ подтверждать судьба п. *Никона* при царѣ *Алексѣѣ Михайловичѣ*. Это одинъ изъ многихъ примѣровъ, которые извѣстны исторіи.—Для полноты рѣчи у насъ прибавлены въ двустишіи слова: *одинаково, ихъ, свои*.

107. Когда царь дѣлаетъ первымъ въ государствѣ только одного слугу, — онъ въ ослѣпленіи становится гордымъ, а вслѣдствіе гордости извращается,—въ его извращенномъ сердцѣ возникаетъ желаніе независимости; тогда, вслѣдствіе желанія независимости, онъ дѣлается смертельнымъ врагомъ царя [222]).
И еще—

108. Когда совершенно удаляютъ непереваренную желудкомъ пищу, или шатающійся зубъ, или злого министра,—бываетъ покой [223]). *Что же—*

109. Тотъ гибнетъ, кто ставитъ свое счастіе въ зависимость отъ слуги; такой царь подобенъ слѣпому, у котораго нѣтъ спутниковъ [224]).

«А онъ во всѣхъ дѣлахъ поступаетъ по своему желанію; это—авторитетъ уже государя. Скажу вотъ что»: [225])

110. Нѣтъ на свѣтѣ человѣка, который не любитъ пышности. На пріятную молодицу другого кто не смотритъ съ вожделѣніемъ? [226])

---

[222]) Точнѣе нужно бы сказать:—*а отъ гордой лѣности извращается*—. Въ началѣ двустишія *Sch* немного отступаетъ: Когда царь дѣлаетъ *авторитетомъ государства* только одного слугу—.

[223]) Все двустишіе нужно бы сказать: „Удаленіе съ корнемъ и пищи испорченной, и зуба шатающагося, и министра злого есть счастіе". *Sch* незначительно отступаетъ съ этимологической стороны.

[224]) Во второй половинѣ двустишія слѣдовало бы сказать: — „такой царь, какъ слѣпой, долженъ сидѣть безъ спутниковъ". Слово *свое* прибавлено нами.—Вслѣдъ за этимъ двустишіемъ *Pet* читаетъ: *И особенно вотъ это*—„Ни одинъ богачъ не можетъ быть успѣшнымъ казначеемъ на долгое время; испытавшіе учатъ такъ, что богатство портитъ сердце". Это самое двустишіе, хотя безъ вводныхъ словъ, читалось у *Pet* раньше, подъ № 92-мъ; здѣсь онъ повторяетъ его, уступая свидѣтельству всѣхъ рукописей. Но мы предпочли исключить его изъ главнаго нашего текста, какъ дѣлаетъ то же и *Sch*. См. замѣч. *Pet* и *Sch*, и у насъ прим. 174-е.

[225]) Подъ словомъ *онъ* нужно разумѣть быка Сандживаку. Даманака здѣсь опять переходитъ къ наглой клеветѣ на Сандживаку, съ которой и началъ раньше, именно, что Сандживака сталъ считать себя какъ бы царемъ, и готовъ занять мѣсто Пингаляки.

[226]) *Sch* читаетъ: *О, царь!* нѣтъ человѣка, который—. Во второй половинѣ двустишія слово *кто* выражено у издателей разными словами.— Къ этому сравни: *Ін. VIII, 3—4. 10—11* Тутъ книжники и фарисеи привели къ Нему женщину, взятую въ прелюбодѣяніи, и, поставивши ее посреди, сказали Ему: Учитель! эта женщина взята въ прелюбодѣяніи.— Іисусъ, восклонившись и не видя никого кромѣ женщины, сказалъ ей: женщина! гдѣ твои обвинители? Никто не осудилъ тебя? Она отвѣчала: никто, Господи!

Левъ, подумавши, сказалъ: «милый! если даже такъ, я все-таки сильно люблю Сандживаку» [227]). *Смотри*—

111. Кто пріятенъ, тотъ пріятенъ, хотя бы причинялъ страданіе; кто не любитъ своего тѣла, хотя бы оно было обезображено многими недостатками? *И еще*—

112. Кто пріятенъ, тотъ пріятенъ, хотя бы онъ дѣлалъ непріятности; кто не чтитъ Агни, хотя бы сожжено было домашнее имущество? [228])

Даманака говоритъ: «Ваше Величество! это худо» [229]). *Такъ какъ*—

113. На кого въ особенности обращается царскій взоръ—на сына ли, министра, или посторонняго—того человѣка уважаетъ Лакшми [230]).

«Слушайте, Ваше Величество!»

114. Непріятное, но полезное ведетъ въ концѣ всего къ благополучію; гдѣ есть говорящій и слушающій, тамъ пребываетъ успѣхъ [231]).

---

[227]) Вмѣсто *подумавши* у *Sch* читается: *засмѣявшись*; у него же далѣе:—„все-таки Сандживака для меня—*предметъ* сильной любви".

[228]) *Агни*: точнѣе нужно бы сказать *Вахни*, чтò значитъ *везущій, приносящій*. Таковъ одинъ изъ частыхъ эпитетовъ древнѣйшаго божества Агни, бога огня *WB*. Двустишіе учитъ, что, въ случаѣ пожара въ домѣ, матеріальный огонь не теряетъ своего божественнаго значенія въ глазахъ благочестиваго инда, такъ какъ онъ (огонь) есть само многолюбезное божество Агни, или лучшій выразитель его.—Къ двустишіямъ №№ 111 и 112 сравни: *Рим. VII, 24* Бѣдный я человѣкъ! кто избавитъ меня отъ сего тѣла смерти? *Еф. V, 29* Ибо никто никогда не имѣлъ ненависти къ своей плоти, но питаетъ и грѣетъ ее.

[229]) Вмѣсто *говоритъ* у *Sch* читается: *сказалъ опять*.

[230]) *Sch* читаетъ:—того человѣка *направляетъ* Лакшми (т. е., богиня счастія. См. здѣсь же прим. 221).—Даманака хочетъ сказать, что то отношеніе къ любимому человѣку, о которомъ говорятъ двустишія №№ 111 и 112, въ своей основѣ не справедливо, такъ какъ оно не заслуженно любимымъ человѣкомъ; послѣднимъ можетъ быть даже недостойный царскаго вниманія. Даманака имѣетъ въ виду быка Сандживаку, который былъ, именно, постороннимъ при царскомъ дворцѣ. Въ слѣдующемъ двустишіи Даманака намекаетъ на себя, какъ правдиваго и полезнаго, хотя нѣсколько и рѣзкаго на словахъ.—Сравни къ № 113-му: *Прит. XVI, 15* Въ свѣтломъ взорѣ царя—жизнь, и благоволеніе его—какъ облако съ позднимъ дождемъ.

[231]) *Говорящій*: разумѣется Даманака, предостерегающій въ данномъ случаѣ Пингаляку отъ опасности. Онъ хочетъ, чтобы Пингаляка со вниманіемъ выслушалъ его, т. е., чтобы *повѣрилъ* его словамъ. См. предыдущее прим.—Къ этому сравни: *Мѳ. VII, 24* Итакъ всякаго, кто слуша-

«Отвергши природныхъ слугъ, Вы сдѣлали первымъ этого пришельца. Такъ дѣлать нельзя». *Смотри*—

115. Не должно предпочитать пришельцевъ, путемъ оскорбленія природныхъ слугъ; думаютъ, что не иное, какъ это, больше всего вредитъ цѣлости государства [232]).

Левъ говоритъ: «какъ странно! за что̀ ненавидитъ меня тотъ, кому я обѣщалъ безопасность, и облагодѣтельствовалъ?» Даманака говоритъ: «слушайте, Ваше Величество!» [233])

116. Злой всегда обнаружитъ свою природу, хотя бы ему оказывали вниманіе; онъ подобенъ собачьему хвосту, который не пригибается, хотя бы его смачивали и мазали [234]).

И далѣе—

117. Мочатъ, трутъ, даже веревками обвязываютъ собачій хвостъ; но, будучи развязанъ чрезъ двѣнадцать лѣтъ, онъ опять принимаетъ природную форму [235]). *И еще*—

118. Зачѣмъ радоваться возвышенію, или чести злыхъ? Ядовитое дерево не приноситъ полезныхъ плодовъ, хотя бы оно было однимъ нектаромъ [236]).

«Потому, я говорю»:

119. Кто не желаетъ чьей-либо гибели,—долженъ говорить полезное, даже не будучи спрошенъ,—въ этомъ, именно, долгъ

етъ слова Мои сіи и исполняетъ ихъ, уподоблю мужу благоразумному, который построилъ домъ свой на камнѣ.

[232]) Здѣсь и въ предыдущей фразѣ словомъ *природныхъ* передается собственно *коренныхъ*. Выраженіями *пришельца* и *пришельцевъ* Даманака прямо называетъ быка Сандживаку. Во второй половинѣ двустишія *Sch* вмѣсто *думаютъ, что* читаетъ: *такъ какъ*; есть и еще незначительныя разности.

[233]) Слова льва у *Sch* читаются:—„Я обѣщалъ ему безопасность, и облагодѣтельствовалъ; но за что такое онъ ненавидитъ?" Въ свою очередь *Pet* опускаетъ: *слушайте*.

[234]) Точнѣе нужно бы сказать: *не пригибается средствами смачиванія—мазанія*. Слово *свою* прибавлено нами. Образъ, взятый для сравненія, довольно ясенъ; дальше онъ развивается подробнѣе. См. слѣдующее примѣчаніе.

[235]) Для полноты рѣчи нами прибавлены слова: *но* и *опять*. — Къ двустишіямъ №№ 116 и 117 сравни: *2 Цар. III, 8* Авениръ же сильно разгнѣвался на слова Іевосѳея и сказалъ: развѣ я—собачья голова? *Иса. IX, 15* старецъ и знатный, это-голова; а пророкъ—лжеучитель есть хвостъ.

[236]) Точнѣе: — *Ядовитыя деревья не приносятъ*, и далѣе въ этой формѣ. Слово *было* прибавлено нами. Сравни къ этому: *Мѳ. VII, 18* не можетъ дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые.

благородныхъ; иначе думаютъ неблагородные [237]). *Сказано также*—

120. Тотъ имѣетъ *пріязнь*, кто отвращаетъ несчастіе; то *дѣло*, которое чисто; та *жена*, которая послушна; тотъ *мудръ*, котораго хвалятъ добрые; та *честь*, которая не надмеваетъ; тотъ *счастливъ*, кто свободенъ отъ жадности; тотъ *другъ*, кто естественъ; тотъ *мужъ*, который не подавляется чувствами [238]).

«Если государь, будучи даже предупрежденъ о возможной гибели чрезъ Сандживаку, оставитъ это безъ вниманія, то въ такомъ случаѣ слуга не виноватъ» [239]). *Также*—

121. Царь, приверженный страсти, не цѣнитъ ни того, что̀ онъ долженъ дѣлать, ни пользы; онъ, подобно возбужденному слону, своевольно блуждаетъ, какъ ему угодно. Потомъ, когда, надмившись гордостію, онъ подпадаетъ глубокой скорби, тогда переноситъ вину на слугу, не сознавая собственнаго поведенія [240]).

Пингаляка говоритъ про себя [241]):

122. Не поднимай палки ни на кого, по навѣту другихъ; нужно наказывать, или чествовать, сдѣлавъ собственное дознаніе [242]). *Сказано также*—

---

[237]) Въ концѣ двустишія слѣдовало бы сказать: *противоположное мнѣніе иначе*; или, по *Sch*: *думающій противное—изъ неблагородныхъ*.

[238]) Эти *восемь* нравственныхъ понятій выражены по-санскритски въ прекрасной формѣ; мы своими подчеркиваніями старались сохранить стиль оригинальной рѣчи. У *Sch* вмѣсто *тотъ счастливъ* читается: *тотъ благоразуменъ*.—Каждое изъ восьми понятій опредѣляется самымъ рѣшительнымъ признакомъ, взятымъ изъ него же; безъ этого признака понятіе перестаетъ быть тѣмъ, что̀ оно есть по своей сущности, напр., жена *безъ послушанія* не есть жена. Замѣчательно, что здѣсь также *восьмеричное* число, какъ и на пути къ добродѣтели (см. двуст. 7-е въ I-й части Хитопадеши). Сравни къ этому *описательныя* библейскія опредѣленія: *Прит. XII, 4* Добродѣтельная жена—вѣнецъ для мужа своего, а позорная—какъ гниль въ костяхъ его. *Прит. XIX, 13* сварливая жена—сточная труба.

[239]) Такъ читаетъ *Sch*. *Pet* опускаетъ: *предупрежденъ* и *это*; и читаетъ такъ: „Если государь, будучи даже *подвигнутъ* отъ погибели“—, Слово *подвигнутъ* читаетъ и *Sch*, но мы передаемъ его чрезъ *возможной*; это не совсѣмъ точно этимологически, но мысль выражается вѣрно.

[240]) Между издателями есть незначительныя разности по тексту.

[241]) Слово *говоритъ* прибавлено нами.

[242]) *Палка* понимается здѣсь, какъ орудіе наказанія, которое можетъ имѣть, конечно, разные виды. Пингаляка не вѣритъ злымъ навѣтамъ Даманаки, и этимъ прекраснымъ нравственнымъ правиломъ старается поддержать свое поколебавшееся къ Сандживакѣ довѣріе. Слова

123. Кто бываетъ благосклоненъ, или наказываетъ, не зная ясно добродѣтели, или порока, тотъ гибнетъ, подобно рукѣ, дерзко простертой надъ змѣиной пастью [243]).

Потомъ онъ громко говоритъ: «въ такомъ случаѣ нужно позвать Сандживаку» [244]). Даманака въ смущеніи сказалъ: «нѣтъ, нѣтъ! Ваше Величество! такъ разстроится только наше совѣщаніе» [245]). *Сказано также*—

124. Тайное совѣщаніе—это сѣмя, которое нужно хранить столь тщательно, чтобы не было повреждено оно нисколько; разъ повреждено, оно не взойдетъ. *Что же*—

Пингаляки должны быть непремѣннымъ закономъ для всякаго правителя, если онъ желаетъ отвѣчать своему истинному назначенію. Эти слова не обходятъ и частныхъ лицъ, которыя, хотя не могутъ начальнически *поднимать палку*, но бываютъ расположены въ такихъ случаяхъ платить злобою и недовѣріемъ къ людямъ, оклеветаннымъ предъ ними.—Въ двустишіи издатели выражаютъ разными словами наше *по навѣту*.—Библейскія параллели см. послѣ № 123-го.

[243]) Это двустишіе, по своему лаконизму,—одно изъ трудныхъ для перевода; ктому же оно неувѣренно читается у обоихъ издателей. Пингаляка продолжаетъ разсуждать про себя, и сейчасъ хочетъ сказать, что правитель, относясь безъ разбора къ достойнымъ и недостойнымъ подчиненнымъ, этимъ самымъ подвергаетъ *себя* столь же явной опасности, какъ если бы онъ протянулъ свою обнаженную руку надъ пастью змѣи. Индія, какъ извѣстно, изобилуетъ всевозможными пресмыкающимися, иногда достигающими огромныхъ размѣровъ. Т. о., предыдущее двустишіе и это дополняютъ другъ друга. То говоритъ, какъ *низко* для правителя относиться къ подчиненнымъ по сужденію другихъ; а это говоритъ, какъ *опасно* такое отношеніе для самого правителя.—Въ данномъ случаѣ мы слѣдуемъ *Pet*, и нужно бы сказать такъ: *Образъ дѣйствія благосклонный* (или) *наказывающій, не обращая вниманія на добродѣтель* (или) *пороки,—тотъ* (т. е., образъ дѣйствія) *на погибель, подобно—*. У *Sch* стоятъ: *Instrum.* вмѣсто *Nomin.*, и *Locat.* вмѣсто *Adject.*; наконецъ, вся первая половина двустишія понимается, какъ *Subjectum* къ послѣдующему, такъ что у него читается: *Образомъ дѣйствія* (состоящимъ) *въ благосклонности* (или) *наказаніи, не обращая вниманія на добродѣтель* (или) *порокъ,*—(это) *себѣ* (т. е., царю) *на погибель*—. См. зам. *Pet* и *Sch*.—Къ двустишіямъ №№ 122 и 123 сравни: *Сирах. XI*, 7 Прежде, нежели изслѣдуешь, не порицай; узнай прежде—и тогда упрекай. *Сирах. XIX, 15—16* Разспроси друга, ибо часто бываетъ клевета. Не всякому слову вѣрь. См. предыдущее примѣч.

[244]) Слово *Потомъ* прибавлено нами. *Sch* не читаетъ: *въ такомъ случаѣ*.

[245]) Разумѣется сейчасъ происходящее совѣщаніе между Даманакой и Пингалякой; послѣдній не понимаетъ, конечно, всего коварства этого совѣщанія противъ Сандживаки. Слово *наше* прибавлено нами.

125. Когда нужно что-нибудь взять, дать, или что-либо дѣлать, то, если это совершается не быстро, время выпиваетъ отсюда сокъ [246]).

«Потому, съ большимъ усердіемъ, безусловно нужно выполнять то, что̀ предпринято» [247]). *Что̀ же*—

126. Тайное совѣщаніе подобно слабому воину, который, хотя бы закрытъ былъ со всѣхъ сторонъ, не можетъ долго стоять, подъ вліяніемъ страха отъ враговъ [248]).

«Но если Вы, даже послѣ обнаруженія его вины, опять довѣритесь ему, лишь только онъ исправится, то это будетъ чрезвычайно худо» [249]). *Такъ какъ*—

127. Кто разъ оказавшагося злымъ опять желаетъ сдѣлать своимъ другомъ, тотъ какъ бы смерть принимаетъ въ себя, подобно жеребой ослицѣ [250]).

---

[246]) Точнѣе нужно передать такъ: *Изъ того, что̀ нужно взять, дать, и изъ дѣла, которое нужно дѣлать,—изъ небыстро совершаемаго,—время пьетъ—*. Въ своемъ текстѣ *Sch* не читаетъ этого двустишія, съ вводными словами къ нему. Но въ своихъ замѣчаніяхъ онъ приводитъ подобное же двустишіе, именно: „Изъ того, что̀ заслуживаетъ вниманія, изъ главнѣйшаго, и изъ дѣла, которое нужно дѣлать,—если не совершается быстро,—время пьетъ отсюда сокъ“. См. замѣч. *Sch*. Въ обоихъ случаяхъ мысль двустишія та же, которая выражается и нашей пословицей: *Дорога ложка къ обѣду.*

[247]) Это—собственный выводъ Даманаки; съ незначительнымъ отличіемъ читаются эти слова также у *Sch*, но читаются въ замѣчаніяхъ его, вслѣдъ за приведеннымъ, по нему, двустишіемъ. См. замѣч. *Sch* и наше предыдущее примѣчаніе.

[248]) *Тайное совѣщаніе*: здѣсь санскр. слово то же, что̀ и въ началѣ 124-го двустишія, значащее просто *совѣщаніе, совѣтъ*. Но мы вынуждаемся прибавить оба раза слово *тайное*, потому что Даманака тамъ и здѣсь имѣетъ въ виду, именно, свой секретный докладъ Пингалякѣ, и настаиваетъ, чтобы онъ былъ сохраненъ въ строжайшей тайнѣ, и чтобы къ осуществленію его было приступлено сразу (№ 125).

[249]) Въ текстѣ служитъ здѣсь главнымъ подлежащимъ *Сандживака*; и Даманака говоритъ собственно такъ: *А что онъ, даже при явной виновности, загладивъ вины, войдетъ въ довѣріе,—то это до крайности не подходяще.*—Между издателями есть мелкія разности по тексту.

[250]) *Принимаетъ въ себя*: собств. *глотаетъ*. И далѣе нужно бы сказать: *какъ ослица, приносящая* (т. е., рождающая) *лошадь*. *Pet* замѣчаетъ у себя словами Нилякантхи, что подобное рожденіе должно сопровождаться разрывомъ утробы матери, т. е., смертію послѣдней. См. замѣч. *Pet*. Дальше *Pet* читаетъ двустишіе, которое уже было раньше, подъ № 91-мъ, именно: „Если облеченъ довѣріемъ злой по душѣ, то онъ дѣлаетъ, конечно, все вредное; Шакуни и Шакатара суть примѣры, царь, этого!“ См. раньше прим. 173-е.

Левъ говоритъ: «скажи, что такое онъ можетъ Намъ сдѣлать?» Даманака сказалъ: «Ваше Величество!» [251])

128. Какъ судить о силѣ, не узнавъ всѣхъ вспомогательныхъ средствъ существа? Смотри: одной лишь пиголицей было взволновано море [252]).

Левъ спрашиваетъ: «какимъ образомъ?» Даманака разсказываетъ: Однажды, на берегу моря, обитала супружеская чета пиголицъ. Потомъ самка, собравшись нестись, сказала мужу: «супругъ! нужно пріискать мнѣ твердое и удобное для дѣтей мѣсто» [253]). Самецъ говорилъ: «ужели это не мѣсто?» Она говоритъ: «этого мѣста достигаетъ морской приливъ». Онъ говорилъ: «милая! развѣ я безпомощенъ? буду захваченъ моремъ, оставаясь въ своемъ домѣ?» Самка, засмѣявшись, сказала: «между тобою и моремъ большая разница, сударь!» *Впрочемъ*—

129. Трудно опредѣлить о самомъ себѣ: способенъ, или неспособенъ ты къ чему-либо; конечно, у кого есть такое знаніе, тотъ не бываетъ въ опасности [254]).

---

[251]) *Sch* читаетъ: *Левъ говорилъ*; онъ же далѣе опускаетъ: *Ваше Величество*. У *Pet* вмѣсто *Даманака* читается: *Онъ.—Скажи*: собств. *пусть будетъ узнано*.

[252]) *Пиголицею*: по-санскритски называется здѣсь *parra jacana* или *goensis WB*. Нѣкоторый мелкій видъ изъ числа индійскихъ водяныхъ птицъ. Наиболѣе подходитъ сюда наша *пиголица*.

[253]) Къ этимъ тремъ фразамъ нужно замѣтить: 1) *Pet* не читаетъ: *Однажды*; 2) вторая фраза должна бы начинаться: *Тамъ самка*, хотя и наше чтеніе допустимо по одной изъ рукописей; 3) словами *нестись* и *для дѣтей* передано у насъ одно и то же санскр. слово, которое слѣдовало бы перевести: предъ *рóдами*, для *рóдовъ*.

[254]) Между издателями здѣсь большая разница; мы держимся чтенія *Pet*, и въ первой половинѣ двустишія рѣчь собственно короче, именно: *Трудно о самомъ себѣ опредѣлить*: *именно—способенъ ли—такъ—или нѣтъ—*. У *Pet* представляется, что здѣсь продолжаетъ свою рѣчь самка, и она высказываетъ противоположную какъ бы прежней мысль; этимъ она будто говоритъ: „Впрочемъ, можетъ быть я ошибаюсь“. Таковъ же смыслъ и вводнаго слова. Наоборотъ, *Sch* влагаетъ это двустишіе въ уста самца, и оно предваряется предложеніемъ: *Самецъ говорилъ*. Ту же первую половину двустишія онъ читаетъ: *Кто знаетъ*: *способенъ ли онъ, нѣтъ—чтобы отвратить отъ себя несчастіе,—у кого есть—*. *Sch* считаетъ это мѣсто испорченнымъ. Онъ думаетъ, что само вводное *Впрочемъ* изобличаетъ утрату двустишія, которое ему предшествовало. Здѣсь же, въ своихъ замѣчаніяхъ, онъ приводитъ двустишіе, которое иногда читается вслѣдъ за разсматриваемымъ. Оно въ такой у него формѣ: „Браться за несоотвѣтственное дѣло, спорить со своими родственниками,

Потомъ, вслѣдствіе рѣчи супруга, она здѣсь же снесла свои яйца. Море также, для испытанія его силы, унесло эти яйца [255]). Тогда самка, удрученная скорбію, сказала мужу: «супругъ! случилось несчастіе: мои яйца погибли!» [256]) Самецъ говорилъ: «не бойся, любезная!» Такъ сказавъ, онъ устроилъ собраніе птицъ, и, пришедши къ птичьему царю, Гарудѣ, разсказалъ свой случай [257]). Гаруда, выслушавъ, передалъ эти слова своему высокому владыкѣ, Нараянѣ, виновнику творенія, пребыванія и уничтоженія [258]). Тогда море, подъ вліяніемъ страха, уважило приказаніе высокаго владыки и возвратило тѣ яйца пиголицины [259]).

Потому, я говорю: «Какъ судить о силѣ, не узнавъ всѣхъ

состязаться съ сильнѣйшимъ себя, довѣрять женскому полу—это четверо вратъ смерти". Вообще *Sch* отказывается отъ окончательнаго сужденія. *Pet* считаетъ прибавочное двустишіе *Sch* интерполяціей, а прочій текстъ благонадежнымъ. См. замѣч. *Pet* и *Sch*.

[255]) *Для испытанія*: *Sch* читаетъ: *изъ желанія испытать* его силу—.

[256]) *Pet* не читаетъ: *Тогда*. Далѣе нужно бы сказать: *тѣ* мои яйца—.

[257]) *Pet* читаетъ только:—*и пошелъ къ птичьему царю Гарудѣ*. Именемъ *Гаруда* называется въ Индіи миѳическая птица, состоящая подъ покровительствомъ бога Вишну; она представляется царемъ всѣхъ птицъ и врагомъ змѣй, отъ которыхъ Инды сильно страдаютъ, но съ которыми не могутъ бороться активно, по своимъ религіознымъ вѣрованіямъ. Самое имя *Гаруда* значитъ *поглотитель*. Это указываетъ, что въ основѣ миѳа о Гарудѣ лежитъ представленіе о всепоглощающемъ солнечномъ зноѣ, столь гибельномъ иногда для Индіи *WB*. Между *Упанишадами* есть спеціально носящій заглавіе по имени *Гаруды*. Онъ посвященъ заклинаніямъ противъ ужаленія змѣй, или обезвреженію ужаленія. Sechzig Upanishad's des Veda etc. P. *Deussen*. Leipz. 1897. ss. 627—628.

[258]) *Нараянъ*: такъ называется Первочеловѣкъ, и иногда богъ Вишну. Это имя собственно значитъ: *сынъ человѣческій WB*. Въ данномъ случаѣ разумѣется богъ Вишну, къ которому самымъ близкимъ существомъ, какъ его возница, представляется птица Гаруда. См. 257 примѣчаніе. *Sch* читаетъ эту фразу такъ: Когда объ этихъ словахъ былъ освѣдомленъ Гарудой его господинъ, Нараяна, виновникъ творенія, пребыванія и уничтоженія, <онъ приказалъ морю возвратить тѣ> (т. е., яйца).

[259]) *Высокаго владыки*: разумѣется тотъ же Нараяна=Вишну; въ переводѣ слѣдовало бы сказать просто: *высокаго* (безъ *владыки*). Въ этой фразѣ *Sch* не читаетъ: *подъ вліяніемъ страха*; наоборотъ, *Pet* не читаетъ: *пиголицины*.

вспомогательныхъ средствъ существа», *и прочее* [260]). Царь сказалъ: «какъ можно узнать, что у него на умѣ коварство?» Даманака сказалъ: «государь! Вы замѣтите это тогда, когда онъ, вооружившись концами роговъ, будетъ напрямикъ подходить, какъ бы дрожа» [261]). Такъ сказавъ, онъ пошелъ къ Сандживакѣ [262]).

Придя туда, онъ приближался медленно-медленно, и изображалъ изъ себя какъ бы изумленнаго. Сандживака почтительно сказалъ: «здравствуй, милый!» Даманака говоритъ: «подчиненному какъ быть здоровымъ!» [263]) *Такъ какъ*—

130. Счастіе тѣхъ, которые находятся при царѣ, зависитъ отъ другихъ; сердце ихъ никогда не спокойно, они не увѣрены даже въ собственной жизни [264]). *И еще*—

131. Кто не гордился, достигши богатства? Для кого, чувственнаго, умерли несчастія? Чье сердце на землѣ не поражалось женами? Кто, именно, любимецъ царя? Кто не входилъ въ область смерти? Какой бѣднякъ достигалъ уваженія? Или какой мужъ, упавъ въ сѣти злого, выходилъ въ безопасности? [265])

Сандживака сказалъ: «говори, другъ, что̀ такое?» Дама-

---

[260]) Вслѣдъ за этими словами иногда читается двустишіе: „Кто начинаетъ борьбу, не зная о преимуществѣ врага, тотъ побѣждается, какъ море пиголицей". См. замѣчаніе *Sch.*

[261]) Предыдущую фразу *Sch* читаетъ: Д. *опять сказалъ*; наоборотъ, у *Pet*: Д. *разсказываетъ*.—Собственныя слова Даманаки выражены въ формѣ 3 лица: „государь узнаетъ тогда, когда онъ"—.

[262]) У *Sch* немного полнѣе: *Потомъ, такъ ему сказавъ*—.

[263]) Послѣдняя фраза должна быть передана собственно: „Откуда здоровье у подданныхъ?"

[264]) Подъ *тѣхъ* и *другихъ* разумѣются въ такой или иной степени приближенные къ царской особѣ. Они ненавидятъ другъ друга, и, путемъ клеветы, одни ищутъ погибели другихъ. Къ этому сравни *Прит. XXV*,5 удали неправеднаго отъ царя, и престолъ его утвердится правдою.

[265]) Нужно представить себѣ, что это высокой красоты и истины двустишіе говоритъ такое низкое и лживое существо, какъ Даманака. Здѣсь каждое оригинальное выраженіе привлекательно. Между прочимъ подъ именемъ *чувственнаго* разумѣется человѣкъ, преданный плотскимъ наслажденіямъ. О несчастіяхъ его говорится собственно, что они *не ушли домой*, къ себѣ на квартиру. Сравни къ этому: *Іак. IV, 1*— Откуда у васъ вражды и распри? не отсюда ли, отъ вожделѣній вашихъ воюющихъ въ членахъ вашихъ? Желаете—и не имѣете; убиваете и завидуете—и не можете достигнуть.

нака также сказалъ: «о чемъ мнѣ, несчастному, говорить!» [266]) *Смотри*—

132. Какъ въ морѣ утопающій, схвативъ висящую надъ нимъ змѣю, ни выпускаетъ, ни отдается ей; въ такомъ я теперь смущеніи [267]). *Такъ какъ*—

133. Съ одной стороны я теряю довѣріе царя, съ другой—друга. Что̀ мнѣ дѣлать? куда идти? я утопаю въ морѣ несчастій! [268])

Такъ сказавъ, онъ глубоко вздохнулъ и сѣлъ. Сандживака говоритъ: «скажи, однако, другъ, подробно, о чемъ ты думаешь?» Даманака, какъ бы въ смущеніи, сказалъ совсѣмъ тихо [269]): «хотя довѣренное царемъ нельзя разсказывать, однако ты пришелъ и остался здѣсь, по довѣрію ко мнѣ. Потому, я, ради загробной своей жизни, скажу безусловно полезное для тебя [270]). Слушай: государь въ душѣ перемѣнился къ тебѣ, и въ тайнѣ говоритъ: «убью Сандживаку и накормлю имъ свою свиту» [271]). Услышавъ это, Сандживака крайне изумился. Даманака опять сказалъ: «довольно изумляться! нужно позаботиться о дѣлѣ, для котораго пришло время». Сандживака, немного подумавъ, сказалъ: «хорошо, конечно, сказано это» [272]):

---

[266]) Въ предыдущей фразѣ *Pet* не читаетъ: *что̀ такое*; наоборотъ, *Sch* не читаетъ въ послѣдней фразѣ: *также*.

[267]) По пословицѣ, *утопающій хватается и за соломинку*. Здѣсь такою сомнительною помощью для утопающаго является змѣя, плывущая надъ его головою. Въ первую минуту онъ хватается за нее, но потомъ въ страхѣ сразу отнимаетъ свою руку, и такъ нѣсколько разъ, такъ что въ результатѣ получается, что онъ ни змѣю не пускаетъ плыть дальше, ни самъ не рѣшается крѣпко за нее уцѣпиться.—Для полноты рѣчи нами прибавлены слова: *надъ нимъ* и *ей*.

[268]) *Съ другой*: выражено у издателей разными словами.—Подъ *царемъ* и *другомъ* разумѣются здѣсь Пингаляка и Сандживака. Этимъ и предыдущимъ двустишіемъ Даманака искусно разыгрываетъ роль несчастнаго, который не знаетъ, что̀ ему дѣлать въ предстоящей кровавой драмѣ (имъ же самимъ коварно подготовляемой): стоять ли на сторонѣ царя, Пингаляки, будто бы замыслившаго убійство Сандживаки, или быть союзникомъ этого послѣдняго и бороться соединенными силами противъ кровожаднаго царя. Сандживака сейчасъ ничего этого не понимаетъ, но потомъ, въ простотѣ сердца, начинаетъ понимать такъ, какъ желательно хитрецу, и тѣмъ несознательно обрекаетъ себя на погибель.

[269]) *Pet* не читаетъ: *какъ бы въ смущеніи*.

[270]) Въ предыдущей фразѣ *Sch* читаетъ только:—*ты пришелъ сюда, по довѣрію*—. Дальше слѣдовало бы сказать: *желая того міра*—.

[271]) Точнѣе: <этотъ> государь—. Между издателями есть мелкія разности. Слово *имъ* прибавлено нами.

[272]) *Сказалъ*: у издателей выражено это разными словами.

134. Бо̀льшею частію — женщины доступны худымъ людямъ, царь приближаетъ недостойныхъ, богатство слѣдуетъ за скрягой, и богами посылается дождь на горы и моря [273]).

Про себя онъ сказалъ: «искренне, или не искренне дѣйствіе,—этого по обращенію узнать нельзя». *Такъ какъ*—

135. Иногда недобрый человѣкъ пріобрѣтаетъ уваженіе изъ-за красоты того, чѣмъ онъ поддерживается, все равно какъ грязная мазь на глазахъ молодой красавицы [274]). *Что̀ такое?*—

136. Если царь, хотя бы усердно располагали его къ себѣ, выражаетъ недовольство, — что̀ здѣсь страннаго? но если за

---

[273]) Точнѣе нужно бы сказать:—женщины склонны къ худымъ, царь бываетъ носителемъ не-сосудовъ—и Богъ посылаетъ—. Къ слову *не-сосудовъ* см. здѣсь же прим. 215-е.

[274]) Слова, стоящія предъ этимъ двустишіемъ, точнѣе нужно бы сказать: *Про себя*: „*такъ дѣйствіе, или не такъ,—этого по обращенію узнать нельзя*". Въ первомъ случаѣ разумѣются отдѣльные поступки, во второмъ—общее поведеніе. Сандживака этимъ выражаетъ мысль, что изъ поведенія человѣка еще нельзя заключать, насколько искренни у послѣдняго отдѣльныя дѣйствія. Онъ имѣетъ въ виду своего друга, Пингаляку, въ искренности чувствъ котораго сталъ сомнѣваться, подъ вліяніемъ словъ Даманаки. Онъ какъ бы говоритъ: „обращеніе Пингаляки было со мною повидимому хорошее, но оно есть на самомъ дѣлѣ цѣпь лживыхъ поступковъ. Слѣдов., какъ я ошибся!" Эту свою мысль Сандживака выражаетъ потомъ въ двустишіи (№ 135), которое собственно читается: *Какой-нибудь недобрый—изъ-за красоты поддержки, какъ грязная мазь, положенная на глаза молодой дѣвицы*. Сандживака здѣсь хочетъ сказать, что Пингаляка занималъ въ его дружескомъ сердцѣ высокое мѣсто, но былъ недостойнымъ этого низкимъ существомъ.—*Sch* читаетъ весь этотъ отдѣлъ (между двустишіями 134 и 135 включительно) въ такомъ порядкѣ: собственныя слова Сандживаки онъ переноситъ съ настоящаго мѣста къ началу 134 двустишія, находя неудобнымъ, что Сандживака говоритъ это двустишіе прямо вслухъ предъ Даманакой. Кромѣ того, что такая перетасовка произвольна, она нарушаетъ еще самое назначеніе 134 двустишія. Говоря послѣднее *вслухъ*, Сандживака отвѣчаетъ лишь пословицей на услышанную отъ Даманаки непріятную новость. Самыя собственныя слова Сандживаки *Sch* читаетъ такъ: *злого ли* (т. е., шакала) *дѣйствіе, или нѣтъ—такъ—изъ этого обращенія узнать нельзя*. См. зам. *Pet* и *Sch*.—Иногда послѣ двустишія 134-го читается такое: „Ничтожному отдается Лакшми, незнатному—Сарасвати, негоднаго предпочитаетъ женщина, на горы посылаетъ дождь Васава". См. зам. *Sch*. О *Лакшми* см. двуст. 22-е во Введеніи къ Хитопадешѣ. *Сарасвати*: собств. *богатая водовмѣстилищами*, потомъ богиня рѣчи. *Васава*: собст. *происходящій отъ Васу* (добра), потомъ эпитетъ бога Индры *WB*.

услугу онъ отвѣчаетъ враждою, то это безпримѣрное, особенное явленіе [275]).

«Чтобы дѣло было разъяснено—это напрасно» [276]). *Такъ какъ*—

137. Кто гнѣвается, указывая поводъ къ тому, тотъ успокоивается, конечно, по устраненіи его; но чье сердце ненавидитъ безъ причины, того какъ удовлетворить человѣку? [277])

Вслухъ сказалъ онъ: «что̀ худого сдѣлалъ я царю? Итакъ, цари бываютъ злодѣями безъ всякаго повода!» [278]) Даманака говоритъ: «именно, такъ! Слушай»:

138. Дѣлаютъ какое-либо добро мудрые и кроткіе, но ихъ ненавидятъ; другіе воочію дѣлаютъ зло, но ихъ любятъ. Трудно понять душу царей—много въ ней расположеній. Долгъ службы до крайности тяжелъ, не выполнимъ даже для аскетовъ [279]). *И еще*—

139. Для недобрыхъ напрасны сто благодѣяній; для неразумныхъ напрасны сто хорошихъ разсказовъ; напрасны сто изреченій для неисполнителя ихъ, и сто разумовъ для невнимательнаго [280]). *Что̀ же*—

---

[275]) Вмѣсто вводнаго *Что̀ такое Sch* читаетъ: *Какъ это*? То и другое хорошо отвѣчаетъ двустишію, которое показываетъ, что Сандживака готовъ принять слова Даманаки за истинныя и цѣликомъ обвинить Пингаляку, какъ безпримѣрнаго злодѣя.

[276]) Точнѣе:—*это невозможно. Sch* читаетъ: *Разъяснить—это невозможное дѣло.* Такъ Сандживака отвѣчаетъ на свою же мысль о примиреніи съ Пингалякой. Онъ какъ бы говоритъ: „Развѣ это—помириться съ нимъ? Нѣтъ, это ни къ чему“. Въ слѣдующемъ дальше двустишіи Сандживака объясняетъ, почему не можетъ быть здѣсь искренняго мира, котораго онъ желалъ бы всею душою. См. зам. *Sch*.

[277]) Во второй половинѣ двустишія *Sch* читаетъ: — но *кто бываетъ* ненавидящимъ въ душѣ безъ причины—. Слова *къ тому* прибавлены нами.—Сравни къ этому: *Прит. III, 30* Не ссорься съ человѣкомъ безъ причины, когда онъ не сдѣлалъ зла тебѣ.

[278]) *Pet* читаетъ просто: *Сказалъ же онъ*; въ дальнѣйшемъ у него опущено: *бываютъ*.

[279]) *Цари* прямо называются въ срединѣ двустишія, но они разумѣются и тамъ, гдѣ не названы. *Много въ ней расположеній*: собст. *много въ ней основныхъ опоръ*, т. е., она крайне измѣнчива. *Для аскетовъ*: собст. *для очарованныхъ*, потомъ *для волшебниковъ WB*. Конецъ этого двустишія цѣликомъ повторяется въ приведенномъ у насъ раньше, среди примѣчаній, изъ *Sch*. См. здѣсь же прим. 34-е.

[280]) *Напрасны*: всѣ три раза употреблено здѣсь одно и то же санскритское слово, значащее собственно *потеря, гибель*. По этому двустишію, Пингаляка подходитъ къ первой изъ названныхъ категорій. Въ

140. На сандальныхъ деревьяхъ бываютъ змѣи; въ водахъ— цвѣты лотоса, и тамъ же крокодилы; и при наслажденіяхъ бываютъ злые, отравители добра; нѣтъ счастія безвреднаго [281]).

«Давно я знаю этого государя: онъ сладкорѣчивъ, но въ сердцѣ ядъ». *Такъ какъ—*

141. Издали протягиваетъ руки, на глазахъ слезы радости, съ собою рядомъ сажаетъ, обнимаетъ крѣпко и преданно, разговариваетъ любезно и внимательно распрашиваетъ; внутри скрытъ ядъ, сввнѣ же чистый медъ — чрезвычайно искусная хитрость! Какъ неподражаемо умѣнье лицемѣрить, которымъ владѣютъ злодѣи! [282]) *Также—смотри—*

142. Чтобы переплыть непроходимое море, есть корабль; при наступленіи тьмы—лампа; во время безвѣтрія—вѣеръ; для обузданія гордости слона, ослѣпленнаго страстію — крючекъ. Такъ, нѣтъ на землѣ такого, противъ чего бы не было придумано судьбою средство; только напрасно было бы, кажется, усиліе Творца, чтобы отнять у злодѣевъ ихъ внутреннюю настроенность [283]).

Сандживака говоритъ: «ахъ, горе! зачѣмъ я, травоядный,

нашей Библіи чаще всего называется вторая категорія, подъ именемъ *глупаго*. Сравни къ этому: *Прит. XVII, 10* На разумнаго сильнѣе дѣйствуетъ выговоръ, нежели на глупаго сто ударовъ. *Прит. XXVII, 22* Толки глупаго въ ступѣ пестомъ вмѣстѣ съ зерномъ,—не отдѣлится отъ него глупость его.

[281]) *Sch* читаетъ:—*и при наслажденіи*—. Дважды употребленное *бываютъ* прибавлено нами.—Иногда послѣ этого двустишія читается такое: „Корень (покрытъ) змѣями, цвѣты — пчелами, вѣтви — обезьянами, вершины—стрѣлами (?), — нѣтъ въ сандальномъ деревѣ того, что не служило бы обиталищемъ для непреодолимыхъ шершастыхъ (?)“. См. зам. *Sch*. Слова, отмѣченныя вопросительнымъ знакомъ, остаются для переводчика неясными.

[282]) Точнѣе нужно бы сказать такъ: Издали протянута рука, глазъ увлажненъ, половина сидѣнья уступлена, крѣпко и преданно объятіе, любезность въ разговорахъ, внимательность въ распросахъ—какое, именно, это неподражаемое умѣнье лицедѣйства, которому научились злые!— Между издателями есть незначительныя разности по тексту.

[283]) *Sch* читаетъ:—при обузданіи гордости *слоновъ, ослѣпленныхъ*— нѣтъ на землѣ такого, *гдѣ бы* не было—. *Крючекъ*: извѣстно, что *магудъ* (вожатый слона) пользуется, вмѣсто нашего кнута, желѣзной палкой съ загнутымъ концомъ.—Къ этому двустишію сравни: *Прит. XVI, 6* Милосердіемъ и правдою очищается грѣхъ, и страхъ Господень отводитъ отъ зла. *Прит. XX, 22* Не говори: „я отплачу за зло“; предоставь Господу, и Онъ сохранитъ тебя. *Екк. VIII, 5* Соблюдающій заповѣдь не испытываетъ никакого зла: сердце мудраго знаетъ и время и уставъ.

сдружился со львомъ?» [284]) Потомъ, подумавъ, онъ сказалъ про себя: «не понимаю, изъ-за чего царь перемѣнился ко мнѣ! Но происшедшаго разрыва съ царемъ нужно бояться постоянно» [285]). *Такъ какъ*—

143. Сердце царя, подобно разбитому хрустальному запястью, никто не въ силѣ примирить, если оно отвращено отъ кого-нибудь министромъ [286]). *И еще*—

144. Громовая стрѣла и царская сила—эти двѣ страшнѣе всего; но та поражаетъ одного, а эта многихъ [287]).

«Потому, нужно предпочесть смертный бой. Уважать его приказанія—теперь ни къ чему» [288]). *Такъ какъ*—

145. Или умру, и достигну неба; или врага убью, и буду счастливъ; эти трудно пріобрѣтаемыя блага—оба—принадлежатъ только героямъ [289]).

«Да теперь и время для борьбы!» *Такъ какъ*—

146. Когда при борьбѣ—конечно, смерть, а безъ борьбы—жизнь въ опасности,—это, именно, называютъ мудрые временемъ для борьбы [290]).

Вслухъ онъ сказалъ: «ахъ, другъ, скажи, какъ мнѣ узнать,

---

[284]) *Pet* опускаетъ: *говоритъ*. Слова Сандживаки у *Sch* читаются иначе:—„за что я, травоядный, *долженъ быть убитъ львомъ?*“ Далѣе, по *Sch*, Сандживака говоритъ такое двустишіе: *Такъ какъ*—„Между двумя совершенно равныхъ средствъ, между двумя совершенно равной силы,—между такими мыслимъ споръ,—но не между самымъ первымъ и самымъ послѣднимъ въ чемъ-нибудь“.

[285]) *Pet* не читаетъ: *про себя*. Слова *онъ сказалъ* прибавлены нами.

[286]) Двустишіе выражено собственно въ формѣ вопроса:—*кто* въ силѣ примирить—. Слово *разбитому* прибавлено нами.

[287]) Вторую половину двустишія нужно бы сказать:—*одна падаетъ въ одномъ мѣстѣ, другая падаетъ отовсюду.*

[288]) Слово *теперь* у *Pet* отнесено къ первой фразѣ, а у *Sch*—ко второй, какъ у насъ. *Ни къ чему*: у издателей выражено это разными словами.

[289]) Первая половина двустишія построена такъ: Или, умерши, достигну неба, или, убивши врага,—счастія—. *Sch* читаетъ: *достигаетъ*.

[290]) *Pet* читаетъ первую половину двустишія такъ: Когда безъ борьбы—конечно, гибель, въ борьбѣ—жизнь въ опасности,—это называютъ—. Далѣе у *Sch* читаются такія два двустишія (подъ №№ 161 и 162): *№ 161* „Когда мудрый ничего не усматриваетъ для себя полезнаго помимо борьбы, тогда онъ умираетъ, въ борьбѣ съ врагомъ“. *№ 162* „Или чрезъ побѣду пріобрѣтаютъ Лакшми, или чрезъ смерть — богиню; тѣло мгновенно погибаетъ—зачѣмъ во время сраженія думать о смерти“. Подъ *богиней* разумѣется одна изъ нимфъ. О *Лакшми* см. здѣсь же, прим. 274-е.

что онъ хочетъ убить меня?» [291]) Даманака говоритъ: «когда онъ будетъ смотрѣть на тебя, сдѣлавъ уши торчкомъ, поднявъ хвостъ, пригнувшись на ноги и раскрывъ пасть, тогда ты также долженъ показать свою силу» [292]). *Такъ какъ*—

147. И сильный, но безъ огня—для кого не безсиленъ? Смотри: люди безбоязненно ставятъ ногу на кучу золы [293]).

«Однако, все это должно оставаться въ полной тайнѣ; иначе ни ты, ни я не будемъ живы» [294]). Такъ сказавъ, Даманака пошелъ къ Каратакѣ. Каратака сказалъ: «что̀ произошло?» Даманака говоритъ: «произошелъ разрывъ между тѣмъ и другимъ». Каратака говоритъ: «развѣ можно было сомнѣваться въ этомъ!» [295]) *Такъ какъ*—

148. Гдѣ, именно, другъ для несчастныхъ? кто не гнѣвается на докучливаго въ просьбахъ? кто не тѣшится богатствомъ? кто не искусенъ на безчестное дѣло? [296]) *И еще*—

149. Обманщики дѣлаютъ нищимъ богатаго, чтобы обогатиться самимъ. Чего не дѣлаетъ своимъ обращеніе среди злыхъ, подобно огню, пожирающему все близкое къ нему? [297])

Потомъ Даманака, придя къ Пингалякѣ, сказалъ: «Ваше Величество! злодѣй пришелъ сюда; потому, приготовившись,

---

[291]) *Pet* прямо начинаетъ: „Ахъ, другъ, скажи"—. *Sch* не читаетъ: *меня*. Слова *онъ сказалъ* прибавлены нами.

[292]) *Pet* читаетъ: Д. *говорилъ*. *Sch* опускаетъ: *сдѣлавъ уши торчкомъ*; и читаетъ:—когда *Пингаляка* будетъ смотрѣть на тебя, поднявъ хвостъ, *приподнявъ* ноги—.

[293]) Здѣсь разумѣется зола потухшая. Какъ бы велика куча такой золы ни была, но она не можетъ обжечь человѣческую ногу, и, слѣдов., есть ничтожный отбросъ. Такъ бываетъ и среди людей: иной по тѣлу силенъ, но по душѣ кротокъ, и, слѣдов., какъ бы безсиленъ.

[294]) Точнѣе:—„въ полной тайнѣ; если нѣтъ, то ни ты, ни я—такъ".

[295]) *Sch* читаетъ: *Онъ сказалъ*: „произошелъ разрывъ"—. Послѣднее *говоритъ* выражено у издателей разными глаголами.—Далѣе слѣдовало бы сказать только: „Какое сомнѣніе!"

[296]) Къ этому сравни: *Прит. XV, 15* Всѣ дни несчастнаго печальны; а у кого сердце весело, у того всегда пиръ. *Прит. XIX, 4* Богатство прибавляетъ много друзей, а бѣдный оставляется и другомъ своимъ. *Iерем. IX, 23* да не хвалится богатый богатствомъ своимъ.

[297]) Вторая половина двустишія собственно читается такъ: — Чего, *именно*, не дѣлаетъ *для себя* обращеніе среди злыхъ, подобно *пожирающему чрезъ прикосновеніе* (т. е., подобно огню). Къ этому *Sch* прибавляетъ такое двустишіе: *Такъ какъ*—„Что̀ за мудрость въ обманываніи преданныхъ истинѣ? Что̀ за сила—убить уснувшаго, восходя на грудь (его)?" См. замѣч. *Sch*.

стойте» [298]). Такъ сказавъ, онъ придалъ ему видъ, о которомъ говорилъ раньше. Сандживака, придя и увидѣвъ, что левъ принялъ такой видъ, также принялъ соотвѣтственный видъ. Тогда произошла между ними великая борьба, и левъ убилъ Сандживаку [299]). Потомъ Пингаляка, убивъ Сандживаку, останавливается вдали, со скорбію, усталый, и говоритъ: «какое жестокое дѣло сдѣлалъ я!» [300]) *Такъ какъ*—

150. Царь, преступившій законъ, есть какъ бы левъ, убившій слона; царствованіемъ его пользуются враги, самъ же онъ есть сосудъ зла [301]). *И далѣе*—

151. Что̀ хуже: потеря части плодоносной земли, или умнаго слуги? Потеря слугъ есть смерть для царей; также легко пріобрѣтается утраченная земля, но не слуги [302]).

Даманака говоритъ: «государь! что̀ это за новая логика, чтобы, убивъ врага, раскаяваться?» [303]) *Сказано также*—

152. Если отецъ, или братъ, или если сынъ, или другъ—посягаютъ на жизнь, то царь, желая блага, долженъ ихъ убить [304]). *Также*—

---

[298]) *Pet* не читаетъ: *Потомъ*. Слово *сказалъ* прибавлено нами. Далѣе нужно бы сказать:—*тотъ злодѣй пришелъ къ мѣсту*—.

[299]) Въ предыдущей фразѣ *Sch* читаетъ: *Потомъ* Сандживака—. Тамъ же у него читаются два синонимичныхъ существительныхъ для выраженія слова *видъ*.

[300]) Издатели читаютъ:—*какъ бы* со скорбію—. Но левъ въ данную минуту дѣйствительно скорбѣлъ, что̀ видно изъ дальнѣйшаго. *Sch* читаетъ:—*остановившись* вдали—усталый, говоритъ—.

[301]) Мысль двустишія, очевидно, такая. Если левъ убиваетъ слона, то этимъ онъ больше доставляетъ даровой пищи другимъ хищнымъ животнымъ, а не себѣ. Такъ бываетъ и съ царемъ, нарушающимъ законъ. Онъ удовлетворяетъ свое желаніе въ чемъ-либо одномъ, но этимъ широко раскрываетъ двери для преступленій со стороны его приближенныхъ и частныхъ лицъ. Какъ тамъ левъ есть единственный виновникъ гибели огромнаго животнаго, такъ и здѣсь царь есть единственный источникъ зла, губящій обширное государство.

[302]) Первая половина двустишія собственно читается: *При потерѣ—одной ли плодоносной страны земли, или умнаго слуги*? (т. е., спрашивается, когда бываетъ хуже, хотя это не выражено прямо). *Sch* вмѣсто *При потерѣ* читаетъ: *Потери* (имен. пад. мн. числа).—Дѣйствительно, при помощи умныхъ слугъ, царь безъ труда можетъ не только возвратить утраченную землю, но и новую пріобрѣсть; между тѣмъ, при отсутствіи такихъ слугъ, цѣльность государства подвергается опасностямъ постоянно. Сандживака былъ, именно, умнымъ слугой.

[303]) *Sch* читаетъ:—„что̀ это за новое ученіе"—.

[304]) Разумѣется прежде всего посягательство на жизнь царя, хотя это, по краткости рѣчи, и не выражено прямо.

153. Царь, понимающій сущность закона и пользы, не долженъ печалиться ни о чьей смерти; сострадательный не можетъ сохранить даже того, что у него въ рукѣ [305]).

Что же—

154. Снисходительность къ врагу и другу есть украшеніе лишь для аскетовъ; но она же къ людямъ виновнымъ есть только грѣхъ для царей. *И далѣе—*

155. Кто изъ желанія царской власти и по самомнѣнію домогается мѣста своего государя, для того лишь одно прощеніе—лишеніе жизни, а не иное [306]). *И еще—*

156. Царя мягкосердаго, брамина-всеядца, жену своевольную, товарища худого, слугу враждебнаго, довѣреннаго небрежнаго,—этихъ нужно покидать, и того также, кто не признателенъ за доброе.

«Но въ особенности, Ваше Величество, вотъ что именно»:

157. Поведеніе царя, какъ распутной женщины, многообразно по виду: истина и ложь, грубость и привѣтливость, жестокость и также сострадание, жадность къ чужому и щедрость, постоянный расходъ и богатый приходъ деньгами и друзьями [307]).

Такъ Пингаляка былъ утѣшенъ Даманакой; онъ сталъ, какъ прежде, и сѣлъ на львиный тронъ [308]). Потомъ Даманака съ радостію сказалъ: «Да будетъ побѣдителемъ великій

---

[305]) *Ни о чьей смерти*: какъ показываетъ вторая половина двустишія, здѣсь разумѣется смерть, чѣмъ-либо заслуженная. Далѣе точнѣе нужно бы сказать: — *даже той пользы, которая находится въ рукѣ.*— Вмѣсто начальнаго *Царь* (какъ у *Sch* и у насъ) *Pet* читаетъ, согласно всѣмъ рукописямъ, *Также*, хотя, несомнѣнно, здѣсь въ двустишіи разумѣется *царь*. См. замѣч. *Pet* и *Sch*.

[306]) Слово *своего* прибавлено нами для полноты рѣчи.

[307]) Въ концѣ двустишія *Sch* читаетъ:—*постоянный расходъ и богатый приходъ деньгами и драгоцѣнными камнями*. Вмѣсто *драгоцѣнными камнями* можно сказать также: *сокровищами*. Но думаемъ, что чтеніе *Pet* вѣрнѣе. Даманака утѣшаетъ царя въ потерѣ *друга*, и ему естественно въ этомъ своемъ торжественномъ финалѣ выразить, между прочимъ, мысль, что у царя, какъ царя, можетъ быть *много друзей*, конечно, не истинныхъ; но о послѣднемъ Даманака не думаетъ, и о царѣ заботится не въ этомъ смыслѣ.—Къ двустишію сравни: *Прит. XXI, 1* Сердце царя—въ рукѣ Господа, какъ потоки водъ: куда захочетъ, Онъ направляетъ его. *Прит. XXV, 3* Какъ небо въ высотѣ и земля въ глубинѣ, такъ сердце царей—неизслѣдимо.

[308]) *Сталъ, какъ прежде*: собст. *былъ возвращенъ къ своей природѣ* (т. е., кровожадной). Между издателями здѣсь есть несущественныя разности.

царь! да будетъ счастіе для всѣхъ живущихъ!» [309]) Такъ сказавъ, онъ оставался счастливымъ.

Вишнушарманъ сказалъ: «Вы выслушали о Разрывѣ друзей». Царевичи сказали: «да, Мы выслушали, и получили удовольствіе». Вишнушарманъ говорилъ: «пусть будетъ еще вотъ это»: [310])

158. Разрывъ дружбы пусть будетъ только у Вашихъ враговъ! Злой, увлеченный судьбою, пусть приближается къ погибели изо-дня въ день! Среди народа пусть постоянно живетъ полное счастіе! И для дитяти пусть будетъ всегда усладительна прелесть этихъ занимательныхъ разсказовъ! [311])

Второй части Хитопадеши отвѣчаютъ въ славянскомъ *Стефанитъ и Ихнилатъ* отдѣлы I и II по спискамъ Севастьянова и Синодальному, или первыя 18 главъ по списку Вяземскаго, изъ которыхъ каждая имѣетъ особое надписаніе. Списокъ Григоровича также отсюда начинаетъ свое чтеніе, но съ большими и частыми пропусками. Въ Синодальномъ спискѣ много позднѣйшихъ вставокъ, съ помѣтою на полѣ Инб Сущ; въ значительной мѣрѣ вставки повторяются и въ Вяземскомъ спискѣ, но безъ помѣты. Эти вставки не связаны прямо съ содержаніемъ произведенія, но суть попутныя благочестивыя назиданія для будущихъ читателей; нерѣдко берутся для этого прямо тексты изъ Священнаго Писанія. Въ дальнѣйшемъ, сравнивая славянское произведеніе съ Хитопадешей, мы совершенно опускаемъ названныя вставки, какъ безцѣльныя для насъ, и пользуемся иногда такими условными обозначеніями списковъ: *Гр* = Григоровича, *Вз* = Вяземскаго, *Св* = Севастьянова, *Сн* = Синодаль-

---

[309]) *Pet* не читаетъ: *Потомъ*. Слово *сказалъ* прибавлено нами. *Съ радостію*: собст. *съ радостною душою*.

[310]) *Sch* читаетъ:—Царевичи сказали: „*Мы довольны прекрасными разсказами*“. Далѣе *Pet* читаетъ: В. говорилъ: „пусть будетъ еще *такъ*“. Слово *да* прибавлено нами.

[311]) Точнѣе нужно бы сказать:—только *въ обиталищѣ* Вашихъ враговъ!—Народъ пусть будетъ постоянно *мѣстомъ достиженія всецѣлаго счастія*! — усладительна *здѣсь* прелесть занимательныхъ разсказовъ!—Послѣднее пожеланіе читается у *Sch* такъ: И для дитяти пусть будутъ всегда усладительны *здѣсь эти разсказы*!—Заканчивается эта вторая часть Хитопадеши у *Sch* словами: Здѣсь конецъ въ Хитопадешѣ второму собранію басенъ, подъ именемъ Разрывъ друзей.

ный; во всемъ остальномъ соблюдаемъ тотъ же порядокъ и пріемы, какъ и послѣ первой части Хитопадеши.

По списку Синодальному общее заглавіе читается такъ: Ѻписание. сила антиѡха. другий мнѣша яко іѡана дамаскина. ѕѣло пѣснотворца. е ѿ звѣре. нарицаемы стефанита ихнилата [1]).

Пункты прозаическихъ частей: 1) Безыменный индійскій царь проситъ своего безыменнаго философа показать притчею, какъ лукавый мужъ устроилъ среди нѣкоихъ любовь и дружбу, а потомъ обратилъ это во вражду. 2) Философъ прямо начинаетъ разсказомъ о купцѣ, который былъ *славенъ* [2]), богатъ, но у котораго *дѣти были лѣнивы* [3]). 3) Дѣти покорились отцовскому наставленію, и *первый изъ нихъ* поѣхалъ торговать, но съ нѣкоторыми *своими людьми.* 4) Запряженные быки не названы по имени. Одинъ изъ нихъ просто увязъ въ *тинѣ*, или *калѣ.* Его вытащили, но онъ обезсилѣлъ, и былъ оставленъ тамъ же на произволъ судьбы. 5) Левъ—царь, неназванный по имени, характеризуется, какъ *гордый* и *скудоумный*; онъ услышалъ ревъ быка, будучи *у себя дома* [4]). 6) Даманака—подъ именемъ *Ихнилата*, а Каратака—подъ именемъ *Стефанита.* Первый лукавъ и *практически опытенъ* [5]). 7) Стефанитъ не выражаетъ своего неудовольствія противъ царя; говоритъ даже, что они *не достойны бесѣдовать о царѣ* и слѣдить за нимъ. Представляется, что они оба сидятъ *при царскихъ вратахъ* и получаютъ *ежедневную пищу.* 8) Въ апологѣ о пострадавшей обезьянѣ [6]) представляется, что дерево раскалывалъ, при помощи *двухъ клиновъ*, только одинъ дрекодѣль, что онъ отошелъ въ сторону

---

1) Ѻписаніе антиоха великаго—пѣснотворца <канонѡ>—*Вз.* Въ *Гр* сохранились лишь нѣкоторыя слова оглавленія, но, кажется, оно читалось почти такъ же, какъ во всѣхъ другихъ трехъ спискахъ.

2) жие доброволно по сотворенію имы *Сн Св.* жие много имеѥ довольно *Гр.* житіе добродѣтельно провождая *Вз.*

3) не хотяше лѣности ра҃ худо́ство нѣко'его рукодѣліа. навыкнути *Сн* Св *Вз.* хотеще льсти ради хоудожьство некое рукоделию. накикноути *Гр.*

4) *Гр* читаетъ, что въ числѣ подчиненныхъ у льва были *двѣ волчицы*, и что онъ заключилъ отъ рева быка къ тѣлу, силѣ и мудрости послѣдняго, и уже рѣшилъ бѣжать.

5) *Гр.* читаетъ, что Ихнилатъ самъ *пришелъ* къ Стефаниту.

6) Читается: пиликь, или питикь.

потребы ра҃ [7]), что обезьяна лишь *мучилась*, но не издохла. 9) На вопросъ царя Ихнилату, гдѣ онъ былъ столько времени, Ихнилатъ отвѣчаетъ, что онъ неотступно находился *при царскихъ вратахъ*. 10) Льву не пришлось говорить о причинѣ своего страха (какъ въ Хитопадешѣ), потому что, во время разговора съ Ихнилатомъ, быкъ вдругъ гдѣ-то заревѣлъ, и левъ прямо сказалъ, что онъ боится этого звѣря. Ихнилатъ успокоиваетъ царя апологомъ о *голодной лисицѣ*, которая, нашедши звучащій тимпанъ [8]), предполагала въ немъ мясо [9]), но, разорвавъ, обманулась (срав. апологъ Хитопадеши объ обезьянахъ, нашедшихъ колокольчикъ). 11) Ихнилатъ вызывается *одинъ* отправиться къ невѣдомому звѣрю. 12) Отпустивъ Ихнилата, левъ сталъ *раскаяваться* въ своемъ поступкѣ, боясь какой-либо измѣны со стороны его. Но напрасно. Тотъ *скоро* возвращается, и опять *одинъ*; объявляетъ, что это быкъ, нисколько не опасный для льва, и что онъ можетъ сейчасъ привести его. 13) Ихнилатъ вознамѣрился погубить быка просто *по зависти* [10]) къ его высокому положенію, достигнуть котораго онъ самъ хотѣлъ. Посѣщенія со стороны брата льва не было никакого. 14) На вопросъ Стефанита, какъ онъ можетъ разстроить дружбу, Ихнилатъ отвѣчаетъ апологомъ о *вдронѣ*, убившемъ хитростію змѣя (срав. апологъ о *ворòнѣ*). Сюда, какъ часть, входитъ апологъ о пострадавшемъ за свою неосторожность *журавлѣ* (нѣчто подобное читается въ 4-й части Хитопадеши). 15) Когда Стефанитъ возразилъ, что у быка вмѣстѣ съ храбростію есть также и разумъ, такъ что его трудно обмануть, тогда Ихнилатъ отвѣтилъ, что онъ можетъ этого достигнуть по и́скꙋшенїю, и разсказалъ о зайцѣ, обманувшемъ льва. Въ отличіе отъ нашего аполога, здѣсь представляется, что заяцъ былъ *пойманъ* звѣрями и отправленъ *съ проводникомъ*, которому обѣщалъ освободить всѣхъ отъ ига льва, если будетъ отпущенъ къ льву одинъ; потомъ онъ принялъ на себя *роль проводника*, и объяснилъ льву, что

---

[7]) *Гр* читаетъ, что онъ раскалывалъ дерево ради нѣкоторой потребы. По *Вз*, клинъ самъ выскочилъ изъ расщепа.

[8]) тꙋпанъ *Св*.

[9]) Это предположеніе опущено въ *Сн Вз*.

[10]) Эта мысль не вполнѣ выдержана: сначала говорится, что, вслѣдствіе возвышенія быка, для нихъ не произошло ничего худого (*всѣ списки*); но далѣе говорится, что они изъ-за этого унижены (*текстъ испорченъ въ Сн*).

встрѣтившійся другой левъ отнялъ у него зайца (назначеннаго на съѣденіе): для увѣренія льва онъ смотрѣлъ въ колодезь *вмѣстѣ* съ нимъ же. 16) Клевеща на быка, Ихнилатъ совѣтуетъ льву *сразу* убить его, въ наказаніе за то, что онъ не пользуется даннымъ отъ природы разумомъ, и *самъ себя* подвергаетъ несчастію. Эта мысль пояснена апологомъ о *трехъ рыбахъ* (подобное есть въ 4-й части Хитопадеши). 17) На предположеніе льва, что быкъ, какъ травоядный, не опасенъ для него, Ихнилатъ отвѣчаетъ апологомъ о *вшѣ и блохѣ* (въ Хитопадешѣ нѣтъ). 18) Левъ желаетъ, наконецъ, *отпустить* быка, куда онъ хочетъ. Но Ихнилатъ боится послѣдствій отъ ихъ свиданія, и пугаетъ льва возможностію *открытаго нападенія* со стороны быка, въ случаѣ, если послѣдній узнаетъ, что левъ къ нему перемѣнился. Тогда левъ окончательно уступаетъ Ихнилату и хочетъ *судить* быка открыто предъ всѣми. 19) Ихнилатъ хотѣлъ потомъ *тайно* пойти къ быку, но, подумавъ, испросилъ на это у льва *позволеніе*. 20) Быкъ дважды высказываетъ предположеніе, что онъ *оклеветанъ* предъ царемъ врагами, и при второмъ разѣ разсказываетъ апологъ о *волкѣ, лисицѣ и вдронѣ*, погубившихъ верблюда (подобное есть въ 4-й части Хитопадеши). 21) Ихнилатъ совѣтуетъ быку приготовиться къ борьбѣ, и апологомъ о *гибели черепахи* [11]), нарушившей свое слово, поучаетъ, что и левъ заслуживаетъ такой же участи за свою измѣну (подобное есть въ 4-й части Хитопадеши). 22) Быкъ не соглашается на *низость* въ отношеніи льва. Ихнилатъ, *безъ просьбы* со стороны быка, сообщаетъ признаки ярости льва. *Почти сразу* происходитъ борьба. 23) На *мѣстѣ* происшедшей *борьбы* Стефанитъ обличаетъ Ихнилата въ коварствѣ, и, между прочимъ, говоритъ три апологa: объ *обезьянахъ и вдронѣ* [12]) (напоминаетъ апологъ объ обезьянахъ и птицахъ, въ 3-й части Хитопадеши), о *друзьяхъ лукавомъ* и прѣпростомъ [13]) (въ Хитопадешѣ нѣтъ) и о *купцѣ*, отдавшемъ свое желѣзо на сбереженіе лукавому сосѣду (въ Хитопадешѣ нѣтъ). Рѣчь свою Стефанитъ заканчиваетъ рядомъ новыхъ обличеній противъ своего друга. 24) Въ концѣ всего слѣдуетъ въ нѣкоторомъ родѣ *повѣсть* о судьбѣ самого коварнаго Ихнилата (въ Хи-

---

[11]) Читается: **желка.**

[12]) *Вз* не читаетъ этого аполога; въ *Сн* онъ почти весь оборванъ.

[13]) Въ *Сн* нѣтъ начала этого аполога, и фабула его немного иная.

топадешѣ нѣтъ). Она разсказывается философомъ послѣ новой просьбы со стороны индійскаго царя. Въ качествѣ обвинителей Ихнилата выступаютъ: леонтопардосъ (учитель льва и вѣрный совѣтникъ), мать льва, протомагеръ [14]) (первый поваръ), нѣкто изъ бояръ, воевода; дѣло ведется судебнымъ порядкомъ. Ихнилатъ былъ подвергнутъ темничному заключенію, откуда дважды приводился къ допросу. Во время допросовъ онъ всѣхъ побѣждалъ своими искусными рѣчами, и разсказалъ при этомъ три апològа (о глупомъ врачѣ, о двухъ женахъ и мужѣ, и о сокольничемъ [15]), оклеветавшемъ одну честную супругу). Хитрецъ былъ преданъ львомъ на смерть лишь по настоянію матери-царицы. Стефанитъ, выступающій здѣсь частнымъ образомъ, отравилъ себя ядомъ немного раньше печальной развязки.

Пункты стихотворныхъ частей: 1) Купецъ поучалъ своихъ дѣтей, что для этой жизни нужны богатство, *слава* отъ людей и *наставленіе* [16]) отъ праведныхъ; а всего этого нельзя иначе достигнуть, какъ четырьмя путями: собираніемъ богатства мѣрами праведными, внимательнымъ попеченіемъ о немъ, раздачею богатства нуждающимся и посильнымъ *предотвращеніемъ злоключеній* (срав. №№ 3, 8, 9, 10, 11). 2) Въ качествѣ вводнаго изреченія къ апологу о глупой обезьянѣ, Стефанитъ говоритъ, что не нужно заниматься *неподходящими* словами и дѣлами [17]) (срав. № 26). 3) Ихнилатъ на это возражаетъ, что нужно желать близости къ царю, чтобы быть полезнымъ для друзей и вреднымъ для враговъ; что самодовольство есть признакъ худого человѣка, а стремленіе къ высокому, хотя и на краткое время жизни,—признакъ человѣка высокаго ума (собака и кость; левъ бросаетъ *зайца* и преслѣдуетъ *верблюда*; благородство слона. Срав. №№ 2, 31, 36—38). 4) Стефанитъ съ этимъ не согласенъ, и говоритъ, что **всякъ жало имать,** т. е., что всякій чѣмъ-нибудь не доволенъ; но нужно довольствоваться своимъ положеніемъ. Однако, Ихнилатъ настаиваетъ, что человѣку высокаго ума

---

[14]) Отсюда начинаетъ чтеніе *Гр*, послѣ перерыва.

[15]) Въ спискахъ онъ называется: **красуарь** *Сн*, **крагуарь** *Св Вз*, **крагаарь** *Гр*.

[16]) **поученіе благыимъ** *Св*, **полученіе благы** *Сн Гр Вз*.

[17]) Предъ этимъ *Сн* читаетъ, что для побѣды нужны мудрость и безстрашіе, а не сила.

должно все подниматься, что это труднѣе, чѣмъ спускаться[18]) (срав. №№ 40—42). 5) Мысль, что царь больше склоняется къ приближеннымъ, чѣмъ къ достойнымъ (срав. № 51), высказываетъ здѣсь *Стефанитъ* (т. е., у насъ *Каратака*). На это Ихнилатъ говоритъ, что приближенные выходятъ *изъ ихъ же среды* (ссылается на примѣръ нѣкоего царскаго *привратника*); что мудрый человѣкъ долженъ *смѣшивать истину съ ложью*, подобно изрядному *писцу*, который, измѣняя истину, слагаетъ *бесѣды приличныя времени*[19]). 6) Стефанитъ предупреждаетъ о трехъ вещахъ, какъ опасныхъ: приближаться къ царю, пить ядъ для опыта и ввѣрять тайны женамъ. Царь подобенъ *горѣ* со всякими овощами и водами; на нее удобно[20]) взойти, но пребывать опасно. На это Ихнилатъ возражаетъ, что безъ риска не получаютъ желаемаго (срав. № 50), что боящійся всего не имѣетъ чести, что только *трусливые* не любятъ царскаго служенія, *морского плаванія* и быстраго сопротивленія врагамъ, и что для человѣка высокаго ума есть лишь *два мѣста*, подобно *слону*— царскій дворъ, или пустыня[21]). 7) Ихнилатъ былъ принятъ царемъ сначала въ присутствіи другихъ, и сказалъ лишь подобное нашему № 59. Отсюда царь заключилъ, что разумный не[22]) познается раньше бесѣды, какъ огонь скрытый въ *терніи*[23]). Ободренный такимъ вниманіемъ, Ихнилатъ высказалъ, что царскій слуга долженъ говорить все нужное и полезное, и онъ познается отъ словъ (какъ *сѣмена* чрезъ стебли); что красотѣ нужно давать достойное мѣсто; что властелину нужно почитать не только доброродныхъ и своихъ[24]), но и *малыхъ* и *постороннихъ* (*врачъ* во время болѣзни; *мыши* близки къ царскому дому, но не потребны; *птица* соколъ—дикая, но бываетъ на царской рукѣ. Срав. №№ 60,

---

18) Въ *Св Вз* есть сравненіе о *камнѣ*.

19) прилꙋчнїи врѣменꙋ *Св*; беседи нѣкїе *Гр*; бесѣды нѣкїѧ приличны *Вз*.

20) въсхотѣженїе неоудобно, и прѣбиванїе бѣдно *Гр Вз*.— *Св* читаетъ *только*: възхоженїе бедно.

21) Текстъ, выражающій послѣднія двѣ мысли, въ *Вз* испорченъ.

22) Отрицаніе *не* опущено въ *Сн Гр*.

23) Это опущено въ *Св Гр Вз*.

24) Здѣсь прерывается *Гр*, и возобновляетъ чтеніе только въ концѣ повѣсти о убіеніи Ихнилата.

64, 65, 71). 8) Левъ, раскаяваясь, что послалъ Ихнилата на развѣдки, высказалъ, что властелинъ не долженъ ввѣрять своихъ тайнъ тому, кто былъ имъ презрѣнъ, лишенъ богатства и славы,—человѣку жадному и лукавому. 9) По поводу заявленія Ихнилата, что быкъ не сдѣлалъ ему никакого вреда, левъ былъ не доволенъ, и сказалъ, что буря не вредитъ малымъ деревьямъ, но съ корнемъ вырываетъ высокія (срав. № 78). 10) Замышляя коварство противъ быка, Ихнилатъ говоритъ Стефаниту, что мудрый, потерпѣвши зло, долженъ избѣгать его и впредь; что въ его глазахъ царь лишается уваженія, когда онъ кротокъ и строгъ въ ненадлежащее время, когда у него нѣтъ разумныхъ совѣтниковъ, когда онъ внушаетъ только страхъ къ себѣ, когда преданъ плотскимъ похотямъ и ярости. 11) Пришедши къ царю, Ихнилатъ говоритъ, что бесѣдовать хорошо тогда, когда напередъ извѣстно, что бесѣда будетъ принята; что нельзя ни рабу утаивать отъ своего господина, ни больному свою болѣзнь отъ врача, ни убогому своей нищеты предъ друзьями (срав. №№ 103, 114). 12) Въ отвѣтъ на изумленіе царя, что онъ не сдѣлалъ быку никакого зла, Ихнилатъ говоритъ о лукавомъ человѣкѣ, который кротокъ лишь до времени (собачій хвостъ); говоритъ, что непринимающій пріятельскихъ словъ подобенъ больному, неслушающему врача, что съ злосовѣтнымъ мужемъ жить опаснѣе, чѣмъ ходить по огню и змѣямъ (срав. №№ 116, 117). 13) Когда левъ повѣрилъ наконецъ Ихнилату и спросилъ, что̀ же дѣлать, тогда Ихнилатъ сказалъ, что гнилой зубъ вырываютъ съ корнемъ, и отравленную пищу удаляютъ рвотой (срав. № 108). 14) Придя къ быку, Ихнилатъ загадочно говоритъ, что нельзя убѣжать отъ рѣчей (т. е., наговоровъ), и остаться въ цѣлости, будучи при царѣ; что властители, по неустойчивости своихъ чувствъ, подобны блуднымъ женамъ, или *учащимся дѣтямъ*, которыя снуютъ туда и сюда (срав. № 130). 15) Быкъ, обсуждая свое безвыходное положеніе, говоритъ, что съ нимъ случилось, какъ бываетъ съ безумными *пчелами*, которыя садятся на **нимфеѣкъ** цвѣтокъ и погибаютъ, или какъ бываетъ съ *мухами*, которымъ мало летать по цвѣтамъ и деревьямъ, но забираются и въ уши слона, и тамъ погибаютъ. 16) Въ рѣшительный моментъ предъ львомъ быкъ сказалъ, что лучше быть *въ змѣиномъ гнѣздѣ*, чѣмъ у царя [25]). 17) На мѣстѣ

[25]) По *Вз*, говоритъ это *Ихнилатъ*; текстъ испорченъ.

гибели быка Стефанитъ обличалъ Ихнилата, говоря, что мудрый совѣтникъ всячески старается склонить царя *къ миру*, даже со слабыми врагами [26]); что властитель, принимающій совѣты, подобные Ихнилатовымъ, похожъ на *гнилую пшеницу* [27]), снаружи чистую, а внутри исполненную гнили и нечистоты; что слово украшается разумомъ, а разумъ правдою, правда смиреніемъ; что внѣшнее благообразіе зависитъ отъ красоты внутренней, какъ богатство украшается милостынею, а жизнь здоровьемъ и веселостію; что разумъ мудраго всегда бодръ, а безумный всегда опьяненъ неразуміемъ, и подобенъ *птицамъ*, которыя могутъ видѣть только ночью [28]); что безумный подобенъ *водѣ*, снаружи чистой, а внутри исполненной **ѩдокиты̆ звѣрей** [29]); что царство не ограничивается лишь приближеннымъ къ царю,—въ немъ множество такихъ людей, какъ въ морѣ волнъ; что ничего нѣтъ крѣпче добраго совѣта, и ничего нѣтъ хуже гадкаго дѣла [30]). 18) Послѣ своихъ апологовъ, Стефанитъ заканчиваетъ обличеніе, говоря, что *горькій плодъ*, хотя и много разъ помазанный медомъ, не измѣняетъ своей горечи въ сладость; что лучше съ мудрыми имѣть любовь и бесѣду, чѣмъ съ лукавымъ человѣкомъ, который, подобно *смрадному вѣтру*, дѣлаетъ смраднымъ всякаго, сообщающагося съ нимъ. 19) Когда левъ сталъ жалѣть о погибели быка, Ихнилатъ уговаривалъ его, что когда *палецъ* опасно уколотъ, то его отрѣзаютъ, чтобы не погубить всего тѣла *).

Профессоръ Протоіерей **М. Орловъ.**

---

[26]) *Вз* читаетъ послѣднее, какъ самостоятельное, именно, что противники, будучи врагами, стараются побѣдить мудростію.

[27]) *Пшеницѣ*: **силигню** *Сн*; **килигнилїю** *Вз*; *Св* опускаетъ это.

[28]) Эти птицы называются: **лийнаковии очи** *Сн*; **лилѕиакови ѡчи** *Св*; **лѣкарныѧ очи** *Вз*.

[29]) *Вз* читаетъ, что царь, имѣющій совѣтниковъ, какъ Ихнилатъ, подобенъ водѣ—.

[30]) Послѣдняго не читаетъ *Св*; въ *Вз* послѣднія изреченія читаются иначе, и, повидимому, искажены.

*) Продолженіе слѣдуетъ.

Іосифъ Флавій, какъ христіанскій церковный писатель (37—95 г. по Р. Хр.) *).

II.

Кромѣ замѣтки объ Іоаннѣ Крестителѣ, мы встрѣчаемъ на страницахъ „Древностей“ другое, еще болѣе замѣчательное, извѣстіе объ Іисусѣ Христѣ [1]). Это извѣстіе, находящееся въ XVIII кн., III гл., § 3 „Древностей“, въ первый разъ въ полномъ видѣ процитировано Евсевіемъ Кесарійскимъ († 340 г.) въ его „Церковн. Исторіи“ (I кн. 11 гл.) и „Доказ. Евангелія“ III кн., 5 гл., хотя и съ незначительными варіантами. Съ того времени свидѣтельство ученаго іудея о Христѣ дѣлается общеизвѣстнымъ христіанскимъ ученымъ, и они пользовались имъ впродолженіе цѣлаго ряда вѣковъ, признавая несомнѣнною собственностію историка, и до временъ Реформаціи никто не думалъ высказывать сомнѣній въ принадлежности его перу Флавія въ томъ самомъ видѣ, какъ оно читается теперь. Но съ тѣхъ поръ, какъ подъ вліяніемъ протестантскихъ принциповъ довѣріе къ авторитетамъ стало

*) Окончаніе. См. іюль—августъ.

[1]) Вотъ подлинный текстъ этого замѣчательнаго извѣстія: Γίνεται δὲ κατὰ τοῦτον τὸν Χράνον Ἰησοῦς, σοφὰς ἀνὴρ, εἴ γε ἄνδρα αὐτὸν λέγειν Χρή· ἦν γαρ παραδόξων ἔργων ποιητὴς, διδάσκαλος ἀνθρώπων τῶν ἡδονῇ τἀληθῆ δεΧομένων· καὶ πολλοὺς μὲν Ἰουδαιους πολλοὺς δὲ καὶ τοῦ Ἑλληνικοῦ ἐπηγάγετο. Ο Χρίστὸς οὗτος ἦν. Καὶ αὐτὸν ἐνδείξει τῶν πρώτων ἀνδρῶν παρ’ ἡμῖν ἐπιτετιμηκότος Πιλάτου σταυρῷ, οὐκ ἐπαύσαντο οἵ γε πρῶτον αὐτὸν ἀγαπήσαντες. Ἐφάνη γὰρ αὐτοῖς τρίτην ἔχων ἡμέραν πάλιν ζῶν, τῶν θείων προφητῶν ταῦτα τε καὶ ἄλλα μύρια θαυμάσια περὶ αὐτοῦ εἰρηκότων. Εἰς ἔτι νῦν τῶν Χριστιανῶν ἀπο τοῦδε ὠνομασμένων οὐκ ἐπέλιπε τὸ φῦλον. Flavii Iosephi Opera omnia, ed. Mauricii Georgii Weidmanni. Coloniae 1691 anno.

ослабѣвать и труды іудейскаго историка подверглись строгой критикѣ, поднялся споръ о принадлежности этого свидѣтельства перу Іосифа Флавія,—споръ, не кончившійся и до настоящаго времени. Первый, какъ извѣстно, кто высказалъ сомнѣніе въ подлинности этого свидѣтельства, былъ правовѣдъ Hib. Hiphanius, нашедшій себѣ многочисленныхъ послѣдователей [1]). До настоящаго времени учеными критиками высказано по этому вопросу множество мнѣній, различныхъ до противоположности, которыя однако могутъ быть сведены къ тремъ главнымъ группамъ. Одни изъ ученыхъ представили много доказательствъ въ подтвержденіе той мысли, что это свидѣтельство никоимъ образомъ не можетъ принадлежать перу іудейскаго историка, а есть позднѣйшая вставка и произведеніе христіанскаго пера [2]); другіе, напротивъ, употребляютъ всѣ усилія доказать абсолютную подлинность и неповрежденность этого мѣста „Древностей", имѣя въ виду извлечь изъ него большую пользу для христіанской апологетики [3]); наконецъ, третьи держатся средины, признавая его свидѣтельствомъ іудейскаго историка, но только исправленнымъ позднѣйшей, христіанской рукой [4]).

Изъ этихъ взглядовъ на извѣстіе объ Іисусѣ Христѣ болѣе основательнымъ представляется послѣдній. Не входя въ подробный разборъ другихъ мнѣній объ этомъ извѣстіи, мы выскажемъ тѣ соображенія, которыя побуждаютъ принять этотъ взглядъ, какъ болѣе правильный.

Іосифъ Флавій, поставившій себѣ задачей—дать въ своихъ „Древностяхъ" подробную исторію народа іудейскаго, выполняетъ ее съ замѣчательною тщательностью и аккуратностью, давая на страницахъ своего труда мѣсто самымъ мелочнымъ фактамъ, которые безъ всякаго ущерба для дѣла можно было

---

[1]) Изъ нихъ наиболѣе замѣчательны: L. Osiander (Hist. eccl. centur. 1 lib., 2, § 7); Jac. Cappellus (Comment. in Acta Apost.); L. Cappellus (Compend. Hist. Jud. p. 110 et in Respons. ad Johan. Cloppenburch. p. 168); Jos. Scaliger (Scaligerian. 1668, p. 177).

[2]) Таковы: Sebald Snellius, D. Blondellus, T. Faber, H. Conring, M. Reiss, G. Lessius, Eichstadius, Corb-Anticarus, Lewitz, Gerlach, Schürer и мн. др.

[3]) Этого взгляда держатся: Centuriae Magdeburg., Walesius, Georg Calixtus, P. Gaudentius, Huetius, Car. Daubusius, Dittmar, Houteville, Lardner Weltusen, Oberthürius, Bretschneider, C. F. Boehmert, T. H. Schoedel и др.

[4]) Таковы: Clericus, Montacutius, Ursinus, Boecler, Th. Ittigius, Steph. le Moyne, De-Fontaines, Knittel, Willoison, Ammon, Olshausen, Paulus, Schmidt, Reuterdahl, Gieseler, Evald, Paret, Niedner, Heinigchen и мн. др. Эти, въ свою очередь, раздѣляются на двѣ партіи: по мнѣнію однихъ—въ извѣстіи Флавія испорчены только нѣкоторыя отдѣльныя слова, а по мнѣнію другихъ—вставлено нѣсколько строкъ, совершенно измѣнившихъ смыслъ этого свидѣтельства.

бы пройти совершеннымъ молчаніемъ. Уже такая аккуратность и мелочность историка въ передачѣ событій дѣлаетъ невѣроятнымъ предположеніе, что онъ не отмѣтилъ такого крупнаго факта въ жизни народной, какимъ было появленіе христіанства, и ничего не сказалъ о такомъ великомъ мужѣ, какимъ былъ его Божественный Основатель. Появленіе новой религіозной секты съ новымъ ученіемъ всегда было выдающимся фактомъ въ жизни народа іудейскаго. Религіозная сторона у этого народа всегда стояла на первомъ планѣ, и исключительная особенность его исторической жизни проявлялась именно въ томъ, что всѣ другія стороны народной жизни носили религіозную окраску: все политическое было у него религіознымъ, а все религіозное было вмѣстѣ и политическимъ, и національнымъ. Естественно, что Флавій при изложеніи исторіи такого народа долженъ былъ обратить особенное вниманіе на религіозную сторону его жизни. Онъ такъ и поступаетъ. Въ своихъ „Древностяхъ" Іосифъ Флавій сообщаетъ самыя подробныя и мелочныя свѣдѣнія о такихъ религіозныхъ іудейскихъ сектахъ, которыя не распространялись за предѣлы Іудеи, появлялись незамѣтно и исчезали послѣ кратковременнаго существованія. Эта мелочность и подробность ясно показываетъ, что историкъ интересовался такими фактами, какъ появленіе новыхъ сектъ и распространеніе новыхъ религіозныхъ ученій среди его народа. Странно было бы, если бы историкъ исключилъ изъ числа достопримѣчательныхъ событій такой крупный фактъ, какъ появленіе христіанства, и не счелъ достойнымъ упомянуть о немъ въ своихъ „Древностяхъ", странно тѣмъ болѣе, что ни одна изъ прежде существовавшихъ и существующихъ во время Флавія религіозныхъ сектъ не выступала съ такими коренными преобразованіями жизни и широкими притязаніями и потому не производила такого волненія среди іудеевъ, какъ христіанство. Чудесныя дѣла, сопровождавшія ученіе самого Іисуса Христа, Апостоловъ и послѣдователей Христовыхъ, необыкновенно быстрое распространеніе этого ученія—все это производило сильное впечатлѣніе и волновало умы не однихъ іудеевъ, но и язычниковъ. Уже какъ фарисей, со своими исключительными взглядами, и еще болѣе какъ горячій защитникъ правовѣрія іудейства и сторонникъ внѣшняго единства его [1]), историкъ долженъ былъ сказать что-нибудь о появленіи новой секты и ея Основателѣ, произведшемъ глубокое внутреннее разъединеніе среди народа. Пусть онъ не считалъ Іисуса Христа проповѣдникомъ добродѣтели, какъ Іоанна Крестителя, и основанное Имъ общество философской школой,—все-таки не могъ совершенно

[1]) Такимъ историкъ выступаетъ въ соч. Contra Apionem. cf. Real-Encyclopädie. Herzog. 1857 г. B. VIII. S. 28. Subvoce: „Josephus Flavius"—Paret.

умолчать о Немъ. Уже во время Флавія говоръ о распятомъ великомъ Пророкѣ шелъ по всей странѣ и имя Іисуса Назаретскаго было всеобщеизвѣстнымъ не только въ Іудеѣ и Римѣ, но и въ самыхъ отдаленныхъ провинціяхъ Римской имперіи. На всеобщую извѣстность имени Христа указываетъ замѣтка самого историка объ Іаковѣ, братѣ Господнемъ. Въ концѣ „Древностей“ (XX, гл. 9, § 1) передъ самымъ началомъ іудейской войны (63 г.) Іосифъ Флавій разсказываетъ о несправедливомъ судебномъ процессѣ и беззаконномъ осужденіи на смертную казнь Іакова, котораго онъ называетъ „τὸν ἀδελφὸν Ἰησοῦ, τοῦ λεγομένου Χριστοῦ“. Если историкъ назвалъ Іакова братомъ Іисуса, то, какъ замѣтилъ еще Оригенъ, очевидно онъ хотѣлъ точнѣе обозначить лицо Іакова указаніемъ на отношеніе его къ другому лицу, имя котораго было всѣмъ извѣстно, какъ Основателя очень многочисленнаго уже тогда христіанскаго общества. Странно было бы, если бы историкъ, сдѣлавши упоминаніе объ Іаковѣ, лицѣ малоизвѣстномъ его греко-римскимъ читателямъ, не познакомилъ ихъ съ личностью болѣе знаменитой, слухъ о которой былъ весьма распространенъ между греками и римлянами. Трудно допустить поэтому, чтобы іудейскій историкъ совершенно умолчалъ объ Іисусѣ Христѣ: и самый характеръ исторической жизни народа іудейскаго, и убѣжденія Іосифа Флавія, и самая извѣстность имени Христа побуждали его познакомить читателей съ личностью Основателя многочисленнаго христіанскаго общества. Самая замѣтка объ Іаковѣ, братѣ Господнемъ, въ которой историкъ выражается такъ, какъ будто не желаетъ говорить о Христѣ, дѣлаетъ вѣроятнымъ заключеніе, что онъ уже говорилъ о Христѣ выше и подробно.—Кромѣ указанныхъ побужденій познакомить читателей съ личностью Іисуса Христа у историка были и другія, и притомъ болѣе сильныя. Послѣднія книги „Древностей“ написаны, какъ извѣстно, въ концѣ I-го вѣка, и, слѣдовательно, въ такое время, когда христіане составляли многочисленное общество и обращали на себя вниманіе римскаго правительства. Со второй половины I вѣка стали подозрительно смотрѣть на христіанъ и преслѣдовать ихъ, какъ людей опасныхъ и вредныхъ. Но, преслѣдуя христіанъ, римское правительство не отдѣляло ихъ отъ іудеевъ и смотрѣло на христіанское общество, какъ только на одну изъ іудейскихъ сектъ. Очевидно, что понятіе о христіанствѣ, его происхожденіи и ученіи у римскаго правительства было слишкомъ смутное. Вслѣдствіе этого бывали случаи, что вмѣстѣ съ іудеями преслѣдовались и христіане, и наоборотъ; такъ, напр., тѣ и другіе были изгнаны изъ Рима императоромъ Клавдіемъ въ 43 году по Р. X. (Дѣян. XVIII, 2). Нелѣпые слухи, ходившіе въ языческомъ обществѣ относительно христіанъ, переносились и на іудеевъ и, наоборотъ, съ іудеевъ на христіанъ. Все это необходимо побуждало

историка выяснить, что христіане и іудеи—не одно и то же, и познакомить языческое правительство и общество съ новой религіозной сектой. Іосифъ Флавій, конечно, былъ не настолько слѣпъ, чтобы не замѣтить запросовъ правительства и тогдашняго общества относительно христіанъ, и не настолько равнодушенъ къ интересамъ своихъ единоплеменниковъ, чтобы ничего не предпринять для защиты ихъ отъ нелѣпыхъ клеветъ, какія распространялись относительно іудеевъ въ языческомъ обществѣ. Такимъ образомъ, и интересы соотечественниковъ, и языческое правительство и общество требовали отъ историка свѣдѣній относительно христіанъ; „онъ долженъ былъ, если написалъ свой трудъ для греко-римскаго міра, освѣтить тайное христіанское общество“, показать его происхожденіе и познакомить съ лицомъ его Основателя [1]). Не отвѣтить на требованія общества и правительства и совершенно умолчать о Христѣ и христіанахъ Іосифъ Флавій не имѣлъ никакихъ побужденій. Задавшись цѣлію — представить въ своихъ „Древностяхъ“ апологію народа, презираемаго обществомъ, историкъ съ намѣреніемъ старался опустить все то, что могло не располагать къ іудеямъ языческое правительство и общество, или что могло показаться его образованнымъ читателямъ глупостью и нелѣпостью. Такъ, историкъ ни словомъ не обмолвился о мессіанской надеждѣ своего народа, такъ какъ при представленіи Мессіи въ качествѣ земного царя она могла дѣйствительно казаться обществу безумной мечтой, а въ римскомъ правительствѣ возбудить подозрѣнія относительно іудеевъ. Но опасеніе выдать мессіанскія ожиданія іудейскаго народа не могло препятствовать историку сдѣлать замѣтку объ Іисусѣ Христѣ и основанномъ Имъ обществѣ: онъ легко могъ обойти ихъ, какъ это сдѣлалъ въ извѣстіи объ Іоаннѣ Крестителѣ, представивъ Іисуса Христа не Мессіей, котораго ожидали іудеи, а такимъ же главой религіозной партіи, какъ и основатели другихъ іудейскихъ сектъ. Съ другой стороны, упоминаніемъ о преслѣдуемой сектѣ и ея Основателѣ онъ не могъ повредить интересамъ своего народа и если бы и повредилъ, то не болѣе, чѣмъ упоминаніемъ объ Іудѣ Галилеянинѣ, Ѳевдѣ и другихъ обольстителяхъ народа [2]). Іосифъ Флавій могъ бы умолчать объ Іисусѣ Христѣ и христіанствѣ, если бы вовсе не имѣлъ понятія о немъ или такое смутное, что охотнѣе предпочелъ молчаніе, и если бы оставался совершенно чуждымъ интересамъ и запросамъ времени. Но историкъ былъ очевидцемъ возраста-

---

[1]) Evald. Geschichte Christus und seiner Zeit. 2 Ausg. Götingen 1857. S. 120.

[2]) Мы имѣемъ здѣсь въ виду, главнымъ образомъ, доводы Шюрера за подложность всего извѣстія о Христѣ—Lehrbuch der Neutest. Zeitgeschichte. 1874 г. S. 289.

нія христіанской церкви, имѣлъ предъ глазами дѣятельность ап. Павла [1]), былъ свидѣтелемъ Нероновскаго гоненія, когда христіане сдѣлались предметомъ общаго вниманія [2]) и составляли даже въ Римѣ большое общество, населяя цѣлое предмѣстье, и, слѣдовательно, могъ и долженъ былъ имѣть свѣдѣнія о Христѣ и христіанахъ, а обстоятельства времени необходимо заставляли его обратить особенное вниманіе на христіанское общество и познакомить своихъ читателей съ его исторіей и его Основателемъ. Флавій писалъ свои „Древности" не для іудеевъ, но для язычниковъ и, слѣдовательно, долженъ былъ имѣть въ виду ихъ запросы и требованія, а потому „написалъ свои „Древности" не какъ предметъ, доставшійся прошедшему, но въ полномъ интересѣ настоящаго" [3]).

Итакъ, самый характеръ исторической жизни іудеевъ и личныя убѣжденія Іосифа Флавія вызывали въ немъ желаніе, а свѣдѣнія, какія доставили ему обстоятельства жизни, давали возможность сказать что-нибудь о Христѣ и христіанствѣ; общеизвѣстность же имени Іисуса Назаретскаго, интересы соотечественниковъ, читателей и римскаго правительства ставили историку въ прямую обязанность упоминаніе о Христѣ и христіанахъ. „Историкъ желалъ, могъ и долженъ былъ сказать что-нибудь о Христѣ и христіанахъ" [4]), а потому и извѣстіе, какое находимъ на страницахъ его „Древностей", нельзя считать совершеннымъ подлогомъ и вставкой.

Отъ теоретическихъ соображеній обратимся теперь къ положительнымъ свидѣтельствамъ, изъ которыхъ ясно видно, что извѣстіе объ Іисусѣ Христѣ всегда составляло необходимую часть „Древностей". Рядъ такихъ свидѣтельствъ представляетъ намъ христіанская древность. Первый, какъ мы уже сказали, процитировалъ это свидѣтельство церковный историкъ Евсевій Кесарійскій въ двухъ своихъ сочиненіяхъ, написанныхъ въ самомъ началѣ IV вѣка. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что онъ нашелъ извѣстіе о Христѣ въ экземплярѣ „Древностей", который имѣлъ подъ руками, и въ томъ видѣ, въ какомъ привелъ его въ своихъ сочиненіяхъ. Послѣдующіе церковные писатели: бл. Іеронимъ [5]), Исидоръ Пелусіотъ [6]), Руфинъ, Созоменъ [7]) и многіе другіе, всѣ передаютъ самый текстъ этого свидѣтельства и почти въ томъ

---

1) Real-Encyclopädie. Herzog. 1857 г. B. VII. S. 28. Sub. v. „Josephus Flavius"—Paret.

2) Hase. Geschicte Jesu. Leipzig. 1876. S. 75.

3) Ibidem. S. 76.

4) Heinigchen F. A. Commentarii in Evsebii Pamphili Historiam Ecclesiasticam. etc. Leipzig 1870. S. 630.

5) De viris illustribus c. XIII.

6) Epistola IV.

7) Hist. Eccl. I, 1 c.

же самомъ видѣ, какъ и Евсевій, и безъ всякихъ сомнѣній приписываютъ это мѣсто перу іудейскаго историка. Слѣдуетъ замѣтить, что еще въ III вѣкѣ нѣкто Макарій, блюститель царскаго ложа (praefectus sacri cubiculi), пострадавшій при Діоклетіанѣ, въ исповѣднической рѣчи своей предъ императоромъ, ссылаясь на свидѣтельство Флавія объ Іисусѣ Христѣ, приводитъ его въ тѣхъ же самыхъ словахъ, какъ оно читается во всѣхъ извѣстныхъ нынѣ манускриптахъ „Древностей“, и въ подтвержденіе своихъ словъ указываетъ на подлинныя сочиненія историка, хранившіяся тогда въ публичной библіотекѣ [1]). Хотя критика нашла это извѣстіе невѣроятнымъ, а мученическіе акты и рѣчь сочиненія Макарія признала подложными [2]), тѣмъ не менѣе въ основѣ разсказа лежитъ истина, что древность согласно приписывала свидѣтельство о Христѣ перу іудейскаго историка. Кромѣ этого недостовѣрнаго, сомнительнаго извѣстія, мы ни у одного изъ писателей первыхъ трехъ вѣковъ не встрѣчаемъ упоминаній объ этомъ мѣстѣ „Древностей“ и не видно, чтобы кто-нибудь имъ пользовался; между тѣмъ свидѣтельство объ Іисусѣ Христѣ могло бы оказать тогдашней апологетикѣ не малую услугу своимъ содержаніемъ, удовлетворявшимъ самымъ притязательнымъ требованіямъ противниковъ христіанства. Молчаніе писателей первыхъ трехъ вѣковъ и особенно апологетовъ относительно Флавіева свидѣтельства можно объяснить только тѣмъ, что они или не хотѣли пользоваться, или совершенно не знали этого мѣста „Древностей“. Первое предположеніе никоимъ образомъ не можетъ быть принято, если свидѣтельство о Христѣ имѣло тогда тотъ же самый видъ, какой имѣетъ теперь, и такимъ вышло изъ подъ пера Іосифа Флавія. Нельзя, конечно, думать, что отъ вниманія христіанскихъ писателей могло ускользнуть это свидѣтельство. Іустинъ Философъ и Климентъ Александрійскій перечитали всю классическую литературу съ цѣлію извлечь изъ нея нѣсколько строкъ для объясненія и подтвержденія христіанскихъ истинъ, даже пользовались апокрифической литературой (свидѣтельствами Сивиллиныхъ книгъ); возможно ли, чтобы они опустили изъ виду свидѣтельство Флавія? Болѣе страннымъ и непонятнымъ представляется молчаніе объ этомъ свидѣтельствѣ Оригена, отъ вниманія котораго, конечно, не могло ускользнуть такое важное мѣсто. Онъ во многихъ мѣстахъ своихъ сочиненій ссылается на іудейскаго историка, неоднократно возвращается къ тому, что говоритъ онъ объ Іоаннѣ Крестителѣ и Іаковѣ, братѣ Господнемъ, и удивляется подобнымъ свидѣтельствамъ со стороны человѣка, который не вѣровалъ во Христа, но

---

[1]) Acta sanctorum. Bolland. t. V, pag. 149.

[2]) A. Heinigchen. Commentarii in Evsebii Pamphili Historiam Eccles. etc. Leipzig. 1870. S. 627. Anmerk. 10.

нигдѣ не упоминаетъ онъ о свидѣтельствѣ его объ Іисусѣ Христѣ. Еслибы въ экземплярѣ „Древностей", который былъ въ рукахъ у Оригена, находилось это свидѣтельство, гдѣ ясно говорится, что Іисусъ былъ Христосъ, и притомъ говорится о Немъ съ глубокимъ уваженіемъ, то непонятно, почему онъ могъ отозваться объ историкѣ, какъ невѣрующемъ [1]). Молчаніе о свидѣтельствѣ и этотъ отзывъ Оригена объ Іосифѣ Флавіѣ, всего вѣроятнѣе, имѣли основаніе въ самомъ текстѣ извѣстія объ Іисусѣ Христѣ. Изъ свидѣтельствъ объ Іоаннѣ Крестителѣ и Іаковѣ, братѣ Господнемъ, легко было заключить, какъ думалъ Оригенъ, что историкъ былъ христіаниномъ; но свидѣтельство объ Іисусѣ Христѣ ясно говорило, что онъ не вѣровалъ во Христа, отсюда Оригенъ и сдѣлалъ такой отзывъ объ Іосифѣ Флавіѣ. Помимо того, что этотъ отзывъ Оригена о религіозныхъ убѣжденіяхъ историка служитъ косвеннымъ указаніемъ на существованіе въ то время свидѣтельства объ Іисусѣ Христѣ, изъ него ясно открывается, почему древніе христіанскіе писатели не пользовались извѣстіемъ Флавія, какъ свидѣтельствомъ за христіанскую истину. Причина этого заключалась въ непригодности содержанія свидѣтельства, а не въ томъ, что его будто бы не было на страницахъ „Древностей". Нѣкоторые же изъ апологетовъ не пользовались имъ и потому, что не придавали этому извѣстію большого значенія, особенно при полемикѣ съ іудействомъ, какъ свидѣтельству лица очень несимпатичнаго и неавторитетнаго для іудеевъ. По крайней мѣрѣ Іустинъ Философъ въ „Разговорѣ съ Трифономъ іудеемъ" прошелъ его молчаніемъ именно по этой причинѣ: онъ признавалъ совершенно безполезнымъ приводить это свидѣтельство для тѣхъ, которые не скоро соглашались на слова пророковъ и священныхъ писателей.

Такимъ образомъ, хотя болѣе раннихъ (до Евсевія) упоминаній мы не находимъ въ сочиненіяхъ христіанскихъ писателей, однако это не можетъ говорить противъ существованія за это время свидѣтельства объ Іисусѣ Христѣ на страницахъ „Древностей" и легко объясняется другими причинами. Да и основательно ли было бы изъ неопредѣленнаго молчанія немногихъ писателей заключать къ подложности свидѣтельства объ Іисусѣ Христѣ, когда у весьма многихъ хотя нѣсколько позднѣйшихъ, но не менѣе достовѣрныхъ писателей есть прямыя и несомнѣнныя указанія на это извѣстіе? Справедливо ли причину молчанія писателей первыхъ трехъ

[1]) Такъ онъ отзывается о Флавіѣ въ соч. „Противъ Цельса" I, 47 и XVIII, 87: „Ὁ δε αὐτός καὶ τοί γε ἀπιστῶν τῷ Ἰησοῦ ὡς Χριστῷ", а въ комментаріяхъ, на Ев. Матѳея т. X, 46 говоритъ, что Іосифъ „τὸν Ἰησοῦν οὐ καταδεξάμενον εἶναι Χριστὸν". Historia revelationis divinae Novi Testamenti. Josephus Danco. S. 312; conf. A. Heinigchen. Comment. in Evsebii Pamphili Hist. Eccles. etc. Leipzig 1870. S. 627, Anmerk. 11.

вѣковъ видѣть непремѣнно въ отсутствіи извѣстнаго свидѣтельства на страницахъ „Древностей“, когда могли быть и дѣйствительно были другія серьезныя причины молчанія? Если же молчаніе писателей первыхъ трехъ вѣковъ о свидѣтельствѣ Флавія не можетъ считаться неоспоримымъ доказательствомъ отсутствія его на страницахъ „Древностей“, въ такомъ случаѣ положительныя извѣстія послѣдующихъ писателей должны имѣть рѣшающее значеніе въ вопросѣ о происхожденіи свидѣтельства объ Іисусѣ Христѣ.

Кромѣ древнихъ христіанскихъ писателей, Евсевія Кесарійскаго, бл. Іеронима, Исидора Пелусіота, Созомена, Гезиппа [1]) и многихъ другихъ, мы имѣемъ еще рядъ свидѣтельствъ о принадлежности извѣстія объ Іисусѣ Христѣ перу іудейскаго историка,—это древніе манускрипты и изданія Флавіевыхъ „Древностей“. Во всѣхъ манускриптахъ и изданіяхъ имѣется и свидѣтельство объ Іисусѣ Христѣ, и доселѣ еще не найдено ни одной рукописи, въ которой бы его не было. Если бы это свидѣтельство внесено было рукой какого-либо христіанина во II-мъ или III вѣкѣ, то всетаки должны бы найтись такіе экземпляры „Древностей“, въ которыхъ бы его не было. Предполагать, что всѣ древніе списки интерполированы и во всѣ вставлено это мѣсто, слишкомъ неосновательно, особенно если принять во вниманіе широкое распространеніе среди христіанъ, іудеевъ и язычниковъ сочиненій іудейскаго историка. Нужно быть слишкомъ смѣлымъ интерполяторомъ, чтобы надѣяться скрыть подлогъ, когда возможно было да и слѣдовало ожидать немедленнаго обнаруженія обмана со стороны тѣхъ же іудеевъ, такъ враждебно относившихся къ христіанству въ первые три вѣка. Обнаружить обманъ было весьма легко, такъ какъ подлинныя сочиненія историка хранились въ публичной римской библіотекѣ, куда были положены по приказанію императора Тита, а списки имѣлись во всѣхъ языческихъ библіотекахъ; слѣдовательно, стоило только обнародовать эти экземпляры, и подлогъ былъ бы очевиденъ. Между различными списками „Древностей“ есть такіе, которые никоимъ образомъ не допускаютъ предположенія о вставкѣ даннаго мѣста христіанской рукой,—это еврейскіе списки. Такъ, по свидѣтельству „Анналъ“ Баронія, въ очень древнемъ еврейскомъ спискѣ свидѣтельство объ Іисусѣ Христѣ имѣлось, но только въ сокращенномъ видѣ. То же подтверждаетъ и ученый французъ Гуэцій. Robertus Canotus, славившійся въ Оксфордскомъ университетѣ, утверждаетъ, что въ двухъ экземплярахъ сочиненій Флавія, написанныхъ по-еврейски, онъ нашелъ свидѣтельство объ

---

[1]) Этотъ писатель, котораго правильнѣе было бы называть Амвросіемъ, не только приводитъ это мѣсто Древностей, но и доказываетъ принадлежность его перу Флавія. Josephus Danco. Histor. revelationis Divinae Novi Testamenti. pag. 311.

Іисусѣ Христѣ, въ другихъ же еврейскихъ спискахъ оно только недавно уничтожено [1]). Существованіе въ еврейскихъ спискахъ „Древностей“ свидѣтельства объ Іисусѣ Христѣ самымъ очевиднымъ образомъ говоритъ противъ мысли о его подложности; безъ сомѣннія еврейскіе списки дѣлались съ еврейскихъ же, а въ такомъ случаѣ откуда могло появиться въ нихъ свидѣтельство объ Іисусѣ Христѣ, какъ не изъ подлиннаго списка „Древностей“.

Невозможность вставки всего мѣста объ Іисусѣ Христѣ рукой какого-либо христіанина II—III вѣка еще болѣе подтверждается тѣмъ, что самъ Іосифъ Флавій, раздѣливъ свои Древности на двадцать книгъ, по примѣру другихъ писателей обозначилъ въ концѣ число строкъ или стиховъ, заключающееся во всемъ сочиненіи, съ тою цѣлію, чтобы чужая рука не могла ничего ни убавить, ни прибавить къ написанному. Сказавъ въ заключеніи „Древностей“: „Имѣю еще и теперь живыхъ свидѣтелей, кои могутъ подтвердить истину моего повѣствованія или обличить меня во лжи“, историкъ присовокупляетъ: „Симъ окончу я мои Древности, содержащіяся въ двадцати книгахъ, въ числѣ шестидесяти тысячъ стиховъ“ [2]). Возможно ли, послѣ этого, чтобы кто-нибудь осмѣлился внести въ трудъ историка такое прибавленіе, которое составляетъ особый отдѣлъ, имѣетъ свой особый счетъ и состоитъ болѣе чѣмъ изъ десяти стиховъ? Самая замѣтка автора о числѣ стиховъ въ его сочиненіи невольно должна была остановить всякую попытку внести въ его трудъ что-либо такое, о чемъ у него не было и рѣчи Много смѣлости, аккуратности нужно было для того, чтобы нѣсколько измѣнить первоначальный текстъ и придать извѣстію иной смыслъ, болѣе благопріятный для христіанства; внести же цѣликомъ извѣстіе объ Іисусѣ Христѣ въ сочиненіе Флавія представляется дѣломъ не только слишкомъ рискованнымъ, но и прямо невозможнымъ: никакому христіанину II или III вѣка не могло прійти на умъ прибѣгнуть къ такому подлогу ad majorem Dei gloriam, если бы историкъ совершенно умолчалъ объ Іисусѣ Христѣ.

Нельзя оставить безъ вниманія еще одно доказательство, которое приводится критиками въ подтвержденіе мысли о вставкѣ этого мѣста христіанской рукой. Защитники такого взгляда на свидѣтельство объ Іисусѣ Христѣ видятъ это доказательство въ положеніи его среди разсказа [3]). Нельзя не признать, что свидѣтельство о Христѣ дѣйствительно на-

---

[1]) Josephus Danco. Historia revelationis Divinae Novi Testamenti. pag. 313, not.

[2]) Что Іосифъ Флавій самъ сдѣлалъ исчисленіе стиховъ и эту помѣтку, въ этомъ еще никто изъ критиковъ не сомнѣвался. A. Heinichen. Comment. in Evsebii Pamphili Hist. eccles. Leipzig 1840. S. 631—632.

[3]) Hase. Geschicte Sesu. Leipzig. 1876. S. 74.

ходится внѣ связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ разсказомъ историка и безъ всякаго ущерба для послѣдовательности и стройности повѣствованія могло бы быть опущено. Параграфъ, содержащій это свидѣтельство, находится въ той главѣ, которая посвящена различнымъ событіямъ, случившимся во время управленія Іудеей прокуратора Пилата. Порядокъ разсказа въ этой главѣ таковъ: § 1. Пилатъ хочетъ ввести въ Іерусалимѣ изображенія императора; протестъ іудеевъ, готовый перейти въ открытый бунтъ, остановилъ его отъ исполненія этого намѣренія. § 2. Пилатъ хочетъ употребить деньги, хранившіяся въ сокровищницѣ храма Іерусалимскаго, на устройство водопровода; произошло возмущеніе, во время котораго погибло много народа. § 3. Содержитъ свидѣтельство объ Іисусѣ Христѣ. § 4. Начинается словами: «Въ то же время другое несчастіе произвело смятеніе между іудеями"; затѣмъ историкъ разсказываетъ о причинахъ его и о декретѣ, которымъ іудеи изгонялись изъ Рима. Начальныя слова этого послѣдняго параграфа необходимо предполагаютъ несчастіе, случившееся надъ іудеями ранѣе того, о которомъ говорится здѣсь. Какое же это было несчастіе? Предыдущій параграфъ содержитъ разсказъ не о несчастіи какомъ-либо, но о явленіи среди іудеевъ мудреца Іисуса, совершителя чрезвычайныхъ дѣлъ, учителя истины. Слѣдовательно, подъ первымъ несчастіемъ разумѣется то, о которомъ историкъ разсказалъ въ § 2-мъ. Такимъ образомъ, свидѣтельство объ Іисусѣ Христѣ является въ разсказѣ совершенно отдѣльнымъ, и черезъ выпускъ его связь повѣствованія не только не нарушается, но дѣлается болѣе прочной и правильной и разсказъ историка получаетъ больше послѣдовательности и стройности. Вотъ основаніе, которое выставляютъ критики въ доказательство мысли, что это свидѣтельство—позднѣйшая вставка. На первый взглядъ это доказательство противъ подлинности извѣстія о Христѣ представляется вѣскимъ и основательнымъ, на самомъ же дѣлѣ далеко не таково. Оно имѣло бы полную силу лишь въ томъ случаѣ, когда было бы доказано, что такой порядокъ разсказа—единственный въ сочиненіяхъ Флавія, и въ частности въ его Древностяхъ, но этого-то и нельзя доказать. При изложеніи историческихъ событій Іосифъ Флавій главнымъ образомъ руководился хронологіей, а потому логическая связь стоитъ у него всегда на второмъ планѣ. При такомъ характерѣ изложенія весьма естественно поставляются рядомъ такія событія, которыя не имѣютъ между собой никакой внутренней связи, а только внѣшнюю хронологическую; вслѣдствіе этого, разсказъ объ одномъ событіи является совершенно отдѣльнымъ — цѣлымъ, и нить повѣствованія прерывается. То же самое замѣтно и въ данномъ случаѣ. Описывая событія, случившіяся во время управленія Іудеей Пилата, историкъ вспомнилъ, что въ это же время жилъ и тотъ Мужъ, о

которомъ народная память живо сохранила представленіе, какъ о необыкновенномъ человѣкѣ. Простое воспоминаніе и дало поводъ къ этой замѣткѣ, которая такъ мало имѣла отношенія къ предыдущему разсказу, совершенно отличному по характеру изложенныхъ въ немъ событій. Такого рода разсказы, основанные на простой ассоціаціи по времени, весьма часты не только въ „Древностяхъ", но и въ другихъ сочиненіяхъ историка; однако, нѣтъ никакихъ основаній оспаривать принадлежность такихъ мѣстъ перу Іосифа Флавія. Таковъ, напр., разсказъ историка о скандалезномъ поступкѣ римскаго всадника Деція Мунда съ знатной римлянкой Павлиной, свѣдѣнія о которомъ историкъ почерпнулъ въ Римѣ. Очевидно, что эта гнусная исторія не имѣла никакого отношенія къ іудейскимъ событіямъ, однако историкъ отвелъ ей на страницахъ „Древностей" приличное мѣсто (XVII кн., гл. 3, § 4).

На основаніи доселѣ изложенныхъ соображеній и фактическихъ доказательствъ, мы необходимо должны отвергнуть мысль о подложности свидѣтельства объ Іисусѣ Христѣ, признать его принадлежность перу Іосифа Флавія. Тѣ, которые утверждаютъ, что оно внесено въ сочиненіе историка въ послѣдующее время для защиты христіанства въ столь дорогіе моменты, каковы были II и III вѣка, выставляютъ въ качествѣ вѣскихъ аргументовъ только однѣ догадки и предположенія, которыя слишкомъ слабы для того, чтобы на основаніи такихъ аргументовъ исключить изъ „Древностей" извѣстіе объ Іисусѣ Христѣ. А что эти аргументы дѣйствительно слабы и мнѣніе, основанное на нихъ, шатко, открыто сознался одинъ изъ горячихъ защитниковъ этого мнѣнія: „Мы предпочитаемъ, говоритъ онъ, мнѣніе о совершенной неподлинности этого мѣста только какъ болѣе простое сравнительно съ мнѣніемъ о неподлинности только части" [1]).

Признавая принадлежность свидѣтельства объ Іисусѣ Христѣ перу іудейскаго историка, мы однако не считаемъ его неповрежденнымъ, а исправленнымъ христіанской рукой. Основаніе для такого мнѣнія заключается въ самомъ свидѣтельствѣ, въ его содержаніи. Нужно замѣтить, что исправленіе первоначальнаго текста сдѣлано весьма искусно, такъ что съ внѣшней стороны нѣтъ никакихъ основаній сомнѣваться въ принадлежности всего свидѣтельства перу историка. Во всемъ текстѣ, какъ онъ теперь читается, нѣтъ ни одного слова, ни одной фразы, которыхъ бы не встрѣчалось въ трудахъ Іосифа Флавія [2]). Это замѣчательное тожество

---

[1]) Schürer. Lehrbuch der Neutest. Zeitgeschichte. 1874. S. 289.

[2]) Англійскій ученый Daubusius тщательно разсмотрѣлъ съ внѣшней стороны текстъ свидѣтельства. Онъ сравнилъ отдѣльныя слова и выраженія съ подобными же словами другихъ мѣстъ и параллельныхъ описаній и не нашелъ въ свидѣтельствѣ о Христѣ ничего такого, чего

стиля свидѣтельства съ стилемъ Флавія вообще не можетъ однако служить доказательствомъ неповрежденности всего извѣстія, какъ справедливо затѣтилъ Шюреръ: „Если для доказательства подлинности всего свидѣтельства, говоритъ онъ, ссылаются на чисто іосифскій стиль, то вмѣстѣ съ тѣмъ воздаютъ похвалу интерполятору за то, что онъ сдѣлалъ свое дѣло весьма искусно. Противъ неіосифовскаго содержанія стиль во всякомъ случаѣ не должно принимать во вниманіе“ [1]), а содержаніе свидѣтельства дѣйствительно не іосифовское. Въ самомъ дѣлѣ, авторъ „Древностей“—іудей, самъ себя называющій фарисеемъ, не только вводитъ въ свой разсказъ лицо Іисуса Христа, говоритъ объ его ученіи, противодѣйствіи, какое Онъ встрѣтилъ со стороны начальниковъ іудейскихъ, Его осужденіи на крестную смерть, но и свидѣтельствуетъ объ Его чудесахъ, признаетъ въ Его ученіи высочайшую истину, а въ Его явленіи и судьбѣ видитъ исполненіе пророчествъ, въ Его лицѣ—обѣщаннаго Мессію; какой христіанинъ первыхъ вѣковъ могъ сказать объ Іисусѣ Христѣ болѣе, чѣмъ сказалъ здѣсь іудей и фарисей [2])? Здѣсь авторъ признаетъ всѣ доказательства, служащія въ пользу Евангелія: чудо, пророчество, даже воскресеніе Іисуса Христа, но ихъ-то главнымъ образомъ и оспаривали іудеи у христіанъ; для іудея было величайшей антиноміей „Мессія“ и „распятый мудрецъ Іисусъ“, тогда какъ здѣсь авторъ прямо признаетъ распятаго Мессіей. И почему Флавій въ другихъ случаяхъ такъ полный, такъ мелочной и кропотливый во всемъ, что можетъ выставить на видъ лучшаго изъ жизни своего народа, почему здѣсь, гдѣ дѣло идетъ о великомъ мудрецѣ, о лицѣ необычайномъ, на которое устремлены были взоры самихъ пророковъ, не считаетъ нужнымъ передать своимъ читателямъ нѣсколько подробностей о жизни, ученіи, дѣлахъ, отношеніи къ іудейству мудреца Іисуса, тогда какъ вслѣдъ за этимъ историкъ входитъ во всѣ подробности возмутительнаго происшествія, случившагося не въ Іерусалимѣ между іудеями, а въ Римѣ между язычниками? Мысли, высказанныя въ свидѣтельствѣ объ Іисусѣ Христѣ, не мирятся съ убѣжденіями Іосифа Флавія, какъ іудея и фарисея, а самая краткость извѣстія, при невозможности признать его за позднѣйшую вставку и ясныхъ указаніяхъ на автора-іудея,—съ характеромъ его, какъ историка. На содержаніи и текстѣ свидѣтельства слишкомъ ярко отразились слѣды работы христіанскаго пера и слишкомъ замѣтны христіан-

нельзя было бы приписать Іосифу Флавію. Pro testimonio Flavii Sosephi de Jesu Christo. Londinium 1706 anno; также in Havercampii editione Operum Flavii. Amsterod. 1726.

1) Schürer. Lehrbuch der Neutestamentische Zeitgeschichte. 1874. S. 283.

2) На іудейство автора извѣстія указываютъ слова: „τῶν πρώτων ἀνδρῶν παρ' ἡμῖν“, а фариссемъ называетъ себя Флавій въ „Autobiographia“.

скія добавленія и измѣненія, внесенныя въ первоначальный текстъ.

Чтобы яснѣе видѣть и выдѣлить эти добавленія и поправки, необходимо разсмотрѣть самый текстъ нынѣшняго свидѣтельства. При этомъ считаемъ нужнымъ замѣтить, что возстановить первоначальный текстъ во всей его чистотѣ и полнотѣ нѣтъ никакой возможности, и попытки ученыхъ въ этомъ родѣ достигли только большей или меньшей степени приближенія къ оригинальному, подлинному тексту извѣстія. Однако нельзя думать, что критическій анализъ текста—работа совершенно безполезная: мы воспользуемся имъ какъ для доказательства мысли объ интерполяціи свидѣтельства, такъ и для опроверженія мнѣнія объ абсолютной его подлинности.

Разсказывая о событіяхъ, случившихся во время прокураторства надъ Іудеей Понтія Пилата, историкъ вслѣдъ за описаніемъ мятежа іудеевъ противъ этого правителя говоритъ объ Іисусѣ Христѣ и основанномъ Имъ обществѣ въ такихъ словахъ: „Въ это же время жилъ Іисусъ, мудрый мужъ, если только слѣдуетъ называть его человѣкомъ, ибо онъ былъ совершителемъ чрезвычайныхъ [невѣроятныхъ—*παραδόξων*] дѣлъ, учителемъ людей, съ удовольствіемъ принимающихъ истину. Онъ привлекъ къ себѣ многихъ какъ изъ іудеевъ, такъ и изъ эллиновъ. Это былъ Христосъ. И когда Пилатъ по доносу нашихъ начальниковъ осудилъ Его на крестную казнь, тѣ, которые возлюбили его прежде, не отдѣлились отъ Него [не перестали любить Его и послѣ]; ибо Онъ явился имъ на третій день снова живымъ, какъ предсказали божественные пророки объ этомъ и о многомъ другомъ чудесномъ относительно Его. Названное по Его имени общество христіанъ и теперь еще существуетъ“. [Древн. Іуд. XVIII, 3 гл., § 3].

Приступая къ анализу текста, считаемъ нужнымъ сдѣлать два краткихъ замѣчанія относительно формы изложенія и тона свидѣтельства. Это необходимо для того, чтобы при разборѣ текста не впасть въ ошибку, приписавъ перу Флавія, что на самомъ дѣлѣ ему не принадлежитъ, или исключивъ изъ текста подлинное.

Защитники абсолютной подлинности, не желая лишиться такого важнаго свидѣтельства за евангельскую истину, читаютъ его съ предвзятымъ мнѣніемъ и въ своемъ увлеченіи не хотятъ видѣть въ немъ выраженія личныхъ взглядовъ и отношеній автора ко Христу и христіанскому обществу. Они понимаютъ извѣстіе такъ, какъ будто авторъ ведетъ рѣчь не отъ своего лица, а излагаетъ чужое и именно христіанское мнѣніе [1]), а потому нѣкоторымъ выраженіямъ даютъ такое толкованіе, которое нельзя признать правильнымъ,

[1]) J. Diefenbach. Christus und Christenthum. Mainz 1877. S. 44.

простымъ и безыскусственнымъ [1]). Не говоря уже о томъ, что такое пониманіе навязываетъ историку не только близкое знакомство съ христіанскимъ ученіемъ и симпатію къ нему, представляетъ его измѣнчивымъ въ своихъ іудейскихъ и фарисейскихъ убѣжденіяхъ, отнимаетъ много цѣны у свидѣтельства, оно не имѣетъ никакихъ основаній въ самомъ текстѣ. По характеру изложенія свидѣтельство о Христѣ замѣтно отличается отъ извѣстій объ Іоаннѣ Крестителѣ и Іаковѣ, братѣ Господнемъ. Въ первомъ, какъ мы видѣли, историкъ прямо основывается на народномъ мнѣніи (Τισὶ δε τῶν Ἰουδαίων ἐδόκει...), которое послужило и поводомъ и единственнымъ источникомъ для замѣтки о Крестителѣ, а во второмъ выраженіе „τοῦ Ἰησοῦ, λεγομένου Χριστοῦ", такъ живо напоминающее слова Пилата къ народу (Мѳ. XXVII, 17), даетъ понять, что Флавій имя Христа употребляетъ только какъ общераспространенный эпитетъ извѣстнаго лица, а не какъ объектъ личной вѣры. Въ свидѣтельствѣ же объ Іисусѣ нѣтъ ни одного выраженія, ни одного слова, которое бы указывало, что авторъ излагаетъ не свой личный взглядъ на Христа и христіанское общество, а чужое, народное мнѣніе; напротивъ, здѣсь есть прямыя и ясныя указанія, что историкъ говоритъ отъ собственнаго лица, высказываетъ субъективное мнѣніе. Такъ, уже выраженіе, „τῶν πρώτων ἀνδρῶν παρ' ἡμῖν" даетъ понять, что рѣчь идетъ отъ лица автора, а выраженіе ὁ χριστὸς οὗτος ἦν не допускаетъ мысли, что авторъ имѣетъ въ виду вѣру христіанъ: такъ могъ выражаться только вѣрующій во Христа, какимъ не былъ іудейскій историкъ, не понимавшій даже, по свидѣтельству бл. Ѳеодорита, христіанской проповѣди [2]).

Если Іосифъ Флавій настолько былъ далекъ отъ христіанства, насколько могъ быть далекъ іудей и фарисей, то какъ онъ долженъ былъ смотрѣть и что могъ сказать о Христѣ и христіанскомъ обществѣ? Нельзя согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ ученыхъ, которые утверждаютъ, что историкъ относился ко Христу и Его послѣдователямъ съ фарисейской нетерпимостью, явно враждебно и непріязненно, и потому думаютъ, что въ свидѣтельствѣ, какъ оно теперь читается, едва только два слова принадлежатъ перу Іосифа Флавія [3]). Еще менѣе основательно мнѣніе тѣхъ, которые, на

---

[1]) Такъ, Дифенбахъ слова: „ὁ Χριστὸς οὗτος ἦν" понимаетъ въ томъ смыслѣ, какой имѣла надпись, сдѣланная Пилатомъ на крестѣ, своею двусмысленностью вызвавшая въ іудеяхъ недовольство и просьбу измѣнить ее. Ibidem.

[2]) Commentar. in Daniel. t. II, p. 697. A. Heinigchen. Comment. in Evsebii Pamphili Hist. Eccles. etc. Leipzig 1870, p. 627, annot 11.

[3]) Schürer. Lehrbuch der Neutest. Zeitgeschichte S. 289; Evald. Geschichte Christus und seiner Zeit. 2 Ausg. Götingen 1857, S. 120; Theodor Keim. Geschichte Iesu von Nazara. Zürich 1867, Band I, S. 14.

томъ же основаніи, понимаютъ все извѣстіе въ смыслѣ сатиры на Христа и христіанство [1]). Оба эти мнѣнія страдаютъ односторонностью. Нельзя представлять Іосифа Флавія человѣкомъ съ крайними фарисейскими взглядами и съ той исключительностью и нетерпимостью, какою отличались люди этой партіи; это значило бы лишить историка всякой индивидуальности, совершенно обезличить его. И образованіе, и окружающая среда должны были сгладить рѣзкость его убѣжденій, да онъ и не настолько преданъ былъ фарисеямъ, чтобы воздержаться отъ порицанія ихъ правилъ, нравовъ и дѣяній. И между фарисеями было не мало такихъ, которые чужды были фанатической ненависти ко Христу и Его послѣдователямъ, какъ это показываетъ примѣръ Никодима (Іоан. III, 1 ст.) и Гамаліила (Дѣян. V, 34). Какъ человѣкъ образованный и добросовѣстный историкъ, Іосифъ Флавій долженъ былъ болѣе безпристрастно, чѣмъ кто либо, относиться ко Христу и если не съ сочувствіемъ, то только съ пренебреженіемъ и неуваженіемъ, а къ Его послѣдователямъ съ сожалѣніемъ, какъ къ заблуждающимся. Не считая Христа проповѣдникомъ добродѣтели, подобно Іоанну Крестителю, а Его послѣдователей философской школой, какъ фарисеевъ и саддукеевъ, историкъ представилъ его какъ псевдопророка и обманщика (Мѳ. XXVII, 63), или волшебника, подобно Симону Волхву, тѣмъ болѣе, что пребываніе Христа во Египтѣ, какъ утверждаетъ старинная іудейская легенда [2]), будто бы дало Ему возможность познакомиться съ чародѣйствомъ. Во всякомъ случаѣ, для Іосифа Флавія личность Христа представлялась темной и загадочной и, какъ дѣйствовавшая будто бы подъ вліяніемъ таинственныхъ силъ, не могла возбуждать ничего, кромѣ изумленія и удивленія. Но представляя въ такомъ видѣ Іисуса Христа, историкъ однако далекъ былъ отъ того, чтобы видѣть въ Немъ одно только дурное и достойное порицанія или насмѣшки. Понятно, что съ точки зрѣнія іудея Христосъ, какъ такой, не имѣлъ ничего общаго съ Мессіей, а Его распятіе было вполнѣ справедливымъ дѣломъ, которое должно было бы уничтожить въ Его послѣдователяхъ всякую мысль, что распятый Іисусъ — Мессія, особенно послѣ того, какъ христіане подверглись жестокому Нероновскому гоненію. При такомъ умѣренномъ, хотя и неблагосклонномъ, взглядѣ на Христа и христіанство Іосифа Флавія, нѣтъ основаній считать извѣстіе настолько испорченнымъ христіанской рукой, чтобы признать въ немъ подлинными только одну-двѣ ничтожныхъ фразы или видѣть въ немъ злую сатиру. Анализъ

---

[1]) Lambecius. Prolegomena T. Ittigii ad „Flavii Josephi Opera omnia“ ed. M. G. Weidmanni 1691 anno.

[2]) Hase. Geschichte Iesu. Leipzig. 1876, S. 76.

текста извѣстія ясно и неопровержимо докажетъ неосновательность этихъ мнѣній.

Свидѣтельство начинается указаніемъ на время жизни Іисуса Христа: „Въ это же время жилъ Іисусъ"... Какое время разумѣетъ здѣсь историкъ, видно изъ начала XVIII кн., гл. 3, въ которой онъ намѣренъ описать событія, случившіяся въ управленіе Іудеей Пилата. Опредѣляя время жизни Іисуса Христа прокураторствомъ Понтія Пилата, историкъ разумѣетъ главнымъ образомъ Его общественное служеніе, а оно дѣйствительно падаетъ на это время (Лук. III, 1 ст.—XXIII, 24). Въ принадлежности этихъ словъ перу Флавіи не можетъ быть никакого сомнѣнія.—Обозначивъ время общественнаго служенія Іисуса Христа вполнѣ согласно съ показаніемъ евангелистовъ, историкъ въ дальнѣйшихъ словахъ высказываетъ свой взглядъ на личность Іисуса называя его „мудрымъ мужемъ". Эти слова несомнѣнно принадлежатъ Іосифу Флавію, и нѣтъ никакихъ основаній оспаривать ихъ происхожденіе отъ іудейскаго пера. Прежде всего разсматриваемыя слова нисколько не противорѣчатъ іудео-фарисейскимъ взглядамъ историка, чуждаго религіи христіанской. Іудеи, по свидѣтельству самого Іосифа Флавія [1]), называли „σοφὸς ἀνήρ" того, кто достигъ основательнаго знанія іудейскаго закона и хорошо умѣлъ толковать св. Писаніе. Глубокое пониманіе св. Писанія и особенная способность къ учительству, такъ рано обнаружившіяся въ отрокѣ Іисусѣ, были признаны самими книжниками и фарисеями за необыкновенныя и удивляли ихъ (Лук. II, 47). Гораздо полнѣе и ярче обнаружились эти способности въ то время, когда Іисусъ Христосъ выступилъ на общественное служеніе въ качествѣ Учителя истины. Неотразимая сила Его божественнаго слова, глубокое пониманіе закона и пророковъ производили сильное впечатлѣніе на слушателей, особенно сравнительно съ избитыми, усыпляющими рѣчами книжниковъ и фарисеевъ. Превосходство божественнаго слова предъ человѣческимъ, мудрости небесной предъ земною живо чувствовали даже сами враги Христа. Сынъ плотника, не получившій никакого образованія и не сидѣвшій у ногъ какого-либо знаменитаго раввина, съ одной стороны, и глубокія познанія въ Писаніи и необыкновенная способность къ учительству—съ другой были для всѣхъ загадкой и невольно возбуждали вопросъ: „откуда у него такая премудрость?" (Мѳ. XIII, 54; Марк. VI, 2). Если самые враги признавали Іисуса Христа необыкновеннымъ мудрецомъ и сознавались, что „никогда человѣкъ не говорилъ такъ, какъ Онъ" (Іоан. VII, 40), то нельзя оспаривать принадлежность разбираемыхъ словъ перу Флавія, какъ будто бы невозможныхъ для іудея и фарисея.

---

[1]) Древн. Іуд. XX, 11 гл., пар. 2. ст. Maimonid. Tractat. Talmud-Tora. cap. I, § 1; cap. V, § 3.

Нѣкоторые изъ ученыхъ, не отрицая принадлежности словъ „мудрый мужъ“ перу историка, объясняютъ ихъ, какъ и все свидѣтельство, въ дурную для Христа и христіанъ сторону, придавая имъ сатирическій смыслъ. Такого взгляда держится Ламбецій [1]). Онъ думаетъ, что историкъ въ данномъ случаѣ хотя и имѣетъ въ виду Мѳ. XIII, 54 и Марк. VI, 2, однако иронизируетъ, называя Іисуса Христа σοφὸν ἄνδρα. Такое пониманіе словъ историка, безъ всякаго основанія навязывающее ему знакомство съ евангеліями Матѳея и Марка, нельзя признать правильнымъ не потому только, что сами враги отзывались объ Іисусѣ Христѣ, какъ о величайшемъ мудрецѣ, но еще болѣе потому, что слова „σοφὸς, σοφία“ никогда не употребляются въ ироническомъ смыслѣ ни самимъ Флавіемъ, ни классическими писателями [2]). Да и къ чему подозрѣвать въ словахъ „σοφὸς ἀνήρ“ иронію, когда возможно принять прямой ихъ смыслъ, не насилуя ни собственной совѣсти, ни іудео-фарисейскихъ убѣжденій историка?— Назвавши Іисуса „мудрымъ мужемъ“, историкъ въ дальнѣйшихъ словахъ дѣлаетъ какое-то ограниченіе, прибавляя: „εἴ γε ἄνδρα αὐτὸν λέγειν χρή“. Къ чему относится это ограниченіе, видно изъ повторенія слова ἀνήρ. Относительно подлинности и смысла этихъ словъ учеными высказано много мнѣній, различныхъ до противоположности: одни признаютъ ихъ подлинными, другіе позднѣйшей вставкой, смотря по тому, какой смыслъ придаютъ этому ограниченію. Книттеллій, между прочимъ, объясняетъ это мѣсто въ томъ смыслѣ, что послѣднее ἀνήρ указываетъ на возрастъ, какой по іудейскому закону долженъ имѣть учитель народа. Онъ навязываетъ Флавію такую мысль, что Іисусъ Христосъ, выступая на общественное служеніе, едва ли имѣлъ опредѣленный закономъ возрастъ [3]). Но такое объясненіе указанныхъ словъ, съ одной стороны, слишкомъ искусственно, а съ другой—не имѣетъ за себя основаній ни въ текстѣ, ни въ контекстѣ свидѣтельства, гдѣ указывается логическое основаніе словъ εἴ γε ἄνδρα... χρή. Ламбецій объясняетъ эти слова иначе. Онъ думаетъ, что мысль, выраженная въ нихъ, такова: „Въ это же время жилъ Іисусъ, мудрый мужъ, если только можно назвать его мужемъ, а не лучше привидѣніемъ (φάντασμα), когда самими учениками онъ принятъ былъ за призракъ“ (Мѳ. XIV, 26; Мрк. VI, 49; Лук. XXIV, 37). Не говоря уже о томъ, что знакомство Іосифа Флавія съ Евангеліями сомнительно, трудно допустить, чтобы извѣстный евангельскій разсказъ могъ послужить основаніемъ для

[1]) „I. Flavii Opera omnia“. edit. G. Weidmanni. 1691. Prolegomena T. Ittiqii (Iosephi de Christo testimonium).

[2]) Ibidem.

[3]) A. Heinigchen. Comment. in Evsebii Pamph. Hist. Eccles. etc. Leipzig. 1870, p. 639.

словъ εἰ γε ἄνδρα... χρή и даже пришелъ на умъ историку, когда онъ писалъ это мѣсто Древностей. Съ другой стороны, при такомъ пониманіи этихъ словъ логическая послѣдовательность разсказа нарушается; мысли историка будутъ находиться въ такой связи: Іисусъ былъ не столько человѣкъ, сколько φάντασμα, ибо совершилъ много чудесъ [1]). Большинство ученыхъ понимаютъ эти слова въ томъ смыслѣ, что ими будто бы историкъ указываетъ на божественную природу и достоинство мудреца Іисуса, и, не признавая Флавія христіаниномъ, считаютъ ихъ позднѣйшей вставкой. „Слова εἰ γε ἄνδρα... χρή, говоритъ Шюреръ, предполагаютъ вѣру въ божество Христа и выдаютъ христіанскаго интерполятора" [2]). Основаніе къ такому пониманію этихъ словъ и къ исключенію ихъ изъ текста свидѣтельства указываютъ между прочимъ въ томъ, что въ нѣкоторыхъ древнихъ спискахъ латинскаго перевода „Древностей", который приписывается Руфину, этихъ словъ нѣтъ [3]). Но отсутствіе этихъ словъ въ нѣсколькихъ манускриптахъ одного перевода—основаніе слишкомъ слабое для того, чтобы признавать ихъ внесенными въ первоначальный текстъ позднѣйшей христіанской рукой, когда они находятся во всѣхъ другихъ болѣе древнихъ манускриптахъ. Отсутствіе этихъ словъ въ нѣсколькихъ манускриптахъ одной редакціи—дѣло ошибки переводчика или переписчика. Самое пониманіе данныхъ словъ, будто бы указывающихъ на божественную природу мудреца Іисуса и на христіанскія убѣжденія автора, нельзя признать правильнымъ, потому что въ заключеніи выводится больше, чѣмъ дано въ посылкахъ—текстѣ. Болѣе основательнымъ представляется взглядъ на это мѣсто Бэмерта и Шёделя, которые утверждаютъ, что въ словахъ εἴ γε ἄνδρα αὐτὸν λέγειν χρή нѣтъ ничего такого, что указывало бы на божественную природу мужа Іисуса и давало основаніе видѣть здѣсь выраженіе христіанскихъ убѣжденій іудейскаго историка „Если бы ученые, говоритъ Шедель, читали это мѣсто не христіанскими глазами и не христіанскимъ умомъ, то больше бы удивлялись простотѣ и воздержности, съ какою Іосифъ говоритъ о Христѣ" [4]). Необыкновенная мудрость и чудесныя дѣла мужа Іисуса, молва о которыхъ еще жива была въ то время, говорили историку, что это не простой человѣкъ, и невольно въ его умѣ возбуждали недоумѣніе относительно личности Іисуса тѣмъ болѣе, что на его глазахъ многочисленное общество христіанское признавало этого человѣка Богомъ. Конечно, Іосифъ Флавій былъ далекъ отъ

---

[1]) Prolegomena T. Ittigii ad „I. Flavii Opera omnia" ed. 1691 anno.

[2]) Lehrbuch der Neutestament. Zeitgeschichte. S. 288.

[3]) T. Ittigius. Prolegomena ad Opera Flavii, ed. 1691.

[4]) A. Heinigchen. Comment. in Eusebii Pamph. Hist. Eccles. Leipzig. 1870. S. 640.

того, чтобы усвоить христіанскій взглядъ на личность Іисуса Христа, однако не могъ считать Его простымъ человѣкомъ. Если историкъ, будучи истымъ іудеемъ по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ и человѣкомъ образованнымъ, лично смотрѣлъ на Христа какъ псевдопророка и волшебника, дѣйствовавшаго подъ вліяніемъ темныхъ силъ, или еще не составилъ строго опредѣленнаго взгляда на него, то для его языческихъ читателей личность Іисуса должна была казаться еще болѣе непонятной и загадочной. Чтобы яснѣе и нагляднѣе представить лицо Іисуса Христа и выяснить, какимъ образомъ христіане могли обоготворить этого мудреца, историкъ становится на точку зрѣнія своихъ читателей и пользуется взглядомъ на великихъ мужей грековъ, въ представленіи которыхъ они являлись полубогами, существами высшаго порядка; слѣдовательно, мысль Флавія, выраженная словами εἰ γε ἄνδρα... χρή, была такая: мудрецъ Іисусъ совершалъ такія дѣла, которыя возможны только для человѣка необыкновеннаго, а не для простого смертнаго [1]). Поставляя личность Іисуса Христа на ряду съ обоготворенными языческими мудрецами и чудотворцами, Іосифъ Флавій, если какъ іудей лично не вѣровалъ и даже не уважалъ Христа, то тѣмъ самымъ внушалъ нѣкоторое уваженіе къ Нему со стороны язычниковъ и вмѣстѣ къ христіанамъ, которые имѣли столько же основаній обоготворить Распятаго, сколько и язычники Орфея, Пиѳагора и Аполлонія Тіанскаго. Такой смыслъ словъ εἰ γε ἄνδρα... χρή имѣетъ за себя основаніе въ самой конструкціи (безличное χρή), согласуется съ характеромъ Флавія, какъ іудейскаго историка, и не заключаетъ въ себѣ ничего противнаго его іудео-фарисейскимъ убѣжденіямъ, а потому мы признаемъ ихъ подлинными и принадлежащими перу Іосифа Флавія.—Съ признаніемъ подлинности словъ εἴγε ἄνδρα... χρή необходимо должно признать подлинными и слѣдующія за ними: ἦν γὰρ παραδόξων ἔργων ποιητής, такъ какъ эти послѣднія составляютъ логическое основаніе предыдущихъ, на что указываетъ частица γάρ. Да и нѣтъ никакихъ основаній оспаривать принадлежность этихъ словъ перу Іосифа Флавія, такъ какъ упоминаніе о необычайныхъ дѣлахъ мудреца Іисуса само по себѣ не представляетъ ничего такого, что было бы несогласно съ взглядами и убѣжденіями іудейскаго историка. Задавшись цѣлію — передать въ „Древностяхъ“ изъ жизни народа іудейскаго все, что могло показаться замѣчательнымъ въ глазахъ его языческихъ читателей, могъ ли историкъ,

---

[1]) Съ такимъ смысломъ указанныхъ словъ аналогично привѣтствіе Пиѳіей Ликурга: „Δίζω. ἤ σε Θεὸν μαντεύομαι, ἦε καὶ ἄνδρα, ἀλλ' ἔτι καὶ μᾶλλον Θεὸν ἔλπομαι, ὦ Λυκοῦργε“, а также средневѣковая эпитафія: „Эта тяжелая урна Корвина; его великія дѣла говорятъ, что онъ былъ богъ, а судьба—что былъ человѣкъ“. T. Ittigius. Prolegomena ad „Flavii Opera“, ed. 1691.

весьма тщательный и даже мелочный въ передачѣ событій, пройти молчаніемъ то, что было предметомъ народнаго говора (Лук. V, 26)? Даже если бы съ этой стороны онъ не счелъ нужнымъ упоминать о чудесныхъ дѣлахъ мудреца Іисуса, то долженъ былъ упомянуть о нихъ по другой причинѣ — съ цѣлію выяснить тѣ условія, при которыхъ этотъ Мудрецъ могъ пріобрѣсти такое множество послѣдователей, каково было въ то время христіанское общество [1]). Послѣднее предположеніе подтверждается и контекстомъ извѣстія, гдѣ проводится ясно идея—выяснить условія, при которыхъ возникло христіанство и многочисленное христіанское общество.—Объясняя причины, почему мудрецъ Іисусъ пріобрѣлъ такъ много послѣдователей, историкъ говоритъ, что кромѣ чудесъ этому способствовала и истина самаго ученія: мудрецъ Іисусъ былъ διδάσκαλος ἀνθρώπων τῶν ἡδονῇ τἀληθῆ δεχομένων. Эти слова, такъ ясно говорящія о христіанскихъ убѣжденіяхъ автора ихъ, защитники подлинности всего извѣстія о Христѣ стараются истолковать въ смыслѣ насмѣшки надъ ученіемъ мудреца Іисуса и послѣдователями его. Такъ, Ламбецій думаетъ, что въ этомъ мѣстѣ Христосъ представляется историкомъ какъ учитель рыбаковъ, мытарей, женщинъ и вообще невѣжественныхъ людей, охотно и наивно принимающихъ какія угодно парадоксальныя ученія за несомнѣнную истину [2]). Но такое толкованіе данныхъ словъ противорѣчитъ начальнымъ словамъ свидѣтельства, гдѣ Іисусъ называется „мудрымъ мужемъ". Подозрѣвать въ этихъ словахъ злую иронію, какъ мы уже видѣли, нѣтъ никакихъ основаній; а потому странно было бы, если бы историкъ, назвавши по убѣжденію Іисуса „мудрецомъ", вдругъ сталъ иронизировать надъ Его ученіемъ и тѣми, которые принимали его: это значило бы для историка впасть въ противорѣчіе. Большинство ученыхъ признаетъ эти слова позднѣйшей вставкой. Признать слова: διδάσκαλος... δεχομένων подлинными словами іудейскаго историка, говорятъ они, значитъ то же, что и признать его христіаниномъ. Если онъ видѣлъ, что мудрецъ Іисусъ проповѣдывалъ истинное ученіе, то онъ долженъ былъ слѣдовать за Нимъ, стать христіаниномъ: „Какъ скоро я сознаю, говоритъ Книттелій, что Магометъ былъ учителемъ всѣхъ находившихъ удовольствіе въ слушаніи истины, то могу ли я желать невозможнаго, чтобы признавать еще кого-либо за Христа"? [3]) Но что Іосифъ Флавій не былъ христіаниномъ, на это имѣются прямыя и вѣскія доказатель-

---

[1]) Какъ извѣстно, „Ἰουδαϊκὴ ἀρχαιολογία" или „Древности" написаны Флавіемъ въ 93 году по Р. Хр.

[2]) T. Ittigii Prolegomena ad „Flavii Opera" ed. G. Weidmannus 1691 г.

[3]) Heinigchen. Comment in Euseb. Pamph. Histor. Eccles. S. 642. Съ такимъ мнѣніемъ согласенъ и Шюреръ: Lehrbuch der Neutestament. Zeitgeschichte. S. 288.

ства; слѣдовательно, слова διδάσκαλος... δεχομένων, говорятъ эти ученые, вставлены христіанской рукой. Эта, повидимому, сильная аргументація за вставку данныхъ словъ христіанской рукой, на самомъ дѣлѣ однако оказывается слабой съ логической стороны. Во-первыхъ, въ самомъ заключеніи допущенъ логическій скачокъ: заключать на основаніи христіанскаго смысла словъ διδάσκαλος... δεχομένων къ полной неподлинности ихъ не позволяетъ строгая логика, такъ какъ христіанскій смыслъ могло получить это мѣсто черезъ простую и притомъ незначительную поправку написаннаго историкомъ. Во-вторыхъ, съ уничтоженіемъ этихъ словъ въ извѣстіи необходимо выбросить и слова σοφὸς ἀνήρ. Безъ сомнѣнія, историкъ, называя Іисуса мудрымъ, не могъ разумѣть его дѣлъ, которыя казались Флавію παράδοξα—невѣроятными и въ которыхъ проявлялась не мудрость, а таинственныя темныя силы, подъ вліяніемъ коихъ находился этотъ мудрецъ, на что и указываютъ слова εἴγε ἄνδρα... χρή. Самое обычное и естественное проявленіе мудрости—ученіе, и потому историкъ, назвавъ Іисуса мудрымъ, необходимо долженъ былъ сказать нѣчто о мудрецѣ, какъ учителѣ, иначе для его читателей, неизмѣнно соединявшихъ съ словомъ σοφός мысль объ ученіи и учительствѣ, непонятно было бы названіе Іисуса σοφός, если бы оно относилось къ ἔργα παράδοξα.. Такимъ образомъ, слова διδάσκαλος... δεχομένων составляютъ необходимое объясненіе къ словамъ σοφὸς ἀνήρ и, выбросивши первыя, необходимо выбросить и послѣднія, а вслѣдъ за ними и слова εἴγε ἄνδρα..., если не хотятъ внести безсмыслицы въ извѣстіе. Тѣсная логическая связь словъ διδάσκαλος... δεχομένων съ предыдущими не позволяетъ исключить ихъ изъ свидѣтельства, такъ что съ признаніемъ подлинности σοφὸς ἀνήρ необходимо признать подлинными и слова διδάσκαλος... δεχομένων. Но христіанскій смыслъ этихъ послѣднихъ словъ ясно говоритъ, что они исправлены христіанской рукой. Признавая ихъ необходимыми въ извѣстіи, Heinischen дѣлаетъ незначительную поправку: вмѣсто ταληθῆ читаетъ τἀηθῆ — необычное, новое [1]). Хотя эта поправка и произвольная, и ни въ одномъ изъ манускриптовъ „Древностей“ нельзя найти для нея основанія, такъ какъ нигдѣ не читается вмѣсто τἀληθῆ — τἀηθῆ, однако мы охотно допускаемъ ее, такъ какъ эта поправка придаетъ извѣстію смыслъ, вполнѣ соотвѣтствующій взглядамъ Іосифа Флавія, какъ іудея и фарисея. Мудрость, по понятію фарисеевъ, проявлялась не въ глубинѣ и широтѣ мысли, а скорѣе въ тонкости и искусствѣ объясненія Св. Писанія и находчивости въ рѣшеніи казуистическихъ вопросовъ [2]). Съ этой стороны мудрецъ Іисусъ, по взгляду историка, похожъ былъ на тѣхъ

---

[1]) Heinigchen. Comment. in Euseb. Pamph. Histor. Eccles. S. 647.

[2]) Сн. Мѳ. XXII, 22. 33; Мрк. VI, 2.

языческихъ мудрецовъ, которые назывались σοφισταί. Какъ эти послѣдніе отличались скептицизмомъ и критицизмомъ, такъ и мудрецъ Іисусъ, отрицательно относившійся ко всему іудейскому закону и общепринятымъ воззрѣніямъ, являлся проповѣдникомъ необычнаго, новаго ученія [1]), какимъ дѣйствительно и казалось историку христіанское догматическое и нравственное ученіе.—Чудесныя дѣла мудреца Іисуса, его искусство и способность къ учительству, а также и содержаніе ученія, отличавшееся новостію, естественно должны были привлечь къ нему многочисленныхъ послѣдователей. Въ дальнѣйшихъ словахъ историкъ и отмѣчаетъ слѣдствіе чудесныхъ дѣлъ и мудрости Іисуса: καὶ πολλοὺς μὲν τῶν Ἰουδαίων, πολλοὺς δὲ καὶ ἀπὸ τοῦ Ἑλληνικοῦ ἐπηγάγετο. Сомнѣваться въ принадлежности этихъ словъ перу Іосифа Флавія нѣтъ никакихъ основаній: здѣсь вѣрная историческая картина, засвидѣтельствованная евангелистомъ (Іоан. XII, 21) и изображающая составъ христіанской церкви къ концу I-го вѣка.—Слѣдующія слова извѣстія: ὁ Χριστὸς οὗτος ἦν по своей внѣшней формѣ—логическій выводъ изъ всего сказаннаго выше. Зная содержаніе ранѣе сказаннаго объ Іисусѣ Христѣ, мы можемъ сказать, насколько логиченъ такой выводъ и можно ли эти слова признать собственными словами историка. Необыкновенная мудрость Іисуса, чудесныя дѣла, совершенныя имъ во время земной жизни и привлекшія къ нему множество послѣдователей, вынуждали историка признать въ немъ необыкновеннаго человѣка; однако Флавій далекъ былъ отъ мысли признать въ этомъ мудрецѣ Бога или Сына Божія, какъ вѣруютъ въ Него христіане. Онъ ожидалъ Мессію—Христа не въ качествѣ мудраго учителя человѣчества, не чудотворца, а грознаго царя-завоевателя, который возведетъ униженный іудейскій народъ на высшую степень могущества и славы; между тѣмъ въ словахъ: ὁ Χριστὸς οὗτος ἦν авторъ открыто признаетъ Мессіей мудреца Іисуса. Возникаетъ вопросъ: могутъ ли эти слова принадлежать перу Іосифа Флавія, могъ ли онъ говорить объ Іисусѣ Христѣ такъ, какъ прилично только христіанину? „Ясно, говоритъ Шюреръ, что во всякомъ случаѣ былъ христіаниномъ тотъ, кто написалъ слова ὁ Χριστὸς οὗτος ἦν; что ἦν не равняется ἐνομίζετο и это мѣсто не можетъ значить: „онъ былъ Христосъ по народному вѣрованію“, объ этомъ не можетъ быть и рѣчи“ [2]). Былъ ли Іосифъ Флавій христіаниномъ,—на этотъ вопросъ мы можемъ дать только отрицательный отвѣтъ. Относительно религіозныхъ убѣжденій іудейскаго историка мы имѣемъ положительныя свидѣтельства древнихъ христіанскихъ писателей. Какъ извѣстно, Оригенъ (ок. 185—264 г.) не только прошелъ молчаніемъ это

---

[1]) Ср. Мрк. I, 27; Лук. XXIII, 2. 5. 14; Іоан. VI, 60.

[2]) Lehrbuch der Neutest. Zeitgeschichte. S. 288. Diefenbach. Christus und Christentum. Mainz. 1877. S 43.

извѣстіе Флавія о Христѣ, но, вѣроятно, на основаніи тогдашняго текста и содержанія извѣстія прямо говоритъ, что Ἰώσηφον τὸν Ἰησοῦν οὐ καταδεξάμενον εἶναι Χριστόν, а въ другомъ мѣстѣ прямо называетъ его ἀπιστοῦντα τῷ Ἰησοῦ ὡς Χριστῷ. Точно такъ же отзывается объ Іосифѣ Флавіѣ и блаженный Θеодоритъ [1]). А въ своей автобіографіи или „Bios", написанной въ самомъ концѣ его жизни, Флавій самъ себя называетъ іудеемъ фарисейской секты. Несмотря на это, защитники подлинности всего извѣстія признаютъ слова ὁ Χριστὸς οὗτος ἦν подлинными и видятъ въ нихъ выраженіе христіанскихъ убѣжденій іудейскаго историка. Они предполагаютъ, что въ царствованіе Веспасіана Іосифъ Флавій, обращаясь съ Титомъ Флавіемъ Климентомъ и Флавіей-Домициллой, пострадавшихъ при Домиціанѣ [2]), усвоилъ себѣ христіанскій взглядъ на личность Іисуса Христа и самъ сдѣлался христіаниномъ. Другіе говорятъ, что іудейскій историкъ познакомился съ христіанствомъ чрезъ Эпафродита [3]), которому онъ посвятилъ свое сочиненіе: Περὶ ἀρχαιότητος Ἰουδαίων κατὰ Ἀπίωνος [4]) и котораго считаютъ за одно лицо съ Епафродитомъ, упоминаемымъ Ап. Павломъ (Филип. IV, 18). Думаютъ также, что учитель Іосифа, Банъ, присоединившись къ ессейской сектѣ, сдѣлался потомъ ученикомъ Іоанна Крестителя; чрезъ Бана іудейскій историкъ и познакомился со взглядами на Іисуса Христа, какъ Мессію [5]). Но всѣ эти предположенія не имѣютъ за себя никакихъ основаній и не заслуживаютъ довѣрія, оставаясь только догадками. Если самъ Флавій въ своей автобіографіи прямо называетъ себя іудеемъ и фарисеемъ, то это, какъ кажется, должно остановить всякія попытки превратить его въ христіанина. Не считая Іосифа Флавія христіаниномъ, нельзя признать подлинными и слова ὁ Χριστὸς οὗτος ἦν, ибо авторъ ихъ ясно выражаетъ свои христіанскія убѣжденія или, по замѣчанію Созомена, едва ли не объявляетъ, что Христосъ есть Богъ [6]). Отзывъ Оригена объ историкѣ, какъ невѣрующемъ, былъ бы совершенно невозможенъ, если бы въ текстѣ тогдашняго свидѣтельства читались слова: ὁ Χριστὸς οὗτος ἦν, и потому должно вполнѣ согласиться съ замѣчаніемъ Корбъ-Антикаруса: „Если

---

1) Отзывы о Флавіѣ Оригена и бл. Θеодорита см. выше.

2) Бл. Іеронимъ. Epistola CVIII. Ad Eustochiumvirginem c. 7.

3) Извѣстны два лица съ этимъ именемъ, оба жившія при Неронѣ въ Римѣ: одинъ ученый грамматикъ, прибывшій изъ Египта въ Римъ, а другой секретарь и наперсникъ Нерона. Епафродитъ же, упоминаемый ап. Павломъ, совсѣмъ другое лицо, какъ видно изъ посл. Филиппійцамъ II гл. 25 ст.

4) Апіонъ Египтянинъ, по прозванію Μόχθος, извѣстный полигисторъ и антагонистъ іудеевъ. Любкеръ. Реальный слов. класс. древн.

5) T. Ittigius. Prolegomena ad Flavii Opera, ed. 1691.

6) Histor. Eccles. I, 1.

Оригенъ ясно говоритъ, что Іосифъ не считалъ Христа Іисуса за Мессію, то это явное доказательство, что онъ по крайней мѣрѣ словъ ὁ Χριστὸς οὗτος ἦν не нашелъ въ своей рукописи“ [1]). Ѳома Иттигій думаетъ, что означенныя слова—нечто иное, какъ помѣтка на полѣ какого нибудь христіанскаго читателя, потомъ внесенная въ самый текстъ переписчиками, а потому онъ считаетъ необходимымъ совсѣмъ выбросить ихъ изъ текста [2]). Но совершить такую операцію надъ текстомъ извѣстія нельзя, такъ какъ въ словахъ ὁ Χριστὸς... заключается основаніе послѣднихъ словъ извѣстія: Εἰς ἔτι νῦν τῶν χριστιανῶν ἀπὸ τοῦδε ὠνομασμένων..; исключая первыя, должно исключить и послѣднія, но въ такомъ случаѣ извѣстіе потеряетъ всякій смыслъ и значеніе. Такимъ образомъ, необходимо признать слова ὁ Χριστὸς οὗτος ἦν исправленными христіанской рукой. Возстановить первоначальное чтеніе этого мѣста даетъ намъ возможность переводъ блаж. Іеронима. Въ спискѣ „Древностей“, съ котораго этотъ ученый мужъ запада дѣлалъ переводъ, вмѣсто ἦν стояло ἐπιστεύετο, почему онъ и перевелъ это мѣсто: „credebatur esse Christus“ [3]). А такъ какъ эти слова служатъ выводомъ изъ предыдущихъ, то вмѣсто οὗτος должно было стоять οὕτω и данное мѣсто читалось, вѣроятно, такъ: ἐπιστεύετο οὕτω εἶναι Χριστός.—Необыкновенная мудрость, чудесныя дѣла, необычное по содержанію ученіе мужа Іисуса привлекли многихъ къ вѣрѣ въ него, какъ Христа—Мессію. Эта вѣра однако казалась историку странною, непонятною, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ: „Καὶ αὐτὸν ἐνδείξει τῶν πρότων ἀνδρων παρ' ἡμῖν σταυρῷ ἐπετετίμηκότος Πιλάτου οὐκ ἐπαύσαντο οἱ γεπρῶτον αὐτὸν ἀγαπήσαντες“. Помимо историческаго свидѣтельства о крестной смерти Іисуса Христа, въ этихъ словахъ заключается несомнѣнное доказательство того, что Іосифъ Флавій не былъ христіаниномъ, почему въ принадлежности ихъ іудейскому перу не можетъ быть никакого сомнѣнія. Историкъ выражаетъ здѣсь свое удивленіе и недоумѣніе, что увѣровавшіе въ Іисуса, какъ Мессію, не отреклись отъ своихъ убѣжденій даже тогда, когда онъ осужденъ былъ на позорную казнь. Это недоумѣніе основывалось на личныхъ представленіяхъ историка о Мессіи, какъ славномъ земномъ царѣ, который долженъ поставить униженный народъ іудейскій на высшую степень могущества и славы. Распятіе мудреца Іисуса такъ мало согласовалось съ понятіемъ о Мессіи, что тѣ, которые признавали и признаютъ его Мессіей, невольно возбуждали въ историкѣ удивленіе и недоумѣніе. Іосифъ Флавій надѣялся на могущественнаго царя, могъ ли онъ въ позорно казненномъ Іисусѣ видѣть исполненіе са-

---

[1]) A. Heinigchen. Comment. in Evseb. Pamph. Hist. Eccl. S. 627, Anmrk. II.

[2]) Prolegomena ad Flavii Opera, ed. M. G. Weidmanni 1691 ann.

[3]) De viris illustribus. c. XIII.

мыхъ завѣтныхъ надеждъ своихъ и своего народа? Онъ надѣялся, что Мессія освободитъ народъ Іудейскій отъ ненавистнаго ига Римлянъ; между тѣмъ этотъ народъ постигло такое бѣдствіе, какое никогда еще не обрушивалось на его голову, а вмѣстѣ съ этимъ въ истинныхъ патріотахъ—іудеяхъ должно было усилиться чувство ожиданія Мессіи, какъ могущественнаго царя. Историкъ, несомнѣнно, принадлежалъ къ числу горячихъ патріотовъ, какъ можно судить по его сочиненію „Противъ Апіона". Авторъ разсматриваемыхъ словъ прямо признаетъ себя іудеемъ, когда обвинителей мудреца Іисуса называетъ „τοὺς πρώτους παρ' ἡμῖν ἄνδρας". Понятно, что, какъ іудей-патріотъ и фарисей, Іосифъ Флавій не могъ иначе относиться къ распятію мудреца Іисуса, какъ только съ одобреніемъ, такъ какъ онъ видѣлъ въ немъ разъединителя іудейства и понималъ, сколь много повредилъ іудейству этотъ Мудрецъ, основавшій расколъ-христіанство. Если же Флавій не одобрялъ казни Іакова, брата Господня, то потому только, что она совершилась безъ формальнаго суда и была дѣломъ саддукейской партіи, къ которой враждебно относился историкъ, какъ фарисей. Осужденіе же мудреца Іисуса съ формальной стороны было правильно и законно, на что указываетъ слово ἔνδειξις, обозначающее такую форму жалобы, которая употреблялась только при очевидности преступленія и при томъ тяжкаго [1]).—Засвидѣтельствовавъ о крестномъ распятіи Іисуса Христа, историкъ въ дальнѣйшихъ словахъ говоритъ о величайшемъ событіи евангельской исторіи, на которомъ, по слову апостола (1 Кор. XV, 14), зиждется самая вѣра христіанъ въ Распятаго,—о воскресеніи Іисуса Христа изъ мертвыхъ и явленіи воскресшаго своимъ послѣдователямъ: Ἐφάνη γάρ αὐτοῖς τρίτην ἔχων ἡμέραν πάλιν ζῶν, τῶν θείων προφητῶν ταῦτα τε καὶ ἄλλα μύρια θαυμάσια περὶ αὐτοῦ εἰρηκότων. Какъ видно изъ приведенныхъ словъ, авторъ смотритъ на воскресеніе изъ мертвыхъ Іисуса Христа не только какъ на дѣйствительный фактъ, но и какъ на величайшее событіе, о которомъ предсказывали божественные пророки,—все это мысли несогласныя съ убѣжденіями іудея и фарисея, а потому невольно возбуждаютъ сомнѣніе въ принадлежности ихъ перу Флавія. Ламбецій, защищая подлинность всего свидѣтельства объ Іисусѣ Христѣ, думаетъ, что эти слова извлечены Іосифомъ изъ ев. Марк. XVI, 9; Лук. XXIV, 25—27; Іоан. XX, 19—25; I Кор. XV, 4—8, а равно и другихъ евангельскихъ и апостольскихъ изреченій, въ которыхъ говорится о воскресеніи Христа, причемъ замѣчаетъ, что эти слова историка нельзя понимать такъ, какъ будто онъ признавалъ это событіе дѣйствительнымъ фактомъ и видѣлъ въ немъ исполненіе ветхозавѣтныхъ пророчествъ. Іосифъ Флавій

---

[1]) Реальный словарь классич. древности Любкера. Перев. проф. Модестова, изд. Вольфа, подъ сл: ἔνδειξις и ἀπαγωγή.

будто бы говоритъ объ этомъ евангельскомъ фактѣ только на основаніи вѣрованія христіанъ и своимъ читателямъ предоставилъ полную свободу понимать его слова въ ту или другую сторону, вѣрить имъ или не вѣрить. Основаніе къ такому пониманію данныхъ словъ Ламбецій усматриваетъ въ самомъ текстѣ, гдѣ не просто говорится ἐφάνη πάλιν ζῶν, но прибавлено еще αὐτοῖς, какъ будто писатель хотѣмъ сказать: „говорятъ, что онъ явился имъ опять живымъ“, т. е. достовѣрность факта поставилъ въ зависимость отъ его свидѣтелей [1]). Несмотря на всю тонкость и искусство Ламбеція въ объясненіи данныхъ словъ, нельзя признать его основательнымъ именно потому, что оно слишкомъ искусственно, натянуто. Указывать въ основѣ αὐτοῖς какую-то заднюю мысль автора, нѣтъ никакихъ основаній; если писатель употребилъ слово „явился“, то долженъ былъ сказать и кому, такъ что опредѣленіе αὐτοῖς требовалось самымъ глаголомъ ἐφάνη. Съ другой стороны, такой смыслъ данныхъ словъ противорѣчилъ бы дальнѣйшимъ, въ которыхъ въ пользу достовѣрности евангельскаго факта указывается на исполненіе пророчествъ. Уже одно это указаніе на исполненіе пророчествъ не допускаетъ мысли, чтобы писатель не вѣрилъ въ воскресеніе Христа и не признавалъ его дѣйствительнымъ фактомъ. Очевидно, писатель говоритъ здѣсь отъ своего лица, высказываетъ свой взглядъ на это евангельское событіе, а что всего важнѣе,—прямо признаетъ себя христіаниномъ, когда говоритъ объ исполненіи на распятомъ мудрецѣ Іисусѣ ветхозавѣтныхъ пророчествъ. Весьма справедливымъ представляется намъ замѣчаніе одного ученаго по поводу этихъ словъ: „Яснѣе этого не могъ сказать объ Іисусѣ Назарянинѣ и самый ревностный изъ Его послѣдователей; ибо, кто согласно съ предсказаніемъ пророковъ на третій день отъ смерти возвратился къ жизни, кто совершилъ множество чудесъ, тотъ долженъ быть признанъ истиннымъ Мессіей“ [2]). Итакъ, прямой смыслъ приведенныхъ словъ никакъ не мирится съ взглядами и іудейскими убѣжденіями Іосифа Флавія, почему слова эти нужно признать или совершенной вставкой, или, что вѣроятнѣе, настолько измѣненными рукой христіанина-интерполятора, что возстановить первоначальное чтеніе нѣтъ никакой возможности. А что историкъ, несомнѣнно, говорилъ нѣчто о воскресеніи Іисуса Христа, объ этомъ можно заключать по ходу мыслей. Сказавъ о распятіи Іисуса Христа и о томъ, что оно не послужило препятствіемъ къ обоготворенію Іисуса, историкъ необходимо долженъ былъ объяснить и причины такой странной вѣры и привязанности къ Нему послѣдователей, а

---

[1]) T. Ittigius. Prolegomena ad „Flavii Opera“, ed. 1691 anno.

[2]) Lessius. Comment. in Evseb. Pimph. Histor Ecles. Heinigchen'a. Leipzig. 1870. S. 637.

такая причина и заключалась въ томъ, что Іисусъ ἐφάνη πάλιν ζῶν.—Историкъ заключаетъ свое извѣстіе указаніемъ на существованіе многочисленнаго христіанскаго общества, основаннаго мудрецомъ Іисусомъ: Εἰσέτι νῦν τῶν χριστιανῶν ἀπὸ τοῦδε ὠνομασμένων οὐκ ἐπέλιπε τὸ φῦλον. Страннымъ казалось Іосифу Флавію, что весьма многіе изъ Іудеевъ и Эллиновъ увѣровали въ распятаго Іисуса, какъ Мессію и Бога, а еще болѣе удивляло историка то, что эти люди не отказываются отъ своихъ заблужденій даже тогда, когда ихъ преслѣдовали. Свое недоумѣніе историкъ и высказалъ въ словахъ: Εἰσέτι οὐκ ἐπέλιπε. Очевидно, Іосифъ Флавій смотритъ на христіанское общество, какъ на общество заблуждающихся, которое рано или поздно должно придти къ сознанію своего заблужденія, и, слѣдовательно, внутреннее разложеніе Христіанства неминуемо,—все это мысли вполнѣ приличныя іудею, который не признавалъ за христіанствомъ достоинства Божественной религіи съ всеміріно-историческимъ значеніемъ.

Итакъ, критическій разборъ текста извѣстія объ Іисусѣ Христѣ ясно показываетъ, что при несомнѣнномъ происхожденіи отъ Іосифа Флавія оно не могло выйти изъ подъ пера іудея и фарисея въ томъ видѣ, какъ читается теперь. Христіанскія добавленія и измѣненія такъ замѣтны, что не оставляютъ никакого сомнѣнія въ переработкѣ первоначальнаго текста, который, вѣроятно, читался такъ: „Γίνεται δὲ κατὰ τοῦτον τὸν χρόνον Ἰησοῦς, σοφὸς ἀνὴρ, εἴ γε ἄνδρα αὐτὸν λέγειν χρή· ἦν γὰρ παραδόξων ἔργων ποιητὴς, διδάσκαλος ἀνθρώπων τῶν ἡδονῇ τἀληθῆ δεχομένων, καὶ πολλοὺς μὲν Ἰουδαίους πολλοὺς δὲ καὶ τοῦ Ἑλληνικοῦ ἐπηγάγετο. Επιστεξυεται οὕτω εἶναι Χριστός. Και αὐτὸν ἐνδείξει τῶν πρώτων ανδρῶν παρ' ἡμῖν σταυρῷ ἐπιτετιμηκότος Πιλάτου οὐκ ἐπαύσαντο οἵ γε πρῶτον αὐτὸν ἀγαπήσαντες. [Ἐφάνη γὰρ αὐτοῖς τρίτην ἔχων ἡμέραν πάλιν ζῶν, τῶν θείων προφητῶν ταῦτα τε καὶ ἄλλα μύρια θαυμάσια περὶ αὐτοῦ εἰρηκότων]. Εἰσέτι νῦν τῶν χριστιανῶν ἀπὸ τοῦδε ὠνομασμένων οὐκ ἐπέλιπε τὸ φῦλον“.

Отрицая абсолютную подлинность извѣстія Іосифа Флавія объ Іисусѣ Христѣ, мы не исключаемъ историка изъ ряда „христіанскихъ писателей“ и нисколько не умаляемъ значенія извѣстія, какъ апологетическаго довода; напротивъ, придаемъ ему больше силы и убѣдительности, больше права на довѣріе со стороны противниковъ Евангельской истины. Вся суть дѣла заключается въ томъ или иномъ взглядѣ на религіозныя убѣжденія историка. Признать Іосифа Флавія христіаниномъ, а извѣстіе его подлиннымъ—это значитъ намѣренно игнорировать тѣ мѣста его сочиненій, гдѣ онъ прямо называетъ себя іудеемъ фарисейской секты, а его извѣстіе лишить всякаго значенія для христіанской апологетики. Считать же историка іудеемъ по вѣрѣ, а свидѣтельство его о Христѣ подлиннымъ—значитъ читать его съ предвзятою мыслію, намѣренно не видѣть здѣсь того, что

такъ ярко и рѣшительно противорѣчитъ религіознымъ убѣжденіямъ Флавія. При этомъ, пользуясь извѣстіемъ, какъ несомнѣнно подлиннымъ, христіанскій апологетъ не только не защищаетъ истину Евангельскую, а еще даетъ ея противникамъ новое оружіе противъ себя: со стороны ихъ будетъ вполнѣ основательнымъ упрекъ и въ неразборчивости апологетическихъ доводовъ, и въ намѣренной лжи, такъ какъ невозможно игнорировать противорѣчія между содержаніемъ извѣстія и іудейскими убѣжденіями историка, и въ незнакомствѣ съ сочиненіями Іосифа Флавія. Съ признаніемъ интерполяціи въ извѣстіи объ Іисусѣ Христѣ устраняются для христіанскаго апологета всѣ крайности: съ историка, заявившаго притязаніе на полное безпристрастіе, снимается въ данномъ случаѣ возможный упрекъ въ крайнемъ субъективизмѣ, не искажаются и не игнорируются факты, свидѣтельствующіе о его іудейскихъ убѣжденіяхъ, а самое содержаніе извѣстія не можетъ возбуждать никакихъ сомнѣній и возраженій со стороны противниковъ. Не терпитъ при этомъ извѣстіе никакого ущерба и въ самомъ содержаніи; а если бы и такъ, то этотъ ущербъ съ избыткомъ вознаграждается тою силою и убѣдительностью, какую оно получаетъ въ смыслѣ апологетическаго довода. Правда, съ признаніемъ интерполяціи въ извѣстіи о Христѣ, мы налагаемъ нѣкоторую тѣнь на интерполятора-христіанина; но кто этотъ интерполяторъ, наука еще не рѣшила и рѣшитъ ли, неизвѣстно. Несомнѣнно только одно, что извѣстіе утратило первоначальный видъ въ періодъ времени отъ Оригена († 254) до Евсевія Кесарійскаго († 340).

Н. Лилеевъ.

Архіепископъ Казанскій Владиміръ Петровъ, его жизнь и дѣятельность *).

Миссіонерская дѣятельность.

Хотя архим. Владиміръ не сразу убѣдился этими доводами и въ 1875 г. готовилъ даже помѣщеніе для разрѣшенной въ 1874 г. типографіи,—недостатокъ средствъ заставилъ его окончательно отказаться отъ своей мечты. Въ 1878 г. нѣкоторыя алтайскія изданія стали печататься въ Томскѣ. Въ этомъ году архим. Владиміръ напечаталъ подъ своей корректурой и цензурой Евангеліе Матѳея на алтайскомъ языкѣ, чѣмъ далъ возможность совершать для инородцевъ всю воскресную службу, сполна, на ихъ языкѣ.

Вопросъ о цензурѣ рѣшился въ томъ же 1874 г. въ благопріятномъ смыслѣ. Позволено было учредить на Алтаѣ свою цензуру на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) Для разсмотрѣнія рукописи на алтайскомъ языкѣ начальникъ миссіи созываетъ комиссію изъ знатоковъ алтайскаго языка, подъ своимъ предсѣдательствомъ; 2) комиссія наблюдаетъ, чтобы одобряемыя къ напечатанію рукописи были согласны съ православнымъ ученіемъ и общедоступны, а переводы имѣли возможную близость къ подлиннику; 3) одобреніе къ печати и билетъ на выпускъ подписываетъ начальникъ миссіи подъ своею отвѣтственностью; 4) издаваемыя миссіей на алтайскомъ языкѣ сочиненія и переводы могутъ быть сопровож-

*) Продолженіе. См. іюль—августъ 1911 года.

даемы постранично и русскимъ текстомъ, но миссіи не предоставляется права печатать подъ своею цензурою никакихъ изданій собственно на русскомъ языкѣ [1]). Арх. Владиміръ, въ силу этого указа, въ 1876 г. составилъ изъ себя, игум. Макарія, свящ. В. Вербицкаго и діакона М. Чевалкова цензурный комитетъ, который и сталъ разсматривать алтайскіе переводы, дѣля, впрочемъ, этотъ трудъ съ Н. И. Ильминскимъ.

Если богослуженіе на алтайскомъ языкѣ имѣло въ дѣлѣ просвѣщенія инородцевъ то преимущество, что оно понятно было всѣмъ богомольцамъ и даже некрещеннымъ, посѣщавшимъ храмъ, то переводная литература, хотя доступная главнымъ образомъ грамотнымъ, распространяла вліяніе христіанскихъ идей и за предѣлы храма и даже на тѣхъ, кто самъ не искалъ свѣта истины, но съ кѣмъ грамотные инородцы входили въ общеніе. Уже этимъ опредѣлялось значеніе школы въ религіозно-нравственномъ отношеніи. Сознавая это, архим. Владиміръ обратилъ вниманіе какъ на количественную сторону школьнаго дѣла, такъ и на качественную. Въ свое управленіе миссіей онъ умножилъ число низшихъ школъ вдвое (съ 10 до 20) [2]) и кромѣ того превратилъ улалинское училище, существовавшее со временъ архим. Макарія Глухарева, въ *центральное миссіонерское училище*. Предполагалось готовить въ этомъ училищѣ учителей для низшихъ школъ, толмачей, псаломщиковъ, и въ лицѣ ихъ кандидатовъ въ миссіонеры и священники; такимъ образомъ питомцы его, сами по большей части изъ инородцевъ, должны были имѣть болѣе сильное и болѣе широкое вліяніе на алтайцевъ. Мысль о такомъ училищѣ явилась у архим. Владиміра еще въ Петербургѣ, предъ отправленіемъ на Алтай, о чемъ онъ подалъ особую записку совѣту миссіон. общества. Въ этой именно цѣлью онъ взялъ двухъ студентовъ [3]).

---

[1]) Указъ св. синода объ алтайской цензурѣ. „Миссіонеръ“, 1874, 211. Основанія ея—тѣ же, что и для цензуры казанской, разрѣшенной въ 1868 г.

[2]) При немъ открыты новыя школы въ Таштѣ, Усть-Башкаусѣ, Тюдралѣ, Песчаной, Билюлѣ, Александровскомъ, Усть-Анзасѣ, Мыютѣ, Улалѣ и Улалинской женской общинѣ (въ послѣднихъ двухъ мѣстахъ женскія).

[3]) Домашняя бесѣда, 1869,. 137—139: С. Петровъ, поѣздка въ алтайскую миссію.

Сначала предполагалось устроить центральное училище для приготовленія изъ инородческихъ дѣтей будущихъ служителей миссіонерскаго дѣла въ благовѣщенскомъ монастырѣ на Чулышманѣ, но когда обнаружилась нецентральность этого пункта, о. Владиміръ въ мартѣ 1867 г. открылъ училище въ Улалѣ на случайныя пожертвованія нѣкоторыхъ благотворителей и собственное жалованье [1]). Собрано было сюда изъ разныхъ становъ 10 ч., помѣщенныхъ въ квартирѣ начальника миссіи. Программа преподаванія была такая: священная исторія, краткій катихизисъ, объясненіе богослуженія, чтенія изъ исторіи церкви, по преимуществу русской, простое нотное пѣніе, краткая географія съ другими первоначальными свѣдѣніями о природѣ, необходимыми для разсѣянія мѣстныхъ суевѣрій и предразсудковъ и для установленія здраваго взгляда на міръ Божій. Но едва начались занятія, какъ были прерваны и чуть не навсегда вслѣдствіе отсутствія средствъ содержанія. Тогда уже совѣтъ миссіонерскаго общества показалъ, что ему нѣтъ нужды до миссіонерскихъ учрежденій. Но на помощь пришли благотворители—Н. Д. Лавровъ и особенно елабужскій (потомъ томскій) купецъ С. П. Петровъ, который помогъ деньгами и печатной защитой какъ самого училища, такъ и дѣятелей его [2]), и привлеченіемъ къ помощи московскихъ благотворителей. Въ 1868 г. на училище обратилъ свое вниманіе св. синодъ, ассигновавшій на жалованье учителямъ Макушину и Солодчину по 300 р. ежегодно. Внѣшнему положенію сталъ соотвѣтствовать и успѣхъ учениковъ въ наукахъ. Посѣтившій въ 1868 г. улалинское училище, томскій губернаторъ Родзянко, осмотрѣвъ его, нашелъ, что обученіе идетъ „раціонально и практично“ [3]). Хотя первые учителя школы скоро оставили ее, Макушинъ за избраніемъ въ смотрители томскаго дух. училища (1869), а Солодчинъ за переходомъ въ забайкальскіе миссіонеры (1873), она не только не пала, но еще болѣе развилась, особенно когда во главѣ ея сталъ игум. Макарій (1874) [4]). Уже тогда

[1]) „Объяснительная записка“ (1868), 18.

[2]) См. цитованную выше статью его въ „Домашней бесѣдѣ“, 1869, вып. 5. Здѣсь Петровъ предлагалъ между прочимъ превратить улалинское училище въ уѣздное.

[3]) Объяснительная записка, 18, прим.

[4]) Въ 1874 г. центральное училище было временно переведено въ с. Чопошъ, гдѣ миссіонерствовалъ и учительствовалъ о. Макарій, а въ 1876 г. съ нимъ же перешло опять въ Улалу.

архим. Владиміръ имѣлъ намѣреніе превратить ее въ учительскую семинарію, въ чемъ ему обѣщалъ содѣйствіе посѣтившій Улалу генералъ-губернаторъ западной Сибири Казнаковъ. „Если сіе устроится и хорошо устроится, то будетъ дѣло хорошее“,—писалъ архим. Владиміръ о. Вакху (3 авг.). Но вмѣсто того пришлось воспользоваться для приготовленія учителей въ миссіонерскія школы казанской учительской инородческой семинаріей Н. И. Ильминскаго. Мысль о посылкѣ туда алтайскихъ воспитанниковъ высказалъ еще въ 1875 г. игум. Макарій, и въ 1878 г. архим. Владиміръ послалъ въ Казань двухъ лучшихъ учениковъ улалинской школы—Мих. Ташкынова и Ст. Тодогошева, а въ 1882 г. еще двоихъ—И. Штыгашева [1]) и Козму Укунакова, а въ 1883 г. Моисея Орочинова. Ильминскій отнесся къ этимъ далекимъ гостямъ со всею любовью и всѣмъ вниманіемъ, какія онъ проявлялъ къ алтайской миссіи, и, образуя ихъ умъ и сердце, старался приготовить изъ нихъ будущихъ миссіонеровъ съ тѣми пріемами педагогическими и переводческими, какіе отличали его просвѣтительную систему. И, дѣйствительно, если не всѣ они, то нѣкоторые оказались очень полезными дѣятелями на миссіонерской нивѣ. Еще въ семинаріи они были помощниками Николая Ивановича при исправленіи и корректированіи алтайскихъ изданій, да и самостоятельно работали надъ переводами. Этой дѣятельности не оставили они и на Алтаѣ, куда ихъ ждали „какъ изъ печи пирога“ [2]). Посылка въ Казань улалинцевъ прекратилась съ открытіемъ въ 1883 г. въ Бійскѣ катихизаторскаго училища, которое и замѣнило собою казанскую учительскую семинарію.

Но школьное вліяніе Н. И. Ильминскаго и послѣ того не прекратилось, а Алтайская миссія доселѣ является самой вѣрной и послѣдовательной проводницей его идей. Педагогическія же воззрѣнія его исходили изъ той же мысли, что́ и вся просвѣтительная его система, именно изъ мысли о род-

---

[1]) Интересенъ разсказъ Штыгашева о томъ, что еп. Владиміръ со слезами убѣждалъ его ѣхать въ Казань для пользы миссіи, которая можетъ оскудѣть силами, и готовъ былъ уплатить свои 100 р. роднымъ его невѣсты, за ея безчестіе, что будетъ брошена имъ... „Поступленіе въ училище и продолженіе ученія шорца Ив. Штыгашева“, 1885, 83—84).

[2]) П. В. Знаменскій, о. с., 39 и слѣд.; „Н. И. Ильминскій и алтайская миссія“, 39—41. 65—70.

номъ языкѣ инородца, какъ почвѣ, на которой только и можно сойтись съ нимъ и найти доступъ къ его уму и душѣ. Постановка школьнаго дѣла Ильминскаго была очень хорошо знакома какъ архим. Владиміру, такъ и его помощнику, о Макарію, изучавшему ее въ свою бытность въ Казани въ 1868—1869 гг. и сдѣлавшему опыты практическаго примѣненія ея на Алтаѣ. Каждая школа, гдѣ вводилось преподаваніе на алтайскомъ языкѣ, становилась родной народу и дѣлалась фокусомъ, изъ котораго распространялись лучи просвѣщенія по ея округѣ, подобно тому, какъ расходились они по казанской губерніи изъ крещено-татарской школы. Учащіеся ходили съ книжками на алтайскомъ языкѣ по аиламъ и юртамъ, читали тамъ назидательные разсказы, пѣли религіозно-нравственные стихи и, утѣшая новокрещенныхъ, бросали сѣмена сомнѣнія въ души язычниковъ; иногда они и прямо проповѣдывали христіанство, вступая даже въ пренія съ защитниками старыхъ воззрѣній. На этомъ поприщѣ особенно отличались ученики центральной улалинской школы, которые упражнялись въ практическихъ вѣропроповѣдническихъ занятіяхъ какъ въ самой школѣ, такъ и внѣ ея.

Народившійся такимъ образомъ на Алтаѣ институтъ катихизаторовъ изъ инородцевъ сблизилъ и еще въ одномъ отношеніи алтайскую просвѣтительную систему съ казанской. Извѣстно, что Ильминскій стоялъ за допущеніе въ клиръ инородцевъ, — мысль, казавшаяся инымъ странной не только въ его время, но даже и теперь. Тоже совѣтовалъ онъ дѣлать и на Алтаѣ. Узнавъ о посвященіи въ діаконы алтайца М. В. Чевалкова, онъ писалъ о. Макарію: ... „поставляйте и другихъ благонадежныхъ, преданныхъ и знающихъ инородцевъ. Многаго знанія не нужно, а нужна сила убѣжденія и правильность основныхъ понятій христіанскихъ. Я рисую въ своемъ воображеніи картину, которая можетъ осуществиться лѣтъ въ пять—шесть, что дебри и захолустья Алтая, недоступныя для русскаго человѣка, огласятся истиной и озарятся свѣтомъ: страна Завулоня и Неѳалимля увидитъ свѣтъ велій, благодаря инородческимъ питомцамъ. Вы, русскіе проповѣдники, только будете наблюдать, заправлять, пожинать класы присноживотія и радоваться христіанскою радостію. Все, что есть даровитаго, сочувственнаго и задушевнаго, по натурѣ чистаго и неиспорченнаго,—все это откликнется на зовъ такой проповѣди и въ свою очередь уси-

литъ ее для дальнѣйшаго развитія и распространенія. Но сначала ваши питомцы пусть ѣдутъ въ родные или знакомые аулы и селенія крещенныхъ инородцевъ; тамъ они могутъ встрѣтить и язычниковъ, читать и пѣть молитвы, бесѣдовать, нисколько не ускоряя, не торопясь приглашеніемь къ крещенію, — этимъ они только спугнутъ и встревожатъ преждевременно, а просто какъ бы бесѣдуя отъ нечего дѣлать" [1]). Нужда въ умноженіи состава миссіи на Алтаѣ мѣстными инородцами, обусловленная и недостаточнымъ числомъ русскихъ миссіонеровъ и меньшей близостью къ народу,—сознавалась еще при архим. Макаріѣ Глухаревѣ. Его преемникъ, прот. Ландышевъ 5 дек. 1863 г. возбудилъ предъ св. синодомъ вопросъ о принятіи способнѣйшихъ инородцевъ въ духовное званіе, безъ согласія на то ихъ некрещенныхъ обществъ, на что и послѣдовало 9 мая 1866 г. Высочайшее утвержденіе. Но только въ 1870 г. былъ посвященъ въ діаконы „первенецъ алтайскаго клира", М. Чевалковъ. Насколько самъ архим. Владиміръ считалъ важнымъ для миссіи этотъ фактъ, видно какъ изъ приведенной выше выдержки изъ отчета по поводу этого событія, такъ и изъ дальнѣйшихъ принятій въ клиръ инородцевъ. Ко времени оставленія еп. Владиміромъ миссіи (1883 г.) И. И. Ястребовъ насчитываетъ 17 алтайцевъ въ составѣ ея (одного священника, одного іеромонаха и 15 псаломщиковъ и учителей) [2]).

Сила алтайской школы заключалась не только въ преподаваніи на родномъ языкѣ, но и въ живой связи ея съ церковію. „Миссіонерская школа, читаемъ въ отчетѣ миссіи за 1885 г., есть по преимуществу церковная школа, преддверіе церкви, огласительное училище вѣры и благочестія, гдѣ дисциплина и ученіе дышатъ духомъ церковнымъ. Здѣсь учатся и молятся, читаютъ и назидаются, труждаются и пѣніемъ возбуждаются и укрѣпляются. Учатся не для экзамена, а для жизни; нѣкоторые добрые обычаи, которые питомцы школы должны вынести съ собой въ семью, практически изучаются и усвояются въ школѣ. Такъ, каждый учебный день начинается чтеніемъ утреннихъ молитвъ, совершаемыхъ поочередно старшими учениками въ присутствіи учителя сперва

---

[1]) П. В. Знаменскій, 27—28.
[2]) И. И. Ястребовъ, 194—195.

по примѣру, имъ лично показанному, въ порядкѣ церковномъ (Царю небесный, трисвятое, молитва Господня и утренняя молитва), пѣніемъ избранныхъ тропарей и чтеніемъ Евангелія. Молитву домашнюю, требующую благоговѣйнаго исполненія, дѣти изучаютъ не какъ таблицу умноженія или басню, но въ молитвенномъ положеніи, вмѣстѣ съ учителемъ, полагая на себѣ правильно крестное знаменіе съ подобающимъ поклономъ, произнося слова молитвы, по возможности, съ соотвѣтствующимъ чувствомъ; — здѣсь питомецъ не молитву затверживаетъ, а учится молиться самымъ дѣломъ, возносся умъ и сердце къ Богу и выражая внутреннее молитвенное чувство внѣшними молитвенными знаками. Таковой молитвенный урокъ продолжается 10 — 15 минутъ; затѣмъ дѣти изучаютъ молитвы сидя, со словъ учителя. Воспитанники школъ не только бываютъ всегдашними посѣтителями праздничнаго богослуженія, но и участниками таковаго чтеніемъ и пѣніемъ. Въ предѣлахъ миссіи нѣтъ стана, гдѣ бы пѣлъ одинъ псаломщихъ. Въ 8 церквахъ употребляется хоровое пѣніе и въ 5-ти унисонное, учениками мѣстныхъ школъ. Всѣ учащіеся, вмѣстѣ съ учащими, говѣютъ не въ Великій только постъ, но и въ Рождественскій. Они поютъ въ школѣ, поютъ въ церкви, поютъ дома, возвѣщаютъ хвалу и въ чужихъ домахъ, то воспѣвая съ ангелами Рождшагося, то проповѣдуя Воскресшаго. Изъ учительскихъ записей видно, съ какимъ усердіемъ и пользою посѣщаютъ воспитанники домы жителей и съ какою охотою послѣдніе слушаютъ назидательное ихъ чтеніе" (60 — 61). Что показаніемъ отчета можно вѣрить, за это свидѣтельства путешественниковъ, посѣщавшихъ Алтай и наблюдавшихъ въ миссіонерскихъ селеніяхъ жизнь „смахивающую на монастырскую"... [1]).

---

[1]) Вотъ, напр., что пишетъ А. В. Потанина. Въ Улалѣ „вамъ не встрѣчаются такъ часто пьяные, не слышно никогда площадной ругани, даже не слышно пѣсенъ. Всѣ какъ-то особенно степенны; здѣсь можно услышать, какъ кучка собравшейся молодежи, въ праздникъ вечеромъ, вмѣсто свѣтскихъ пѣсенъ распѣваетъ ирмосы". („Ирк. Еп. Вѣд." 1880, 303. Помѣщенныя здѣсь „Замѣтки объ алтайской миссіи" подписаны иниціалами *А. П.* Принадлежность ихъ Потаниной удостовѣряется письмомъ архіеп. Веніамина къ пр. Владимиру № 37). См. также интересный разсказъ одного крещенаго киргиза Андрея о тѣхъ впечатлѣніяхъ, какія испыталъ онъ въ Улалѣ, куда былъ вызванъ для нравственнаго увѣщанія въ виду нерадѣнія своего къ храму Божію и къ исполненію другихъ религіозныхъ обязанностей: ...„И что это за народъ въ Улалѣ: каждый

Въ Алтайскихъ школахъ ноты приняты исключительно цифирныя по методѣ Шеве, которую вывезъ изъ Москвы, изъ Комиссаровскаго ремесленнаго училища, іером. Макарій. Что касается методовъ и учебниковъ другихъ предметовъ, то миссія, слѣдя вообще за тѣмъ, что появлялось лучшаго, внесла и свой вкладъ въ эту область. Такъ, кромѣ грамматики алтайскаго языка, ею въ 1868 г. напечатанъ былъ (въ Спб.) алтайско-русскій букварь съ книгой для чтенія. Составлена она по „плану и при содѣйствіи" архим. Владимира миссіонеромъ іером. Макаріемъ и толмачемъ М. В. Чевалковымъ. *Азбука* составлена „по упрощенной методѣ, притомъ такъ, что по ней обученіе начинается чтеніемъ на алтайскомъ языкѣ, затѣмъ дѣлается переходъ къ русскому и потомъ текстъ идетъ совмѣстно на двухъ языкахъ. Къ азбукѣ приложены главнѣйшія молитвы, книжка для чтенія изъ мѣстъ св. Писанія, такъ подобранныхъ, что составляется краткое, цѣльное изложеніе ученія догматическаго и нравственнаго (послѣдняго примѣнительно къ мѣстнымъ нравственнымъ недостаткамъ" [1]). Въ 1882 г. Алтайскій букварь вышелъ вторымъ изданіемъ, причемъ надъ нимъ потрудился Н. И. Ильминскій [2]). Въ 1885 г. изданъ въ Казани же Шорскій букварь, составленный Ив. Штыгашевымъ.

Такъ какъ по убѣжденію архим. Владимира школа должна была служить не только цѣлямъ религіозно-нравственнаго просвѣщенія инородцевъ, но и поднятію ихъ матеріальной культуры, то въ Улалѣ онъ ввелъ обученіе нѣкоторымъ ремесламъ. Воспитанники центральнаго училища обучались иконописанію, переплетному мастерству и сельскому хозяйству. Иконописанію обучалъ ихъ братъ о. Владимира, іером. Антоній [3]). Введенію его способствовала какъ нужда въ ико-

---

какъ только узнаетъ, зачѣмъ я пріѣхалъ, такъ сейчасъ и начнетъ наставлять: что худо дѣлаешь, не постуешь (не говѣешь); если умрешь безъ постованія, то горе будетъ на томъ свѣтѣ. Видно тамъ всѣ наставники", покачивая головой, заключилъ Андрей. Узнавши о томъ, одинъ изъ тюдралинцевъ (его односельчанъ) сказалъ: „теперь всѣ будутъ постовать въ Тюдралѣ: лучше же слушать наставленіе одного миссіонера, чѣмъ каждаго улалинца" (Отчетъ за 1878, 31).

[1]) Сборникъ документовъ и статей по вопросу объ образованіи инородцевъ (Спб. 1869), 463—465. Отчетъ объ алтайской миссіи за 1870 г., 11.

[2]) О немъ см. „Н. И. Ильминскій и алтайская миссія", 65. 66.

[3]) Впрочемъ, начало этому было положено еще до его появленія на Алтаѣ, именно въ 1870 г., когда учащіеся стали заниматься „иллюми-

нахъ для новыхъ храмовъ, такъ и желаніе развить въ ученикахъ эстетическое чувство и художественный вкусъ. Сельское хозяйство преподавалось практически и имѣло въ виду, чтобы воспитанники не отвыкали отъ быта той среды, изъ которой вышли и въ которой должны были жить. Въ женской улалинской школѣ изучалось рукодѣлье: пряденье, шитье, вязанье, тканье.

Съ начала 1867 г. архим. Владиміръ завелъ постоянныя внѣбогослужебныя собесѣдованія, которыя были какъ бы воскресной школой. Утромъ или сами миссіонеры, или подъ ихъ руководствомъ псаломщики, учителя катихизаторы разсказывали *дѣтямъ* священную исторію и вели катихизическія бесѣды. Часа же черезъ два послѣ обѣдни *взрослые* слушали объясненіе литургіи, употребительныхъ молитвъ, нѣкоторыхъ церковныхъ пѣснопѣній, исторію праздниковъ, пѣніе по славянски и по алтайски священныхъ пѣсенъ, преимущественно архим. Макарія Глухарева („Лепта“) и М. В. Чевалкова („Лепта вторая“). Происходили эти собесѣдованія въ училищѣ. Кромѣ Улала они практиковались въ Черномъ Ануѣ, Усть-Башкоусѣ и с. Катандѣ.

Въ виду возбужденнаго этими собесѣдованіями и школами интереса къ книгѣ, въ 1880 г. заведенъ былъ игум. Макаріемъ въ Улалѣ книжный складъ, который посылалъ книгоношей въ сосѣднія селенія и еще болѣе поддерживалъ религіозно-нравственное возбужденіе новокрещенныхъ. Другой книжный складъ былъ устроенъ пр. Владиміромъ въ Бійскѣ.

Въ этихъ же цѣляхъ архим. Владиміръ учредилъ на Алтаѣ особыя церковныя торжества для чествованія памяти извѣстныхъ инородцамъ святыхъ, ревновавшихъ о Христовой вѣрѣ. Такъ, по соглашенію съ миссіонерами рѣшено было считать небесными покровителями алтайской миссіи свят. Иннокентія, проповѣдника вѣры „во языцѣхъ монгольскихъ“, свят. Николая Мирликійскаго, котораго наравнѣ съ русскими почитаютъ инородцы, даже язычники, какъ скораго помощ-

---

новкою картинокъ“ (Сборникъ свѣдѣній о прав. миссіяхъ, II, 332. Архим. Владиміръ, отмѣтивъ здѣсь, что между инородческими дѣтьми есть большіе охотники до живописи, сообщилъ, что въ с. Чопошѣ одинъ самоучка скопировалъ самодѣльными красками всѣ картинки изъ свящ. исторіи Шнорра и даже покушался на рисованіе картинокъ собственной композиціи).

ника въ бѣдахъ [1]), и св. великомуч. Пантелеимона-цѣлителя. Не знаемъ, какъ возникла мысль о преимущественномъ почитаніи послѣдняго. Но только въ концѣ 1877 г. архим. Владиміръ обратился въ русскій монастырь Пантелеимона на Аѳонѣ съ просьбой прислать точную копію съ подлинной иконы святого, съ частью его мощей, въ качествѣ благодатной помощи въ проповѣдническихъ трудахъ алтайскихъ миссіонеровъ и для ободренія и укрѣпленія всѣхъ притекающихъ къ угоднику Божію, источающему душевныя и тѣлесныя исцѣленія. Икона была выслана съ Аѳона въ началѣ 1878 г., но въ Улалу прибыла только 1 окт. 1879 г. Путь отъ Томска до Улалы совершенъ былъ въ два мѣсяца. Святыню, несомую руками усердствующихъ, сопровождали толпы православныхъ съ неумолкаемымъ пѣніемъ по дорогѣ и молебствіями по домамъ, на улицахъ и площадяхъ. Въ предгоріяхъ Алтая она была встрѣчена нѣсколькими тысячами старо- и новокрещенныхъ. Поставленная въ главномъ улалинскомъ храмѣ, она стала привлекать многихъ людей, искавшихъ у св. Пантелеимона помощи въ немощахъ тѣлесныхъ и душевныхъ. Интересно, что послѣ прибытія въ Улалу иконы къ архим. Владиміру явилась депутація отъ инородцевъ съ выраженіемъ благодарности за нее. А благодарить было за что. Многіе испытали на себѣ и на близкихъ своихъ благодатную помощь великомученика и, между прочимъ, игум. Макарій. „Было основательное опасеніе—писалъ какъ-то еп. Владиміръ о. Вакху Гурьеву—потерять о. игум. Макарія, заболѣвшаго у меня въ Бійскѣ возвратнымъ тифомъ. Но нашъ *настоятель миссіи*, великом. Пантелеимонъ двукратно чудеснымъ образомъ сохранилъ его намъ и миссіонерскому дѣлу“... Св. Пантелеимона еп. Владиміръ считалъ *новымъ начальникомъ* миссіи со дня прибытія въ Томскъ его иконы [2]).

Отмѣтимъ еще, что архим. Владиміръ способствовалъ развитію среди алтайцевъ паломничества къ чтимымъ святынямъ и внѣ Алтая: въ 1878 г. онъ благословилъ путешествіе въ Семипалатинскъ къ тамошней чтимой иконѣ Божіей Ма-

---

[1]) Памяти свят. Николая посвященъ женскій улалинскій монастырь. Сюда къ 8 мая стекаются тысячи инородцевъ, крещеныхъ и некрещеныхъ.

[2]) Прот. М. Путинцевъ, Алтай (М. 1891), 10—12. Отчеты за 1878, 69—70, и 1879, 13—14, И. Ястребовъ, 201—206. Въ 1880 г. въ с. Катандѣ была освящена церковь во имя св. Пантелеимона.

тери [1]). Изъ другихъ благочестивыхъ обычаевъ онъ ввелъ на Алтаѣ поставленіе восковыхъ свѣчъ предъ образами и подаваніе просфоръ на проскомидіи.

Въ интересахъ укрѣпленія новокрещенныхъ въ христіанскихъ истинахъ и чувствахъ архим. Владимиръ заботился о возможномъ изолированіи ихъ отъ язычниковъ путемъ поселенія ихъ въ особыхъ отъ послѣднихъ селеніяхъ и освобожденія отъ подчиненности языческимъ властямъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда крестилась не цѣлая семья, а нѣкоторые изъ членовъ ея,—у о. Владимира была мысль объ отдѣленіи крещеныхъ отъ некрещеныхъ, мысль, не нашедшая, впрочемъ, сочувствія у ген.-губернатора Дюгамеля. Чистота вѣры преслѣдовалась арх. Владимиромъ и въ его заботахъ объ обособленіи новокрещенныхъ отъ раскольниковъ, наряду съ стремленіемъ оградить ихъ матеріальныя права отъ посягательствъ послѣднихъ. Замѣчено было, что раскольники не трудились обращать язычниковъ въ христіанство, но крещеныхъ миссіею стремились совращать въ свою секту, притомъ же всячески тормозили дѣятельность миссіонеровъ, распуская про нихъ дурные слухи среди алтайцевъ [2]). Съ такими ихъ нехристіанскими дѣйствіями боролся основатель миссіи,—пришлось бороться и архим. Владимиру, оргинизовавшему въ концѣ концовъ братство для объединенія дѣятелей противораскольнической миссіи (братство св. Димитрія Ростовскаго).

Раскольники, какъ и вообще русскіе поселенцы на Алтаѣ, вредили дѣлу миссіи еще въ одномъ отношеніи, въ нравственномъ, такъ какъ они представляли собою въ большинствѣ случаевъ людей не лучшихъ. „На Алтаѣ, писалъ еп. Владимиръ въ 1885 г., при неразборчивомъ допущеніи сюда русскихъ переселенцевъ, большею частію изъ раскольниковъ, всегда враждебно и презрительно относящихся къ язы-

---

[1]) Отчетъ за 1878, 36.

[2]) Отчетъ въ алтайской миссіи за 1875 г., 9. Въ миссіонерскихъ запискахъ за 1873 г. іером. Платона отмѣчены такія проявленія вреднаго вліянія раскольниковъ на новокрещенныхъ: упорство и избѣганіе послѣдними миссіонеровъ и службъ церковныхъ; въ Нижнемъ Уймонѣ раскольники хозяева не отпускали служившихъ у нихъ инородцевъ для свиданія съ пріѣхавшими миссіонерами для говѣнія и молитвы. Іером. Платонъ ставилъ даже дилемму: крестить инородцевъ въ такихъ пунктахъ—умножать число раскольниковъ, не крестить—жалко, потому что они охотно идутъ къ крещенію...

ческимъ обитателямъ края, колонизація сектантовъ, въ фанатизмѣ своемъ беззастѣнчиво, вслухъ язычниковъ и новокрещеныхъ произносящихъ хулы на православную церковь и тѣмъ смущающихъ умы простодушныхъ, можетъ только отталкивать инородцевъ, направляя ихъ симпатіи къ сосѣднему монгольскому буддизму, или къ киргизскому магометанству. Какое отталкивающее дѣйствіе производятъ на некрещеныхъ кочевниковъ Алтая неразборчиво допускаемые въ Алтай русскіе переселенцы, большею частію раскольники, можно видѣть отчасти изъ слѣдующаго факта, записаннаго въ отчетѣ объ алтайской миссіи за 1882 г. Димича Сазай, съ аила котораго началъ урсульскій миссіонеръ свою проповѣдь, на вопросъ его: почему онъ доселѣ не принимаетъ крещенія, не смотря на многократное слышаніе отъ него истинъ вѣры? отвѣчаетъ: „вы говорите: угодные Богу люди-христіане, ради своей истинной вѣры, а неугодные—мы, татары, по нашей ложной вѣрѣ. Я же думаю такъ: или всѣ мы, и язычники и христіане, одинаково хороши предъ Богомъ, или всѣ равно худы.—„Почему такъ"?—Потому, что вы, христіане, жизнію своею не превосходите насъ, язычниковъ. Если наша жизнь худа, то и ваша не лучше. Вотъ два года уже, какъ мы живемъ бокъ-о-бокъ съ русскими крестьянами. И что же? Добра мы ни отъ одного изъ нихъ не видали; а зла приняли столько, сколько и самъ дьяволъ, служеніемъ которому вы попрекаете насъ, не дѣлаетъ намъ. Такъ дьяволу отдаемъ мы свой скотъ добровольно, по собственному выбору, когда намъ вздумается и сколько вздумается; да наконецъ мясомъ жертвеннаго животнаго сами же и пользуемся. А ваши крестьяне самовольно, заразъ, обобрали весь нашъ лучшій скотъ. Кромѣ того, сколько видимъ самаго наглаго обмана при покупкѣ у нихъ разныхъ вещей?.. Да и побоевъ напрасныхъ немало приняли отъ нихъ. Думается, что и другіе христіане таковы же. Оттого и нѣтъ желанія быть христіаниномъ". Особенно вредно вліяло на нравственность инородцевъ спаиваніе ихъ русскими. Замѣченъ вообще фактъ: „куда приходятъ и сходятся на жительство къ новокрещеннымъ русскіе, особенно въ мѣстахъ „обогрѣтыхъ" миссіею и подъ ближайшимъ попеченіемъ миссіи находящихся, тамъ приходится не инородцамъ у русскихъ учиться истинамъ вѣры и благочестивымъ обычаямъ православія, но русскимъ у инородцевъ; а миссіонеры вы-

нуждаются охранять инородцевъ новокрещенныхъ усиленными мѣрами пастырскими отъ недобрыхъ обычаевъ, приносимыхъ въ среду юнохристіанской паствы старо-русскими людьми, и сихъ послѣднихъ съ трудомъ отвращать отъ сихъ обычаевъ" [1])... Неудивительно, что еп. Владиміръ рекомендовалъ самую строгую разборчивость при допущеніи на Алтай русскихъ колонистовъ и настаивалъ на снабженіи ихъ особыми причтами, чтобы облегчить труды миссіонеровъ...

Ограждая новокрещенныхъ отъ вреднаго вліянія сосѣдей, арх. Владиміръ старался развить въ нихъ христіанскія добродѣтели, благотворительность, милосердіе, трезвость. Въ послужномъ спискѣ его значится: „Для практическаго обученія мѣстныхъ жителей дѣламъ христіанскаго благотворенія и вообще заботамъ о взаимныхъ нравственно-религіозныхъ и церковно-приходскихъ интересахъ, въ главномъ станѣ миссіи, въ с. Улалѣ, открыто для образца прочимъ, приходское попечительство" (1877). Ближайшей цѣлью этого попечительства было оказаніе матеріальной помощи нуждающимся прихожанамъ, въ видѣ пособія на покупку лошади, коровы, на постройку дома, на уборку хлѣба. Въ дни великихъ праздниковъ нуждающимся выдавалось мясо, солдатской женѣ—ежемѣсячно на пропитаніе 1½ р. Наряду съ матеріальными нуждами попечительство заботилось и о религіозно-нравственныхъ. Прекратился почти масленичный разгулъ и сходки молодыхъ людей для игрищъ, пѣсенъ и плясокъ; прекращена торговля въ воскресные и нѣкоторые праздничные дни. Въ концѣ 1877 г. подъ нравственнымъ воздѣйствіемъ о. Владиміра улалинцы постановили общественнымъ приговоромъ не устраиватьни въ Богоявленіе, ни въ другіе дни такъ называемаго въ Сибири „съѣзжаго праздника" и оповѣстить жителей сосѣднихъ селъ, чтобы не пріѣзжали къ нимъ бражничать, а если угодно—для церковной молитвы [2]). Въ 1882 г. улалинскіе прихожане взяли на себя обезпеченіе содержаніемъ причта и воспособленіе двумъ начальнымъ

---

[1]) Инородческій вопросъ на Алтаѣ, 15, 16, 23, 26. Ср. Отчетъ за 1878 г., 29, 38, 39, 45—47.

[2]) Миссіонеръ, 1878, 333. Такіе же приговоры сдѣлали въ слѣдующемъ году жители селеній Ташты и Кабыжака (Отчетъ за 1878 г., 14). А въ 1882 г. обратившіеся изъ раскола жители деревень Черги и Шебалиной составили приговоръ о закрытіи у нихъ питейныхъ заведеній, спаивавшихъ до того инородцевъ.

школамъ. Тогда же рѣшили давать отъ себя жалованье учителямъ жители селеній Билюли и Ташты, а жители Ташты и Сюульты выразили готовность устроить у себя на собственныя средства молитвенные дома [1]).

Сердца алтайцевъ бились состраданіемъ по отношенію не къ сородичамъ только. „Въ 1875 г. Господь даровалъ юнымъ въ православіи насельникамъ горъ Алтайскихъ съ любовію протянуть руку помощи страждущимъ единовѣрцамъ горъ Босніи и Герцоговины“: по приглашенію начальника миссіи улалинскіе христіане, выслушавъ отъ него разсказъ о совершавшихся на востокѣ событіяхъ, собрали нѣсколько десятковъ рублей. По примѣру ихъ новокрещенные и другихъ селеній сдѣлали посильныя пожертвованія въ пользу южно-славянскихъ жертвъ турецкаго варварства. Жертвы туда шли и въ слѣдующіе годы, когда вмѣстѣ съ тѣмъ явились новые объекты благотворительности—русскіе раненые [2]) и добровольный флотъ [3]).

Говоря о заслугахъ архим. Владимира и алтайской миссіи при немъ предъ христіанской вѣрою и церковью, нельзя умолчать о томъ, что сдѣлано ими на Алтаѣ для развитія культуры и русской гражданственности. Вотъ собственное признаніе о томъ пр. Владимира почти наканунѣ оставленія имъ томскаго края, рисующее и его отношеніе къ вопросу о руссификаціи инородцевъ. „Со времени поступленія алтайскихъ инородцевъ подъ власть Россіи [4]) до открытія дѣйствій алтайской миссіи, Алтай въ культурномъ отношеніи стоялъ неподвижно на той степени одичанія, на которой былъ и до русскаго подданства. Только съ 1830 года, когда свѣтъ Евангелія при служеніи миссіи озарилъ ущелья и дебри Алтая, стала постепенно исчезать мгла язычества и измѣняться къ лучшему бытъ алтайцевъ. На мѣстѣ лѣтнихъ и зимнихъ кочевокъ съ множествомъ вывѣшенныхъ кожъ идоложертвенныхъ животныхъ появились селенія новокрещенныхъ алтайцевъ, по образцу русскихъ селъ и деревень, съ христіанскими храмами и молитвенными домами. Холодную и дымную юрту замѣнила теплая русская изба, нерѣдко съ русской баней. Русская одежда, русская пища,

---

[1]) Отчеты за 1877, 14 стр., и 1882 г., 46, 51.

[2]) Отчеты за 1875 г. (стр. 23, 24) и 1876 (6).

[3]) Отчетъ за 1878, 31.

[4]) Это случилось въ концѣ XVIII ст.

русскій семейный и общественный бытъ, все это, принятое новокрещеннымъ взамѣнъ своего дико-національнаго, свидѣтельствуетъ о желаніи алтайцевъ слиться въ одно съ православною русскою семьей. А это множество христіанскихъ школъ во всѣхъ пунктахъ Алтая, даже въ такихъ глухихъ и недоступныхъ, какъ ущелье Чолышмана и Кузнецкая тайга,—съ русскимъ языкомъ, съ большимъ процентомъ учащихся не только дѣтей обоего пола, но и взрослыхъ лицъ, способность и усиленное желаніе питомцевъ этихъ школъ не только по-русски читать, но и мыслить и чувствовать по-русски и жить по христіански,—эти лучшіе воспитанники сихъ школъ, отлично усвоившіе все русское, но безъ презрѣнія къ родному, многіе изъ нихъ оженившіеся на русскихъ, воспитывающіе дѣтей въ духѣ вполнѣ русскомъ, съ похвалою, достойною лучшихъ питомцевъ русскихъ школъ и училищъ, проходившіе и проходящіе служеніе въ званіи учителей, переводчиковъ, псаломщиковъ, діаконовъ и священниковъ,—все это не говоритъ ли убѣдительно, что Алтаю, выведенному изъ тьмы язычества, спасенному отъ поглощенія магометанствомъ и ламаизмомъ, какъ случилось съ киргизами и иркутскими бурятами, предлежитъ свѣтлая будущность въ ассимилированіи русской семьѣ, если мы, русскіе, сами не оттолкнемъ отъ себя этихъ новопросвѣщенныхъ братій нашихъ, нашимъ безучастнымъ, нерѣдко презрительнымъ отношеніемъ къ нимъ, глумленіемъ надъ нѣкоторыми внѣшними ихъ недостатками, надъ ихъ одеждой, туалетомъ, безпощаднымъ осужденіемъ этихъ младенцевъ вѣры за нарушеніе уставовъ о постѣ, пищѣ и пр., если, вмѣсто защиты и покровительства ихъ, въ предѣлахъ справедливости, отдадимъ ихъ на поруганіе и угнетеніе ихъ языческимъ властямъ, противъ нихъ и противъ всего русскаго предубѣжденнымъ и озлобленнымъ"... „Въ видахъ обрусѣнія инородцевъ и политическаго обезопашенія окраинъ Алтая, по мысли одного изъ сибирскихъ администраторовъ, признано необходимымъ заселеніе Алтая русскими. Необдуманно произведенные опыты осуществленія такой мысли на Алтаѣ показали непрактичность этого мѣропріятія, какъ могущаго привести къ результатамъ совершенно противоположнымъ. Населяющіе Алтай инородцы, по своей немногочисленности и мирному характеру, не представляютъ никакой политической опасности,—это съ одной

стороны,—съ другой—стоя на низкой степени культурной жизни,—алтайскіе инородцы, говоря вообще, готовы и достаточно способны къ воспріятію обрусѣнія, какъ высшей формы бытовой жизни. Далѣе, какъ всѣ вообще язычники шаманскаго суевѣрія, алтайцы признаютъ превосходство христіанства предъ своею „черной вѣрой“ и готовы къ принятію его, какъ лучшей вѣры. Иначе говоря, алтайцы обладаютъ всѣми элементами для тѣснаго сближенія съ русскимъ народомъ. Какъ на примѣръ, можно указать на старокрещенныхъ осѣдлыхъ инородцевъ, чрезъ два-три поколѣнія настолько обрусѣвшихъ, что ни по быту семейному и общественному, ни по чертамъ лица не отличаются отъ русскихъ. За ними идутъ и недавно крещенные изъ кочевыхъ инородцевъ. Осѣдлые и кочевые инородцы,—старо и новокрещенные,—дѣлаются русскими не по внѣшнему только виду, усвоенію себѣ русскаго языка, русской одежды, вообще внѣшней бытовой стороны, но воспріятіемъ въ себя всего существа русскаго человѣка, со всею полнотой его внутренней жизни, его плоти и крови. Для такого инородца русскій народъ въ полномъ смыслѣ свой родной народъ. Такого единенія инородцевъ съ русскими нельзя достигнуть однимъ внѣшнимъ приближеніемъ къ нимъ русскаго элемента путемъ колонизаціи. Таковое, какъ показываютъ печальные опыты казанскаго края, и при весьма близкомъ пространственномъ отношеніи къ инородцамъ, но при условіяхъ не благопріятныхъ, можетъ возбуждать въ послѣднихъ не симпатію, а совершенно противоположное чувство и привести не къ единенію, а совершенному отчужденію... Полнаго обрусѣнія инородцевъ Алтая можно достигнуть только чрезъ православное христіанство. Православіе, проложивъ инородцамъ путь къ внутреннему общенію съ русскими въ духѣ вѣры, развивъ и облагородивъ ихъ чрезъ воспитаніе и образованіе, приведетъ ихъ и къ кровно-родственному единенію съ русской семьей чрезъ родственныя связи. Заключаемъ такъ на основаніи опыта. Въ предѣлахъ алтайской миссіи есть много инородцевъ, женившихся на русскихъ, а изъ служащихъ при миссіи инородческихъ дѣтей многіе, поступивъ въ духовное званіе, взяли себѣ женъ изъ русскихъ семействъ духовнаго и другихъ сословій. Дочери новокрещенныхъ стали женами псаломщиковъ и священниковъ чисто русской крови. Эти случаи, по началу исключи-

тельные, годъ отъ году повторяясь чаще, начинаютъ получать значеніе обычая, обаятельнаго и для некрещенныхъ [1]). Если для органически тѣснаго единенія инородцевъ съ русскими необходимо обрусѣніе первыхъ чрезъ православное христіанство и семейныя связи съ послѣдними, то на православномъ русскомъ правительствѣ лежитъ нравственный долгъ содѣйствовать таковому обрусѣнію и устранять препятствія къ сему" [2]).

Нельзя однако на основаніи сдѣланныхъ выдержекъ сказать, что арх. Владимиръ видѣлъ въ руссификаціи инородцевъ высшую цѣль миссіонерской дѣятельности, а въ христіанизаціи ихъ—только средство къ тому. Напротивъ, онъ считалъ перевоспитаніе инородцевъ въ духѣ христіанскомъ главной задачей миссіи, а культурное развитіе ихъ на основѣ русской гражданственности цѣлью побочной, достиженіе которой только способствовало удачному разрѣшенію первой задачи. Если „обрусѣніе — высшая форма бытовой жизни", то только потому, что оно болѣе соотвѣтствуетъ христіанскимъ понятіямъ и болѣе содѣйствуетъ возрастанію христіанской жизни, чѣмъ бытъ кочевниковъ. Потому-то онъ не считалъ русскихъ, только какъ русскихъ, выше чѣмъ инородцы, и отрицательно относился къ широкой волнѣ переселенческаго движенія. А затѣмъ онъ думалъ, что непреложно слово Спасителя: „Ищите прежде царствія Божія и правды Его и сія все приложатся вамъ" (Мѳ. VI, 33),—что „осуществленіе задачи спеціально миссіонерской непре-

---

[1]) На важность этого указываетъ и Отчетъ, отмѣчающій, что миссіонеръ К. Соколовъ, хорошо ознакомившійся съ алтайскимъ языкомъ, женатъ на дочери инородца—свящ. М. Чевалкова (1878, 44). К. Соколовъ—нынѣ еп. Иннокентій бійскій. Впослѣдствіи внукъ этого Чевалкова, діаконъ, женился на племянницѣ помощника начальника миссіи, игум. Макарія.

[2]) Инородческій вопросъ на Алтаѣ, 13—16. Хотя данная анонимная статья принадлежитъ архіеп. Макарію, какъ самъ онъ заявляетъ въ двухъ письмахъ къ намъ (отъ 21 дек. 1905 г. и 14 февр. 1906 г.), однако она можетъ служить полнымъ выраженіемъ взглядовъ преосв. Владимира, который далъ для нея нѣкоторые матеріалы и послужилъ своими отчетами, особенно за 1882 годъ. Потому то ее считалъ Владимировой архіеп. Веніаминъ (въ письмѣ отъ 22 марта 1885 г.: „По отпечатаніи *вашей* статьи: *Инородческій вопросъ на Алтаѣ*, прошу васъ нѣсколько оттисковъ ея прислать мнѣ для раздачи лицамъ власть имущимъ"...), потому и мы пользовались ею для характеристики миссіонерскихъ воззрѣній и пріемовъ преосв. Владимира.

мѣнно ведетъ къ послѣдствіямъ благопріятнымъ для объединенія національнаго... Объединеніе вѣрою и при неодноязычіи ведетъ къ единству по духу, потомъ—по національности и непремѣнно, долго ли—коротко ли, завершится единствомъ и по языку“ [1]. Потому арх. Владимиръ въ духѣ Н. И. Ильинскаго и давалъ инородческимъ языкамъ широкое мѣсто въ школѣ и церкви.

е) Владимиръ—епископъ бійскій.

Въ отчетѣ объ алтайской миссіи за 1879 г., архим. Владимиръ, сообщивъ о послѣдовавшемъ 1 дек. Высочайшемъ утвержденіи синодальнаго опредѣленія объ учрежденіи бійскаго викаріатства и возведенія въ санъ бійскаго епископа начальника алтайской миссіи, выразился: „Такимъ образомъ нынѣшній начальникъ миссіи, хотя и получаетъ высшій санъ, но не отчуждается отъ нея. Напротивъ, уповаемъ, что Промыслъ Божій преподаніемъ ему сугубой благодати Христовой имѣетъ въ виду — развитіе и вящшее преуспѣяніе самой миссіи и дѣла Христова, ей ввѣреннаго“. При этомъ арх. Владимиръ отмѣтилъ особые труды и нужды миссіи, назрѣвшія къ 1880-му году: а) Отнятіе въ 1879 г. у миссіонеровъ права безплатнаго проѣзда по дѣламъ своего служенія, — права, которымъ они пользовались почти 50 лѣтъ, чѣмъ вызванъ ущербъ какъ матеріальный, такъ и моральный; б) увеличеніе работы миссіонеровъ, какъ приходскихъ пастырей, благодаря разрѣшенному въ отчетномъ году организованному поселенію въ горномъ Алтаѣ русскихъ людей, для которыхъ назначено было 26 пунктовъ, безъ опредѣленія однако особыхъ для колонистовъ священниковъ, о чемъ просилъ начальникъ миссіи; в) необходимость борьбы съ раскольниками, число которыхъ имѣетъ умножиться отъ переселенія на Алтай русскихъ колонистовъ; г) возможность перехода на Алтай *русскихъ* людей разныхъ исповѣданій и даже вѣръ; д) необходимость расши-

---

[1]) „О миссіонерскихъ переводахъ на инородческіе языки“,—письмо къ архіеп. Веніамину (1880), 12—13. Ср. Отчетъ за 1875 г., 14—15 и Прав. благ., 1895, I, 429, 430: „: „По мѣрѣ успѣха въ этомъ (въ насажденіи сердечной вѣры) и прочая вся успѣшнѣе и прочнѣе приложатся: улучшеніе быта, просвѣщеніе, объединеніе въ мысляхъ, чувствахъ, стремленіяхъ и даже въ языкѣ съ православнымъ русскимъ народомъ“.

ренія сферы дѣйствія миссіи на киргизовъ; е) борьба съ „препятствіями и трудностями, зависящими отъ дѣйствія внѣшнихъ, естественныхъ неблагожелателей миссіонерскаго дѣла, по той или иной причинѣ ревнующихъ о цѣлости своего алтайскаго язычества“, и *лжебратіи*. Если мы къ этому прибавимъ, что алтайцы, опасавшіеся своихъ языческихъ властей, охотнѣе крестились отъ руки *большого попа* (т. е. архимандрита), въ надеждѣ найти въ немъ болѣе сильную защиту отъ преслѣдованій за вѣру [1]), и что въ Улалу ради тамошняго благолѣпнаго богослуженія стремились не только инородцы, крещеные и некрещеные, но и русскіе, то для насъ обрисуются тѣ мотивы, по которымъ въ 1878 г. преосвященнымъ Петромъ томскимъ могло быть возбуждено предъ св. синодомъ ходатайство о возведеніи начальника миссіи, архим. Владимирв, въ званіе епископа, викарія томской епархіи. При всемъ томъ пр. Петръ хотѣлъ этимъ ободрить о. Владимира, въ которомъ видѣлъ человѣка даровитаго, дѣятельнаго, способнаго, и обратить на него вниманіе начальства. Такъ самъ онъ мотивировалъ свое ходатайство въ частныхъ разговорахъ [2]).

Однако при выборѣ мѣста для жительства новаго епископа на Бійскѣ остановились не сразу: было колебаніе между нимъ и Барнауломъ. Но когда жители Барнаула не выразили большой готовности пожертвовать нужное для будущей каѳедры имущество (о чемъ скоро пожалѣли), преимущество дано было Бійску, городское общество котораго обѣщало дать новому архіерею квартиру, 4 т. рублей на сооруженіе дома и 2 т. на устройство при немъ церкви, да на содержаніе квартиры и хора 600 р. Кромѣ того, они обѣщались отвести еще землю подъ усадьбу архіерейскаго дома.

Хиротонисаться въ епископы архим. Владимиръ предполагалъ въ Петербургѣ и очень желалъ этого, имѣя намѣреніе посѣтить послѣ того родныя мѣста. Объ этомъ онъ писалъ въ Петербургъ, но его просьба не была ли получена или не была уважена. Но только хиротонія назначена была въ Томскѣ [3]). Пр. Владимиръ сначала поскорбѣлъ, а послѣ

---

[1]) К. И. Евтроповъ. Исторія троицкаго каѳедральнаго собора въ Томскѣ (Т., 1904), 324.

[2]) Отчетъ объ алтайской миссіи за 1879, 4—5.

[3]) Какъ то такъ случилось, что о днѣ и мѣстѣ хиротоніи арх. Владимира немногіе узнали своевременно. Засѣдавшій въ св. синодѣ архі

утѣшился и былъ даже радъ: скорѣе дѣло сдѣлалось, писалъ онъ архіеп. Веніамину, меньше траты силъ, времени и денегъ, такъ что, Богъ дастъ, обойдусь безъ взиманія у васъ въ долгъ обѣщаннаго пособія. Но всего больше утѣшилъ еп. Владимира такой взрывъ чувствъ къ нему разныхъ людей и на Алтаѣ, и въ Томскѣ, и въ Бійскѣ, какого онъ не видѣлъ бы въ Петербургѣ. Прежде всего его изъ Улалы проводили въ Томскъ съ „неудержимыми слезами и воплями и самыхъ старыхъ стариковъ и малыхъ дѣтей... Этихъ слезъ во вѣки вѣковъ не забуду!—писалъ онъ послѣ о. Вакху. Для меня убогаго—неоцѣненное сокровище, для меня унылаго—несказанная отрада"! Алтайскіе миссіонеры порѣшили поднести своему любимому начальнику, „первому въ епископскомъ санѣ" панагію, въ ознаменованіе между прочимъ совпаденія этого событія съ 50-тилѣтіемъ миссіи [1]). Панагію же вознамѣрились поднести и бійцы, радовавшіеся возможности слушать и долѣе его „слово, обладающее евангельскою простотою и силою". Минуя другія подношенія, укажемъ на два адреса — отъ томскихъ законоучителей-воспитанниковъ пр. Владимира и молодого старосты Никольской церкви, простого русскаго человѣка, „русской грамматикѣ не повиннаго"... За обѣдомъ было болѣе 30 тостовъ—къ удивленію еп. Петра...

Хиротонія Владимира во епископы была совершена въ Томскѣ, 16 марта 1880 г., епископами Петромъ томскимъ и Ефремомъ курскимъ, только что переведеннымъ туда изъ Тобольска. Нареченіе происходило въ каѳедральномъ соборѣ при множествѣ народа,—и въ письмѣ къ о. Вакху пр. Владиміръ отмѣтилъ, что не у одного христіанина былъ вызванъ молитвенный вздохъ за него и исторгнута слеза—его рѣчью. Рѣчь же была обращена къ невидимому Пастыреначальнику—„не ради оригинальничанія (думаю, въ такія минуты суетность невозможна), а само собой"... Самая хиротонія была совершена въ домовой церкви, гдѣ за 18 лѣтъ до того Владиміръ былъ возведенъ въ санъ архимандрита.

епископъ литовскій Александръ писалъ о. Владиміру, что только въ началѣ іюля узналъ изъ дѣлъ синода о совершившемся рукоположеніи.

[1]) 50-тилѣтній юбилей алтайской миссіи былъ отпразднованъ 29 авг. и 7 сент. 1880 г. въ Бійскѣ, Улалѣ и другихъ пунктахъ миссіи съ большою торжественностью. (Отчетъ за 1880 г., 6 — 8, 32 — 34. „Церк. Вѣстн.", 1888 г., № 8).

Свое тогдашнее настроеніе онъ характеризовалъ въ письмѣ къ свящ. Гурьеву: ...„И азъ, убогій, елико могъ, молился, о нихъ же обязанъ есмь молитися... также о всѣхъ, ибо дано было чувствовать, что есть церковь святая и ея молитвы... Да, въ церкви наше спасеніе: внѣ ея — нѣтъ его, ни при какихъ подвигахъ, и заслугахъ, и достоинствахъ! Слава Богу, членами ея церкви насъ устроившему!..“ Вообще пр. Владиміръ глубоко вѣрилъ въ силу церковной молитвы и это особенно сказалось въ связи съ этимъ важнѣйшимъ событіемъ его жизни. Предъ своей хиротоніей онъ разослалъ письма знакомымъ архіереямъ русскимъ и сербскому митрополиту Михаилу съ просьбой о молитвѣ въ день ея. А послѣ нея, служа въ Бійскѣ первую литургію, въ своемъ словѣ примѣнилъ къ себѣ разсказъ о видѣнной свят. Тихономъ лѣстницѣ, по которой поднимали его на высоту его пасомые, черезъ то и сами становившіеся со ступени на ступень выше, къ небу ближе...

Отношенія между пр. Владиміромъ и еп. Петромъ томскимъ съ самаго начала установились наилучшія. Чрезъ три дня послѣ хиротоніи еп. Владиміръ писалъ своему академическому товарищу, пр. Веніамину черниговскому. „Для новаго изъ викаріевъ россійскихъ — томскаго,—епархіальный архіерей былъ и, думаю, будетъ не такимъ, какимъ по нѣкоторымъ описаніямъ бывали нѣкоторые; таковъ добротою и подобаетъ мнѣ, какъ немощному духомъ, какъ младенцу, пѣстунъ снисходительный и доброжелательный“. Пр. Петръ былъ, дѣйствительно, человѣкъ добрый, простой, а главное не дрожащій за свою власть и ея прерогативы. Опредѣляя въ маѣ 1880 г. кругъ дѣятельности новаго викарія, еп. Петръ предоставилъ ему между прочимъ обозрѣніе церквей въ уѣздахъ бійскомъ и частью въ кузнецкомъ и въ семипалатинской области. „Но можете, писалъ онъ, и не стѣсняться означенными предѣлами, т. е. если понадобится проѣзжать по барнаульскому уѣзду, то можете обозрѣть церкви по пути и даже въ самомъ Барнаулѣ, особенно прошу васъ внимательнѣе обозрѣть въ барнаульскомъ соборѣ ризницу, утварь, архивъ и библіотеку... Маршрутъ вашей поѣздки не буду разсматривать, и вы не стѣсняйтесь имъ; а какъ и гдѣ придется вамъ проѣхать, такъ и ладно... Постройку часовенъ или молитвенныхъ домовъ въ самомъ простомъ видѣ—разрѣшайте по усмотрѣнію нужды, а мнѣ сообщайте къ свѣдѣ-

нію. Вѣнчать браки—за полгода и въ родствѣ—разрѣшайте, не отдавая никому отчета"... Къ характеристикѣ пр. Петра и его отношеній къ викарію служитъ и то, что въ 1881 г. онъ совѣтовался у послѣдняго, кого ему назначать каинскимъ благочиннымъ, а когда еп. Владимиръ самъ разрѣшилъ свящ. Бѣлосельскому вести послѣвечернія назидательныя чтенія, — пр. Петръ не только не счелъ это превышеніемъ власти (чего боялся Владимиръ), напротивъ одобрилъ и совѣтовалъ другихъ поощрять къ тому же.

Въ миссіонерскомъ отношеніи первымъ и важнѣйшимъ результатомъ возведенія архим. Владимира въ санъ епископа было расширеніе вліянія алтайской миссіи на киргизовъ. Ему лично Алтай давно уже представлялся духовнымъ центромъ, изъ котораго свѣтъ христіанства долженъ былъ распространиться среди сосѣднихъ языческихъ народовъ. Вотъ что писалъ онъ въ отчетѣ за 1870 г.: „Не велико число алтайцевъ, но если принять во вниманіе то, что на востокъ, югъ и юго-западъ отъ Алтая, по сосѣдству съ нимъ, въ Россіи и многочисленномъ Китаѣ обитаютъ единоплеменные и почти одноязычные алтайцамъ многочисленные народы: киргизы, соёнцы, урянхайцы и др., то можно надѣяться, что изъ самыхъ чадъ бывшихъ язычниковъ, нѣкогда явятся ревнители, которые съ горячимъ усердіемъ и любовью понесутъ слово о спасеніи къ своимъ близкимъ по племени, и языку, и пронесутъ его далеко за предѣлы своей родины" (4). Въ частности вниманіе архим. Владимира привлекъ многочисленный и даровитый киргизскій народъ, обитавшій къ западу и югу отъ Алтая. Отдѣльные представители этого племени, заходившіе на Алтай, начали принимать крещеніе еще во времена Макарія Глухарева, основателя миссіи, но масса народа еще ранѣе того самимъ русскимъ правительствомъ огражденная отъ христіанскаго вліянія, имъ же была предоставлена вліяніямъ мусульманскому и татарскому [1]). Арх. Владимиръ понималъ, что чѣмъ сильнѣе укрѣпятся послѣднія, тѣмъ труднѣе будетъ бороться съ ними миссіонерамъ христіанскимъ, именно алтайскимъ, — и вотъ въ его записной книжкѣ встрѣчаемъ уже въ янв. 1868 г. замѣтки о киргизской миссіи, о чемъ онъ въ февралѣ писалъ м. Исидору. Тогда же и Н. И. Ильминскій съ іером. Макаріемъ пришли

---

[1]) „Миссіонеръ", 1877, 65—67.

къ мысли о необходимости сдѣлать исходнымъ пунктомъ киргизской миссіи Черный Ануй, гдѣ жило немало киргизскихъ пришельцевъ [1]). Затѣмъ, въ отчетахъ арх. Владимира стали появляться указанія на вредный характеръ дѣятельности магометанскихъ муллъ среди киргизъ и на своевременность учрежденія среди нихъ христіанской миссіи [2]). Въ 1879 г. онъ убѣдилъ въ этомъ даже совѣтъ миссіонерскаго общества. Дѣло остановилось за разрѣшеніемъ высшаго начальства. Чтобы подкрѣпить посланное въ св. синодъ представленіе о томъ пр. Петра, еп. Владимиръ послѣ своей хиротоніи совершилъ поѣздку по округамъ семипалатинскому, усть-каменогорскому и сосѣднимъ частямъ бійскаго. Оказалось при этомъ, что а) киргизъ въ семипалатинской области нѣсколько сотъ тысячъ и что въ окрестностяхъ только г. Семипалатинска ихъ болѣе 121 т.; б) что киргизы—недавно омусульманены и имѣютъ народную антипатію къ мулламъ татарскимъ, не говоря уже о томъ, что они незнакомы почти съ мусульманствомъ ни теоретически, ни въ жизни своей; в) что киргизы, въ особенности жившіе по работамъ у русскихъ, склонны къ христіанству, но за отсутствіемъ организованной миссіи, встрѣчаютъ препятствія и къ крещенію и къ утвержденію въ православной вѣрѣ, и г) что у Семипалатинска, именно въ 11 в. отъ него, въ Св. Ключѣ, гдѣ имѣется каменная часовня въ формѣ церкви, всего удобнѣе быть миссіонерскому стану, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ. Но св. синодъ, разрѣшая въ 1881 г. учрежденіе противомусульманской миссіи для обращенія киргизовъ, назначилъ для нея пунктомъ Усть-Каменогорскъ, согласно съ представленіемъ еп. Петра. Впрочемъ, послѣдній, извѣщая о томъ 9 іюня пр. Владимира, предоставлялъ ему основать резиденцію въ Семипалатинскѣ или близъ часовни на Св. Ключѣ, гдѣ онъ самъ найдетъ лучшимъ. Тѣмъ не менѣе остановились на Усть-Каменогорскѣ, куда и былъ посланъ вмѣсто назначеннаго было киргизскимъ миссіонеромъ прот. Путинцева свящ. Филаретъ Синьковскій, крестившій перваго киргиза въ февралѣ 1883 г. „13 февр. 1883 г.—писалъ еп. Владимиръ свящ. В. Гурьеву,—фактическое начало воспріяла наша *киргизская миссія*. Миссіонеръ оной (о. Фил. Синьковскій) въ сіе число

---

[1]) „Н. И. Ильминскій и алтайская миссія“, 49.

[2]) 1870, 2—3; 1878, 28—32; 1879, 17; 1880, 10 и слѣд.

совершилъ св. крещеніе надъ первенцемъ-юношей Іоанномъ, въ Усть-Каменогорскѣ. Обстоятельства крещенія во многомъ вполнѣ сходствуютъ съ таковыми же начала алтайской миссіи. Азъ молитвою убогъ сый, другихъ,—вотъ и васъ, усердно молю: помолитесь о семъ горчичномъ сѣмени, да возрастетъ оно въ такое древо, въ вѣтвяхъ коего нашли бы себѣ спасительное, вѣчное пребываніе тѣ сотни тысячъ киргизовъ, которые до сихъ поръ, какъ перелетныя птицы, движутся по степямъ своимъ,—ни язычники, ни магометане" [1]). Впрочемъ Усть-Каменогорскъ скоро оказался очень неудобнымъ пунктомъ, какимъ его нашелъ и Ильминскій, и послѣ краткаго пребыванія въ Семипалатинскѣ о. Филаретъ перенесъ свою резиденцію (въ декабрѣ 1883 г.) въ казачій поселокъ Буконь, въ 20 верстахъ отъ г. Кокпекты. Тотъ же Николай Ивановичъ нѣсколько охладилъ оптимизмъ еп. Владимира на счетъ расположенности киргизовъ къ христіанству [2]),—и дѣйствительно успѣхи новой миссіи не были очень велики: въ 1883 г. было крещено 14 чел., въ 1884—13 и въ 1885 г.—11 ч. Въ 1895 г. киргизская миссія была отдѣлена отъ алтайской и сдѣлана самостоятельной. Дальнѣйшія отношенія къ ней пр. Владимира выразились въ томъ, что для служенія ей онъ направилъ своего племянника, который, по окончаніи московскаго университета, слушалъ лекціи на миссіонерскомъ отдѣленіи казанской академіи, постригся въ монахи съ именемъ Сергія и работалъ на пользу киргизъ съ 1891 г. по 1903 г. [3]).

Въ епископскій періодъ своей жизни на Алтаѣ пр. Владимиръ почти довелъ до конца и второй свой планъ—относительно учрежденія особой, противораскольнической миссіи. Еще въ отчетѣ за 1875 г. онъ писалъ о необходимости противораскольническихъ миссіонеровъ, отличныхъ отъ противоязыческихъ, ибо къ послѣднимъ алтайскіе старообрядцы относятся съ двойнымъ подозрѣніемъ и нерасположеніемъ,—

---

[1]) Ср. письмо пр. Владимира къ игум. Макарію въ „Запискахъ миссіонера киргизской миссіи, свящ. Филарета Синьковскаго, за 1882—3 гг." („Том. Еп. Вѣд., 1884, № 7) и Отчетъ объ алтайской и киргизской миссіяхъ за 1882 г., 7.

[2]) Объ отношеніи Ильминскаго къ киргизской миссіи см. въ нашей брошюрѣ стр. 48—64.

[3]) Въ 1903 г. онъ, уже епископъ омскій и семипалатинскій, переведенъ былъ въ Ковну.

какъ къ „попамъ не только никоніанскимъ, но и татарскимъ" (19). То же повторялъ онъ и въ другихъ отчетахъ (1878, стр. 3, 35; 1879, 16). Въ 1879 г. по мысли арх. Владимира пр. Петръ возбудилъ предъ св. синодомъ ходатайство объ учрежденіи на Алтаѣ противораскольнической миссіи, но пока послѣдовалъ благопріятный отвѣтъ, въ 1880 г. онъ принялъ въ алтайскую миссію іером. Иннокентія (Солотчина) съ спеціальной цѣлью борьбы съ раскольниками. Для этого о. Иннокентій поселенъ былъ въ Уймонской долинѣ, въ с. Катандѣ, гдѣ давно уже была выстроена еп. Владимиромъ церковь и гдѣ теперь былъ открытъ новый станъ [1]). Такъ какъ учрежденіе противораскольнической миссіи замедлилось за недостаткомъ средствъ, то пр. Владимиръ обратился къ общественной благотворительности. По его инпціативѣ бійскіе граждане рѣшили учредить при церкви викарнаго епископа въ Бійскѣ *Противораскольническое братство св. Димитрія ростовскаго*, уставъ котораго былъ представленъ еп. Владимиру и утвержденъ имъ 27 іюня 1884 г., когда онъ былъ уже въ Томскѣ [2]). Имъ же 21 сентября братство и открыто въ Томскѣ (Совѣтъ же братства открытъ 22 окт. въ Бійскѣ).

Къ этому времени относится попытка еп. Владимира перевести благовѣщенскій монастырь, съ назначеніемъ устьанзасскаго миссіонера потерявшій всякое миссіонерское значеніе, въ Бійскъ. Мысль о томъ, впрочемъ, подалъ ему архіеп. Веніаминъ, послѣ того какъ монастырь былъ подмытъ водой, выступившей изъ р. Чулышмана. „Вашъ размытый монастырь, писалъ онъ 20—24 авг. 1879 г., даетъ мнѣ мысль спросить васъ, имѣетъ онъ какія-нибудь матеріальныя средства, напр. денежные вклады или земли и рыбныя ловли, доходомъ отъ которыхъ можно пользоваться издали? Если есть то и другое, въ такомъ случаѣ я не совѣтовалъ бы вамъ возстановлять его, а перевести доходы его на викаріатскую каѳедру". Пр. Владимиръ внялъ этому совѣту

---

[1]) Отчетъ за 1880 г., 8—10.

[2]) Уставъ братства — въ „Том. Еп. Вѣд." 1884, № 17. Впрочемъ, статья объ открытіи братства, помѣщенная въ № 19, представляетъ дѣло такъ, что духовенству и гражданамъ Бійска принадлежитъ иниціатива его учрежденія, а поводы къ тому далъ имъ съѣздъ депутатовъ духовенства 1883 г.

и возбудилъ ходатайство [1]). Но едва узналъ объ этомъ жившій тогда въ Бійскѣ А. Мальковъ, какъ полетѣлъ въ Петербургъ отстаивать свое созданіе. Онъ явился туда съ ходатайствомъ объ отчисленіи благовѣщенскаго монастыря отъ алтайской миссіи подъ именемъ общежительнаго монастыря, съ оставленіемъ за нимъ тѣхъ угодій, которыя теперь еп. Владимиръ хотѣлъ вымѣнять на земли возлѣ Бійска. Его хлопоты имѣли тамъ успѣхъ. Онъ былъ у мм. Исидора и Макарія и архіеп. Палладія, которые предложили писать еп. Владимиру объ оставленіи благовѣщенскаго монастыря на мѣстѣ. Мальковъ былъ такъ великодушенъ, что съ своей стороны предлагалъ ему выхлопотать землю и для бійскаго монастыря. Чулышманскій же монастырь онъ хотѣлъ оставить за собой, поступивъ туда въ монахи и выписавъ туда до 20 иноковъ съ Аѳона, съ которымъ и снесся. Но дѣло затянулось; въ 1882 г. собиравшіеся на Алтай иноки писали Малькову о своемъ нетерпѣніи, и онъ отвѣтилъ имъ о своемъ желаніи вызвать ихъ прежде въ Петербургъ для представленія государынѣ. Въ 1884 г. Мальковъ испросилъ аудіенцію у государя и, „повергши къ его стопамъ“ планъ Телецкаго озера и его окрестностей, „просилъ повелѣть утвердить производство построекъ, зданій для пріютовъ, школъ, больницъ, а также монастырскихъ зданій по берегу самаго озера, отъ р. Кыгы до р. Кокши, а хлѣбопашество, сѣнокошеніе и скотоводство оставить на Чулышманѣ на прежнихъ мѣстахъ“. Въ 1885 г. Мальковъ ходатайствовалъ о томъ и предъ государыней, съ представленіемъ писемъ и телеграммъ, которыми продолжалъ обмѣниваться съ аѳонскими иноками. Это были русскій іером. Иннокентій съ 15 чел. братіи, владѣвшіе келліей и церковью, входившими въ составъ иверскаго монастыря свят. Николая, и все еще ждавшіе, когда ихъ позовутъ на Алтай. Въ виду того, что и св. синодъ, повидимому, склонился на ходатайство Малькова, послѣдній въ 1886 г. просилъ еп. Владимира, отправ-

[1]) У пр. Владимира былъ планъ устроить въ Бійскѣ такой „миссіонерскій монастырь, который бы служилъ службу миссіонерскую не только для новокрещенныхъ инородцевъ, но и для старокрещенныхъ Россіянъ: ей, писалъ онъ о. Вакху, и симъ она нужна“ (Письмо отъ 16 апр.— 29 окт. 1880 г.).—Отмѣтимъ кстати и другую неудачу, постигшую въ это время еп. Владимира: при крахѣ скопинскаго банка (1882 г.) алтайская миссія потеряла 8531 р.

лявшагося въ Москву, выхлопотать у м. Иннокентія деньги на проѣздъ ихъ до благовѣщенскаго монастыря. „По пріѣздѣ ихъ *мы*, писалъ Мальковъ, изберемъ настоятеля въ санѣ архимандрита“... Но изъ затѣи Малькова не вышло ничего, какъ и изъ плана пр. Владимира.

За то еп. Владимиру удалось возвысить женскую общину, дѣятельностью которой на пользу миссіи онъ былъ вполнѣ доволенъ, до степени женскаго общежительнаго монастыря. Ходатайство о томъ онъ послалъ въ 1880 г. въ св. синодъ, который и уважилъ его въ слѣдующемъ году. Вотъ въ какихъ формахъ выражалось содѣйствіе улалинскаго женскаго монастыря миссіи по отчету за 1882 г. „Женскій монастырь, какъ миссіонерскій, въ теченіе всего года по прежнему служилъ миссіонерскому дѣлу: а) безмездно воспитывая и обучае въ стѣнахъ обители до 10 дѣвочекъ инородческихъ, б) служа къ назиданію самымъ образомъ иноческой жизни,— примѣромъ труда, порядка, опрятности, молитвы, в) отдѣляя часть сестеръ своихъ въ улалинскій станъ, для ухода за больными въ лечебницѣ, за малолѣтними дѣтьми въ пріютѣ, для обученія дѣвочекъ въ женской школѣ; г) подготовляя язычницъ къ св. крещенію“ [1]), д) снабжая церковными свѣчами изъ чистаго воска миссіонерскіе храмы [2]). Въ виду такого важнаго значенія улалинскаго монастыря, пр. Владимиръ очень благоволилъ къ нему и не забывалъ его и послѣ. Когда послѣ 1891 г. монастырскія зданія, находившіеся до того внизу подъ горой по берегу р. Маймы, порой ихъ затоплявшей водой, перенесены были въ гору и предстояла нужда построить здѣсь и храмъ, расчитанный на тысячи богомольцевъ, приходившихъ за сотни верстъ на поклоненіе образу свят. Николая,—пр. Владимиръ, тогда уже архіепископъ казанскій, пришелъ на помощь этой нуждѣ: съ 1895 г. на его средства началось сооруженіе величественнаго зданія. Но пожертвованныя имъ 30 тысячъ помогли сдѣлать только половину дѣла: онъ не нашелъ подражателей и храмъ доселѣ стоитъ въ лѣсахъ [3])... Интересно, что арх. Владимиръ,

---

[1]) Въ 1904 г. дѣтскій пріютъ перемѣщенъ изъ Улалы въ самый монастырь. Въ 1905 г. въ немъ воспитывалось 47 дѣвочекъ,—29 алтаекъ и 18 русскихъ.

[2]) Съ 80-хъ годовъ свѣчной заводъ потерялъ право снабжать своими свѣчами приходскія церкви, какъ было до того.

[3]) Свящ. П. Сысуевъ, „Отъ Улалы до Чемала“ (Томскъ, 1905), 3—4.

умирая въ 1897 г., оставилъ по духовному завѣщанію почти всѣ свои сбереженія [1]), именно на улалинскій монастырь, на постройку храма.

Переходъ въ Бійскъ, гдѣ до того существовалъ только одинъ домъ алтайской миссіи, вызвалъ еп. Владимира на энергичную строительную дѣятельность. Здѣсь подъ личнымъ его руководствомъ и наблюденіемъ и частію на его средства въ три съ небольшимъ года были сооружены: архіерейскій трехъэтажный домъ, два особыхъ дома для прислуги и причта и всѣ необходимыя службы. Въ главномъ домѣ нижній, каменный, этажъ былъ предназначенъ для братіи, пѣвчихъ, иконописцевъ, библіотеки, склада книгъ богослужебныхъ и духовно-нравственныхъ и пр.; средній—для внѣбогослужебныхъ, народныхъ собесѣдованій (большой залъ), для помѣщенія самого начальника миссіи—епископа и для миссіонеровъ на случай ихъ пріѣзда; въ верхнемъ этажѣ помѣщалась крестовая церковь на 600 ч. съ особой колокольней.

Въ Бійскѣ, населенномъ „все больше воронежскими крестьянами—хохликами", земляками пр. Владимира, онъ думалъ основаться надолго и зажить осѣдлой жизнью. На своей усадьбѣ онъ развелъ *кавуны* (арбузы), разбилъ рощицу, посадилъ нѣсколько яблонь, вишню, затѣялъ рыборазводный прудъ... Онъ мечталъ даже навсегда остаться въ Бійскѣ. Пиша о. Вакху (въ октябрѣ 1880 г.) о своихъ строительныхъ работахъ, еп. Владимиръ сообщилъ, какой прекрасный видъ открывается изъ Бійска на Алтай, и добавилъ: „А мѣсто то, мѣсто для вѣчнаго покоя!.. Мечтаю устроить полуподземную церковь безъ деревяннаго пола; стоитъ только нѣсколько кирпичей половыхъ вынуть, вырыть „узаконенную" пропорцію земли (и не земли даже—грязнаго *праху*, а—чистѣйшаго песку), возлечь и—„до радостнаго утра"!

Однако въ Бійскѣ еп. Владимиру не удалось перейти съ прежняго кочевого образа жизни на осѣдлый [2]), и послѣ Бійска пришлось перемѣнить еще нѣсколько мѣстъ службы. Но и оставивши Алтай и даже Сибирь, пр. Владимиръ не забывалъ объ алтайцахъ. Онъ заявлялъ (на общемъ собраніи

---

[1]) 10450 р. деньгами и движимость, за которую выручено 1000 р.

[2]) Въ первый годъ своего епископства пр. Владимиръ сдѣлалъ по Алтаю свыше 5 т. верстъ.

миссіонерскаго общества 15 іюня 1886 г.), что „алтайская миссія—сильнѣйшій и лучшій оплотъ православія и русской народности“, ручался предъ государемъ за надежность тамошнихъ миссіонеровъ [1]), хвалилъ алтайцевъ, какъ христіанъ [2]). Съ миссіонерами онъ до конца жизни обмѣнивался письмами и праздничными привѣтствіями. Съ Кавказа онъ посылалъ имъ календари. Имъ онъ писалъ о недостаткѣ въ Ставрополѣ „дѣятелей“ и они отвѣчали готовностью отпустить туда кого-нибудь изъ своей среды. Впрочемъ съ собой въ Ставрополь еп. Владимиръ и безъ того взялъ двухъ алтайцевъ—брата Антонія и іером. Дометіана [3]). Воспоминаніями о миссіонерской своей дѣятельности онъ жилъ всю жизнь, они составляли содержаніе его частныхъ бесѣдъ и церковныхъ рѣчей. Опытами своей алтайской службы онъ руководился и на новыхъ мѣстахъ дѣятельности. Посылая на Алтай пожертвованія, онъ и другихъ располагалъ къ тому же и устнымъ словомъ и чрезъ Епархіальныя Вѣдомости. Такъ, онъ убѣдилъ г-жу Товарову пожертвовать въ пользу миссіи домъ въ Москвѣ стоимостью въ 300 т. р. (1892).

Что касается алтайскихъ миссіонеровъ, то они, узнавъ назначеніи еп. Владимира въ Ставрополь, въ укрѣпленіе своей нравственной связи съ нимъ постановили отчислять 1% съ жалованья для образованія при улалинскомъ попечительствѣ о бѣдныхъ „капитала преосв. Владимира“, съ тѣмъ, чтобы ежегодно проценты съ него выдавались къ празднику Пасхи въ пособіе бѣднѣйшему семейству изъ новокрещенныхъ. Это—жертва однихъ священниковъ и іеромонаховъ. Вся же братія въ 1886 г., при отъѣздѣ пр. Владимира изъ Сибири, пожертвовала ставропольскому св.-андреевскому братству икону св. ап. Андрея Первозваннаго и священномученика Игнатія съ частію ихъ мощей.

Миссіонерская дѣятельность пр. Владимира на Алтаѣ дала ему рѣдкое званіе почетнаго члена миссіонерскаго

---

[1]) При представленіи Императору 11 іюня 1886 г. (Ставр. Епар. вѣд., 1887 г., 24).

[2]) Московскія церк. вѣдомости, 1886, № 25.

[3]) Игум. Антоній не оставлялъ пр. Владимира до конца его жизни, а іером. Дометіанъ скончался въ Ставрополѣ 18 марта 1887 г. въ покояхъ владыки, среди самаго внимательнаго ухода съ его стороны (Ставр. еп. вѣд., 1887, 308—315).

общества [1]), которымъ онъ облеченъ былъ въ 1892 г. „во вниманіе къ продолжительному плодотворному служенію на миссіонерскомъ поприщѣ, въ званіи начальника алтайской духовной миссіи“, и—интересъ и опытность въ дѣлѣ распространенія христіанства на новыхъ мѣстахъ службы.

К. Харламповичъ.

---

[1]) Съ 1870 по 1895 г. этой чести удостоилось только двѣнадцать лицъ

Избраніе александрійскихъ патріарховъ въ XVIII и XIX столѣтіяхъ.

Историческій очеркъ *).

II.

Преемникомъ александрійскаго патріарха Самуила Капасули былъ *Косьма II* (1723—1737 г.), занимавшій раньше (1714—1716 г.) патріаршій престолъ въ Константинополѣ.

Относительно избранія Косьмы II на александрійскій патріаршій престолъ т. н. «Патріаршій каталогъ александрійскихъ патріарховъ» сообщаетъ слѣдующее: «Послѣ смерти Самуила клиръ въ Египтѣ и христіане избрали бывшаго константинопольскаго патріарха Косьму Синаита, котораго съ многими мольбами убѣдили, чтобы онъ занялъ тронъ въ 1718 году» [29]). Но это сообщеніе «Патріаршаго каталога» не только ошибочно датируетъ фактъ вступленія Косьмы II на александрійскій патріаршій престолъ, но и вообще неправильно указываетъ способъ избранія этого патріарха на каѳедру апостола Марка: оффиціальные документы, изложенные ниже, свидѣтельствуютъ, что Косьма былъ избранъ на александрійскій престолъ въ Константинополѣ, соборомъ мѣстныхъ іерарховъ, подъ предсѣдательствомъ вселенскаго патріарха Іереміи III.

Историкъ Аѳанасій Комнинъ Ипсиланти пишетъ объ избраніи Косьмы слѣдующее: «По смерти знаменитаго патріарха киръ Самуила, Косьма, бывшій патріархъ константинопольскій,

*) Продолженіе. См. іюль—августъ.

[29]) Епископъ *Порфирій Успенскій*. Александрійская патріархія, I, 14.

снова былъ вторично [30]) возведенъ на престолъ Александріи, при содѣйствіи бывшаго своего ученика, Мануила Ипсиланти, и управлялъ престоломъ цѣлыхъ десять лѣтъ» [31]). Такимъ образомъ историкъ Ипсиланти сообщилъ новую подробность относительно избранія Косьмы, именно о помощи послѣднему со стороны бывшаго его питомца, Мануила Ипсиланти, сына Іоанна Константина Ипсиланти, принадлежавшаго къ извѣстной греческой фанаріотской фамиліи и близкаго къ султанскому двору; онъ, между прочимъ, содѣйствовалъ и возведенію Косьмы на вселенскій патріаршій престолъ въ мартѣ 1714 года [32]). Отмѣченная историкомъ подробность говоритъ и о томъ, что избраніе Косьмы на александрійскій патріаршій престолъ состоялось, несомнѣнно, въ Константинополѣ, гдѣ жилъ его покровитель Мануилъ Ипсиланти и гдѣ онъ, пользуясь своими связями при дворѣ и вліяніемъ при патріархіи, могъ съ успѣ-

---

[30]) Историкъ сообщаетъ, что „первое" патріаршество Косьмы въ Александріи продолжалось *пять лѣтъ* (Τὰ μετὰ τὴν ἅλωσιν, σ. 264, 277—278), но точно не опредѣляетъ, на какіе именно годы падаетъ это патріаршество Косьмы. А на основаніи имѣющихся въ его трудѣ хронологическихъ данныхъ, очень спутанныхъ и сбивчивыхъ, невозможно съ опредѣленностью и вообще установить дату „перваго" патріаршества Косьмы въ Александріи. По нашему же мнѣнію, раскрытому выше, патріаршество Косьмы въ Александріи было въ дѣйствительности только одно, именно въ 1723—1737 годахъ. Что касается „перваго" патріаршества Косьмы, которое историкъ Ипсиланти различаетъ отъ второго, оно, по справедливому опредѣленію одного греческаго писателя, было „разбойническимъ", такъ какъ Косьма занялъ александрійскій престолъ при жизни законнаго патріарха,—поэтому, какъ не каноническое, не можетъ признаваться самостоятельнымъ церковно-историческимъ актомъ и заслуживать наименованія „перваго патріаршества" (Μ α θ ᾶ ς, Κατάλογος ἱστορικὸς τῶν πρώτων ἐπισκόπων καὶ τῶν 'εθεξῆς πατριαρχῶν τῆς 'εν Κωνσταντινουπόλει 'Αγίας και Μεγάλης τοῦ Χριστοῦ 'Εκκλησίας, σ. 235—236; ἐν Ναυπλίῳ 1837). Неправъ также и греческій ученый г. Мануилъ Гедеонъ, который, говоря объ избраніи Косьмы на константинопольскій престолъ, называетъ его бывшимъ александрійскимъ патріархомъ (ὁ πρώην 'Αλεξανδρείας), занимвшимъ престолъ въ Египтѣ, вѣроятно (πιθανῶς), въ 1705—1710 годахъ (Πατριαρχικοὶ πίνακες, σ. 621—622). Послѣдняя хронологія г. Гедеона уклоняется даже отъ данныхъ въ трудѣ Аѳанасія Комнина Ипсиланти, которому онъ слѣдовалъ въ своемъ сочиненіи о Косьмѣ, напримѣръ,—относительно покровительства послѣднему со стороны Мануила Ипсиланти.

[31]) Ἀ θ α ν ά σ ι ο ς Κ ο μ ν η ν ὸ ς 'Υ ψ η λ ά ν τ η ς, Τὰ μετὰ τὴν ἅλωσιν, σ. 305.

[32]) Ibid., 294—295 [Здѣсь Мануилъ Ипсиланти, между прочимъ, именуется „паломникомъ Святого Гроба—προσκυνητὴς τοῦ 'Αγίου Τάφου"). Срав. Епископъ *Порфирій Успенскій*, Александрійская патріархія, I, XCIX 12—13.

хомъ проявить патронатство въ отношеніи къ бывшему своему дидаскалу.

Затѣмъ, нѣкоторыя свѣдѣнія объ избраніи Косьмы на александрійскій престолъ сообщаетъ ученый З. Маѳа. Въ своемъ «Историческомъ каталогѣ» онъ, сказавши о низложеніи Косьмы съ вселенскаго патріаршаго престола и объ удаленіи его на Синай, продолжаетъ: «И онъ тамъ жилъ, плача и раскаяваясь, до тѣхъ поръ, пока снова, посредствомъ многихъ просьбъ, былъ приглашенъ на престолъ Александріи, гдѣ и жизнь закончилъ, богоугодно совершивъ пастырство въ Александріи» [33]). Значитъ, и Маѳа повторилъ мысль «Патріаршаго александрійскаго каталога» о томъ, что Косьма завялъ александрійскій престолъ по усиленной просьбѣ,—вѣроятно, египетскихъ христіанъ. Такъ ли это было въ дѣйствительности,—видно будетъ изъ послѣдующихъ нашихъ данныхъ.

Далѣе, епископъ Порфирій Успенскій сообщилъ и слѣдующую выписку о Косьмѣ изъ одного греческаго кодекса въ Каирѣ: «Въ 1723 году при патріархѣ Косьмѣ въ городѣ Триполи были христіане и іеромонахъ Іоанникій; къ нимъ писалъ патріархъ,—увѣдомилъ о своемъ восшествіи на каѳедру послѣ Самуила и увѣщевалъ ихъ любить другъ друга, хранить вѣру и заповѣди и повиноваться ему, какъ архипастырю» [34]). Къ сожалѣнію, самый документъ епископомъ Порфіемъ не былъ опубликованъ.

Но всѣ отмѣченныя скудныя свѣдѣнія объ избраніи Косьмы на александрійскій престолъ восполняются рядомъ документовъ, опубликованныхъ А. И. Пападапуло-Керамевсомъ и проливающихъ вполнѣ достаточный свѣтъ на разсматриваемый историческій фактъ. Къ нимъ, прежде всего, относится посланіе вселенскаго патріарха Іереміи III, отправленное въ сентябрѣ 1723 года по всему духовенству и народу Александрійской церкви. Вотъ содержаніе этого очень важнаго и интереснаго патріаршаго и синодальнаго посланія.

Высокопреподобнѣйшій архимандритъ святѣйшаго апостольскаго и патріаршаго престола Александріи и преподобнѣйшіе каѳигумены, протосинкеллы и и епитропы Рахити (Розетты) и Даміатты, почтеннѣйшіе клирики того же святѣйшаго престола

---

[33]) Μαθᾶς. Κατάλογος ἱστορικοὸς κτλ., 237.

[34]) Ἀ. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς, Σημειώσεις περὶ τοῦ πατριάρχου Ἀλεξανδρείας Σαμουὴλ Καπασούλη.—Δελτίον τῆς ἱστορικῆς καὶ ἐθνολογικῆς ἑταιρίας τῆς Ἑλλάδος, III, 512—517. Ἀθῆναι 1889.

и подчиненныхъ ему епархій и митрополій, благословеннѣйшіе іереи, уважаемые архонты, купцы и капитаны морскихъ судовъ (καραβοκύριοι), представители и мастера цеховъ и всѣ безъ исключенія прочіе благословенные христіане, пребывающіе въ томъ же самомъ святѣйшемъ престолѣ, чада о Господѣ возлюбленныя нашей мѣрности, благодать да будетъ вамъ и миръ и милость отъ Бога Вседержителя и Господа нашего Іисуса Христа, отъ насъ же молитва, благословеніе и прощеніе.

Посредствомъ настоящей нашей патріаршей и синодальной грамоты сообщаемъ всѣмъ вамъ, тамошнимъ христіанамъ, что послѣ того, какъ бывшій блаженный патріархъ Александріи киръ Самуилъ исполнилъ свой земный долгъ и переселился въ вѣчныя обители, а святѣйшій патріаршій апостольскій престолъ Александріи достаточное уже время оставался въ лишеніи патріаршаго пастырства и предстоятельства и во вдовствѣ законнаго архипастыря, то въ силу этого мѣрность наша, имѣющая неизбѣжную обязанность неусыпно бодрствовать, пещись и заботиться о повсюду святыхъ Божіихъ церквахъ и о православныхъ городахъ и епархіяхъ, такъ какъ ей именно принадлежитъ общая забота о всѣхъ существующихъ благочестивыхъ (православныхъ) христіанахъ, — рѣшила, что не должно оставить безъ вниманія святѣйшій патріаршій Александрійскій престолъ, населенный столь многими православными, долгое время остающійся безъ предстоятельства и пастырства, лишенный духовнаго руководительства и управленія, которое соединяется съ христіанскимъ обществомъ, какъ душа и голова съ тѣломъ, и не слѣдуетъ находящимся въ немъ благочестивымъ христіанамъ жить и дѣйствовать, какъ случится, и ходить по опаснымъ путямъ, ведущимъ въ стремнины и пропасти, подобно овцамъ, не имѣющимъ пастыря, но, напротивъ, мы приложили стараніе, чтобы на этомъ престолѣ былъ возстановленъ пастырь и управитель достойный, тѣмъ болѣе, что мы имѣемъ на это побужденіе отъ всѣхъ васъ, тамошнихъ христіанъ, потому что вы, — какъ мы хорошо знаемъ и имѣемъ доказательства,—по общеему согласію и рѣшенію признали нужнымъ прибѣгнуть къ попеченію и защитѣ со стороны вселенскаго патріаршаго престола, предоставить и уступить намъ голосованіе и избраніе будущаго патріарха Александрійскаго престола и испросить отъ насъ достойнаго предстоятеля для васъ и пастыря.

Итакъ, вслѣдствіе этого желанія и просьбы вашей и въ силу

того долга, который мы имѣемъ, именно—помогать повсюду святымъ церквамъ и священнѣйшимъ престоламъ, защищать и содѣйствовать имъ, насколько возможно, мы рѣшили, что должно, въ виду всецѣлой необходимости, собрать во-едино священный и совершеннѣйшій соборъ и устроить засѣданіе относительно этого предмета, какъ подлежащаго рѣшенію кинота церковнаго всеединства и благочестія. И вотъ, когда состоялось разсмотрѣніе и точное обсужденіе, когда были предложены каноническіе голоса въ нашемъ святѣйшемъ патріаршемъ престолѣ, въ присутствіи, по рѣшенію и одобренію пребывающихъ въ Константинополѣ блаженнѣйшихъ и святѣйшихъ патріарховъ—антіохійскаго киръ Аѳанасія и іерусалимскаго киръ Хрисанѳа, во Святомъ Духѣ возлюбленныхъ и превождєлѣнныхъ братьевъ и сослужителей нашей мѣрности, и засѣдающихъ вмѣстѣ съ нами преосвященныхъ собратьевъ нашихъ архіереевъ и пречестныхъ, въ присутствіи также весьма извѣстнаго и благороднѣйшаго архонта великаго драгомана державнаго царства, киръ Григораска, во Святомъ Духѣ возлюбленнаго и превождєлѣннаго сына нашего, славнѣйшихъ архонтовъ капу-кохагья, почтеннѣйшихъ клириковъ нашей великой Христовой церкви и благороднѣйшихъ архонтовъ столицы городовъ, то по общему голосованію, рѣшенію и одобренію всѣхъ былъ всѣмъ остальнымъ предпочтенъ и избранъ достойнымъ и способнымъ для того, чтобы принять кормило патріаршаго Александрійскаго престола, прежде его занимавшій, какъ патріархъ Александріи, киръ-киръ Косьма, во Святомъ Духѣ возлюбленный и превождєлѣнный нашъ братъ и сослужитель и уже находящійся въ честномъ монастырѣ святой и богошественной горы Синая,—какъ мужъ богобоязненный и почтенный, благоприличный и благонравый и по внѣшнему своему виду, и по душевнымъ качествамъ, обогащенный образованіемъ и познаніями и хорошо воспитанный въ божественномъ, отъ юныхъ лѣтъ облеченный въ монашескій образъ, отличающійся кротостью, благоразуміемъ и достойной уваженія жизнью, заявившій себя и отношеніями къ другимъ, приличествующими патріаршему сану, и вообще достойный такого предстоятельства. Въ силу всего этого, Косьма по божественному руководительству и помощи вполнѣ способенъ патріаршествовать среди васъ и благоугодить Богу и людямъ, канонически и богоугодно привести разумную свою паству къ спасительнымъ дѣламъ, путеводящимъ православныхъ христіанъ

къ небесной обители и къ наслажденію божественными блаженствомъ,—не только посредствомъ своего увѣщанія и наставленія, но и въ образѣ прекраснаго и христіанскаго своего житія и духовнаго управленія,—такъ какъ онъ будетъ дѣйствовать въ кротости и благоприличіи, въ благочестіи и благочиніи и достоинствѣ своихъ нравовъ, соотвѣтственно надлежащему значенію патріаршаго сана, и находящихся подъ его архипастырскимъ руководительствомъ онъ можетъ сдѣлать благоугождающими Богу. И поэтому мы, по общему синодальному избранію, рѣшенію и одобренію, возстановили (ἀποκατεστήσαμεν) его на святѣйшемъ патріаршемъ и апостольскомъ престолѣ Александріи и объявили истиннымъ, законнымъ и каноническимъ патріархомъ, духовнымъ предстоятелемъ и пастыремъ для всѣхъ васъ.

Посему, отправляя грамоту по общему рѣшенію названныхъ блаженнѣйшихъ и святѣйшихъ патріарховъ—Антіохіи киръ Аѳанасія и Іерусалима—киръ Хрисанѳа, во Святомъ Духѣ возлюбленныхъ и превожделѣнныхъ нашихъ братьевъ и сослужителей, мы синодально, вмѣстѣ съ окружающими насъ преосвященными собратьями архіереями и пречестными, объявляемъ, отечески и духовно заповѣдуемъ и увѣщеваемъ всѣхъ васъ, тамошнихъ христіанъ, чтобы указаннаго сего блаженнѣйшаго и святѣйшаго папу и патріарха великаго города Александріи и судію вселенной киръ-киръ Косьму, во Святомъ Духѣ возлюбленнаго нашего брата и сослужителя, отнынѣ и впередь вы признавали истиннымъ, законнымъ и каноническимъ патріархомъ того же самаго престола, пастыремъ и предстоятелемъ находящейся въ немъ разумной паствы и духовнымъ отцомъ всѣхъ васъ, попечителемъ и ходатаемъ вашего спасенія, господиномъ и владыкою престола этого и подчиненныхъ ему епархій, митрополій и церквей со всѣми имуществами ихъ и посвященіями, движимыми и недвижимыми,—поминали патріаршее и каноническое его имя во всѣхъ священныхъ службахъ, послѣдованіяхъ и моленіяхъ, совершаемыхъ для душевной пользы и спасенія всѣхъ васъ. Такъ какъ онъ уже намѣревается отправиться изъ честнаго монастыря Синайской горы, въ которомъ живетъ, прибыть на свой патріаршій престолъ и привѣтствовать васъ, ввѣренную ему свыше разумную паству Христову, то вы примите его со всею радостью, честью, достоинствомъ, расположеніемъ и привѣтливостью, когда онъ станетъ благословлять и освящать васъ, совершать все, свой-

ственное патріаршему его достоинству, учить, помогать вамъ и внушать то, что служитъ ко спасенію. И почитайте его и любите, съ уваженіемъ относитесь къ нему, повинуйтесь и подчиняйтесь ему согласно съ приличіемъ и долгомъ, оказывайте съ надлежащимъ повиновеніемъ, благослушаніемъ и готовностью свойственное его блаженству уваженіе, честь, любовь и подчиненіе, подобно тому, какъ члены тѣла назначены служить и дѣйствовать въ отношеніи къ своей головѣ, будучи руководимы ею и управляемы, дабы въ день испытанія пастырь, а вмѣстѣ и вы, паства, достойно предстали предъ Богомъ и получили небесныя воздаянія. Ибо благословенною, приличною и необходимою является для его блаженства помощь отъ васъ, духовныхъ и вождел́енныхъ ея чадъ, и содѣйствіе, дабы онъ могъ управить всякую потребность и нужду этого престола, исполнить возложенныя на него многочисленныя бремена и обязанности и пасти васъ свободно, въ преподобіи и правдѣ, молясь ко Господу непрестанно о здравіи вашемъ душевномъ и тѣлесномъ и о спасеніи, а Господь, принимая его молитвы, да возниспошлетъ вамъ безпредѣльную Свою милость и да наградитъ небесными и земными благами, какъ милостивый и человѣколюбивый, да подастъ вамъ и дѣтямъ вашимъ благословеніе Авраама, Исаака и Іакова для умноженія и увеличенія всего, вамъ принадлежащаго, и, наконецъ, да удостоитъ васъ и небеснаго своего царства.

Такъ именно поступайте, чада наши о Господѣ возлюбленныя,—говорится въ заключеніи грамоты,—и никто пусть не противится и не возражаетъ, дабы и благодать Божія и безпредѣльная милость Его, и наша молитва, благословеніе и прощеніе были со всѣми вами.—1723 года, въ мѣсяцѣ сентябрѣ, индиктіона 2-го.

Документъ подписали: іерусалимскій патріархъ Хрисанѳъ, антіохійскій патріархъ Аѳанасій, митрополиты — Каллиникъ ираклійскій, Паисій никомидійскій, Герасимъ никейскій, Авксентій кизикскій, Парѳеній халкидонскій, Игнатій ѳессалоникскій, Кириллъ прусскій, Сильвестръ иконійскій, Каллистъ навпактскій и артскій, Каллиникъ варнскій, Іоанникій лимносскій, Парѳеній силиврійскій, Неофитъ родосскій, Никодимъ месимврійскій и Акакій визійскій.

Извѣстивъ духовенство и народъ Александрійской церкви о состоявшемся въ Константинополѣ избраніи новаго александрійскаго патріарха Косьмы, святѣйшій патріархъ вселенскій

Іеремія III и митрополиты Константинопольской церкви отправили и новоизбранному патріарху Косьмѣ посланіе слѣдующаго содержанія.

Блаженнѣйшій и святѣйшій папа и патріархъ великаго города Александріи и всей земли Египетской, киръ—киръ Косьма, во Христѣ Богѣ возлюбленный и превожделѣнный братъ и сослужитель нашей мѣстности, ваше блаженство братски о Господѣ привѣтствуемъ, съ удовольствіемъ и тружески поздравляемъ, молясь всемогущему Богу, чтобы Онъ сохранилъ на святѣйшемъ престолѣ въ постоянномъ здравіи и непрестанномъ благоденствіи вмѣстѣ съ продолжительною жизнью.

Посредствомъ настоящаго нашего общаго и синодальнаго посланія сообщаемъ вашему блаженству, что послѣ того какъ патріархійшій престолъ, по кончинѣ знаменитаго патріарха Александріи киръ Самуила, остался безъ законнаго пастыря, мѣрность наша и засѣдающій при ней священный синодъ архіереевъ, будучи проникнуты искреннимъ чувствомъ человѣколюбія, братскимъ расположеніемъ къ вашему блаженству и готовностью не только освободить васъ отъ несчастія и страданія, постигающихъ васъ въ изгнаніи, но съ честью и славою возвратить оттуда, признали необходимымъ возстановить ваше блаженство на святѣйшемъ престолѣ Александріи, который, какъ извѣстно, вы и прежде занимали, и уже объявить истиннымъ и законнымъ патріархомъ Александріи, дабы впредь имѣть вождѣлѣннымъ нашимъ собратомъ. Посему мы, нашедши, что такое наше желаніе одобряютъ и находящіеся въ Константинополѣ блаженнѣйшіе и святѣйшіе патріархи,—Антіохіи киръ Аѳанасій и Іерусалима киръ Хрисанѳъ, возлюбленные во Христѣ братья наши, а еще и извѣстнѣйшіе и благороднѣйшіе архонты столицы и остальной священный клиръ нашей великой Христовой церкви, мы по благоволенію и помощи Божіей окончили это дѣло, возстановили и уже объявили ваше блаженство патріархомъ и пастыремъ святѣйшаго престола Александріи. И вотъ посылаются вашему блаженству рекомендательныя объ этомъ грамоты, церковное извѣщеніе и царскій бератъ, вмѣстѣ съ отправленіемъ котораго мы, принося вашему блаженству поздравленіе по поводу того, что совершилось съ вами по божественному благоволенію, вмѣстѣ съ синодомъ возглашаемъ надлежащее привѣтствіе, говоря: «въ добрый часъ, и Богъ да сподобитъ ваше блаженство упасти ввѣренную вамъ паству, управить патріаршій престолъ

правильно и спасительно и благоугодить Богу и людямъ». И посему въ заключеніе прибавляемъ: ваше блаженство, зная явленную о васъ божественную милость и наше общее синодальное наивысшее человѣколюбіе и братолюбіе, да прославитъ, какъ надлежитъ, такъ благоизволившаго Бога. Но мы надѣемся, что въ отношеніи къ намъ ваше блаженство окажется на все послѣдующее время весьма признательнымъ, зная о такомъ величіи благодѣянія. Конечно, мы будемъ имѣть и почтенную братскую грамоту вашего блаженства въ отвѣтъ на это посланіе и ваше извѣщеніе о здравіи и о всемъ нужномъ и необходимомъ. А годы вашего блаженства да будутъ по милости Божіей наиболѣе многочисленны и совершенно благополучны.—1723 года, сентября 14.

Посланіе подписали: константинопольскій патріархъ Іеремія III и митрополиты: Каллиникъ ираклійскій, Паисій никомидійскій, Авксентій кизикскій, Герасимъ никейскій, Игнатій ѳессалоникскій, Парѳеній халкидонскій и X филиппопольскій [35]).

Затѣмъ, къ разсматриваемому вопросу имѣетъ отношеніе и письмо архонта великаго драгомана Порты, Григораска (Григорія) Гики, отправленное патріарху Косьмѣ 3 октября 1723 года.

Послѣ привѣтствія Гика говоритъ въ своемъ письмѣ, что давнее его уваженіе къ блаженнѣйшему Косьмѣ и непоколебимая дружба горячо его побуждали во всякое время и на всякомъ мѣстѣ непремѣнно выступать къ содѣйствію его блаженству возможными средствами. И когда представился удобный случай, онъ съ сердечною своею готовностью дѣйствовалъ въ такомъ направленіи, чтобы на святѣйшій Александрійскій престолъ, оказавшійся вакантнымъ послѣ кончины блаженнѣйшаго киръ Самуила, былъ избранъ никто другой, какъ именно блаженнѣйшій Косьма. Въ какой мѣрѣ Григорій Гика помогалъ въ этомъ дѣлѣ своимъ стараніемъ и усердіемъ, онъ не находитъ нужнымъ много и говорить, оставляя писать объ этомъ другимъ, особенно же протосинкеллу киръ Ананіи. Когда же по благоволенію Божію блаженнѣйшій Косьма занялъ патріаршій александрійскій престолъ, какъ справедливость требовала и Гика искренно желалъ, онъ сильно этому обрадовался и теперь поздравляетъ его, молясь Господу Богу,

[35]) Ibid., 517—518.

чтобы онъ даровалъ его блаженству мирную жизнь и при совершенномъ здравіи и благополучіи доброе управленіе для благоустроенія христіанскаго общества. Но Гика считаетъ нужнымъ довести до свѣдѣнія его блаженства, что въ предшествующее время онъ далъ въ долгъ святѣйшему Александрійскому престолу пятьсотъ гросіевъ, какъ подтверждаетъ и находящееся у него долговое обязательство покойнаго патріарха Самуила,—и проситъ блаженнѣйшаго Косьму позаботиться объ уплатѣ этого долга, какъ объ этомъ пишетъ его блаженству и протосинкеллъ киръ Ананія. Въ заключеніе Гика проситъ патріарха и впредь разрѣшить ему оказывать, по мѣрѣ возможности и въ силу полной готовности, тѣ или иныя услуги святѣйшему Александрійскому престолу, такъ какъ онъ сохраняетъ неизмѣнное уваженіе къ блаженнѣйшему Косьмѣ, какъ къ духовному отцу своему во Христѣ. Онъ надѣется получить отъ него отвѣтъ на свое письмо, испрашиваетъ святительскихъ молитвъ и выражаетъ пожеланіе благополучія и многолѣтія [36]).

Въ свою очередь, іерусалимскій патріархъ Хрисанѳъ въ письмѣ къ блаженнѣйшему Косьмѣ отъ 20 сентября 1723 г. сообщалъ и слѣдующее.

«Двѣ почтенныя грамоты ваши мы получили, послѣ того какъ прибыли сюда (въ Константинополь), и, узнавши изъ нихъ, а равно изъ многихъ писемъ другихъ друзей вашихъ, о добромъ здоровьѣ вашемъ, мы очень обрадовались. Мы поняли и то, на что въ нихъ намекается, но на это болѣе уже нѣтъ нужды намъ отвѣчать, потому что нынѣ Богъ благоизволилъ (даровать) вамъ и свободу и вмѣстѣ возвышеніе... и мы въ настоящее время находимся здѣсь (въ Константинополѣ), но спустя нѣсколько дней, намѣрены отправится въ Валахію для услажденія и духовнаго благославенія высочайшаго, мудрѣйшаго и благочестивѣйшаго владыки и господаря г. Іоанна Николая Александра воеводы» и пр. [37]).

Наконецъ, 12 сентября 1723 года никомидійскій митрополитъ Паисій отправилъ блаженнѣйшему Косьмѣ поздравительное письмо, изъ котораго къ нашему предмету относится слѣдующій отрывокъ.

«Несомнѣнно, безпредѣльная благость Божія, взирающая

---

[36]) Ibid., 519—520.
[37]) Ibid., 520.

на столь великое терпѣніе и постоянство нашего блаженства, вложила въ сердце святѣйшаго нашего владыки и господина (Іереміи) и возлюбленнаго и превожделѣннаго брата и сослужителя вашего проявить такую заботу и попечительность и твердо настоять, чтобы послѣ кончины знаменитаго патріарха Александріи киръ Самуила опять возстановить ваше блаженство на святѣйшемъ этомъ престолѣ. И вотъ его святѣйшество, по собственному доброму расположенію, созвалъ чрезвычайный соборъ,—при чемъ съ нимъ засѣдалъ и блаженнѣйшій и святѣйшій патріархъ Антіохіи киръ Аѳанасій, а блаженнѣйшій патріархъ Іерусалима заочно подалъ свое мнѣніе, такъ какъ вслѣдствіе болѣзни онъ не могъ быть вмѣстѣ съ ними, и присутствовали также пребывающіе здѣсь (въ Константинополѣ) собратья архіереи, великій драгоманъ, клирики и избранные архонты государства (ἐκκρίτων ἀρχόντων τῆς πολιτείας),—и закончилъ рѣшеніемъ это дѣло и возстановилъ ваше блаженство на святѣйшемъ престолѣ Александріи, въ *двѣнадцатый день* настоящаго мѣсяца (сентября). Больше всѣхъ собратьевъ архіереевъ въ этомъ дѣлѣ потрудился и помогъ собрать митрополитъ Иракліи (Каллиникъ), который кланяется вашему блаженству и лобызаетъ святую вашу десницу [38]).

Такимъ образомъ, изложенные документы въ достаточной степени уясняютъ вопросъ объ избраніи александрійскаго пастыря Косьмы II. Оно состоялось 12 сентября 1723 года [39]) въ Константинополѣ, при участіи церковнаго собора. Предсѣдателемъ послѣдняго былъ вселенскій патріархъ Іереміи III, который принялъ большое участіе въ судьбѣ синайскаго изгнанника, бывшаго вселенскаго патаіарха Косьмы, и много содѣйствовалъ его избранію на александрійскую каѳедру. Изъ частнаго письма никомидійскаго митрополита Паисія видно, что патріарху Іереміи принадлежалъ, можно сказать, починъ, въ этомъ избраніи и онъ оказалъ даже нѣкоторое давленіе на соборъ, настоявъ, чтобы выборъ палъ именно на Косьму. А патріаршее и синодальное посланіе, отправленное Косьмѣ изъ Константтнополя на Синай свидѣтельствуетъ, что патріархъ Іеремія былъ проникнутъ особымъ уваженіемъ къ Косьмѣ и считалъ его несчастнымъ страдальцемъ, подвергшимся тяж-

---

[38]) Ibid., 520—521.

[39]) Г. *Мануилъ Гедеонъ* неправильно относитъ патріаршество Косьмы къ 1717—1738 годамъ (Πατριαρχικοὶ πίνακες 622).

кому изгнанію на Синай безъ достаточной вины. Такое расположеніе къ Косьмѣ создалось въ связи съ оставленіемъ имъ вселенскаго престола. которое произошло вслѣдствіе экономическихъ затрудненій въ патріархіи [40]). Притязаніе же Косьмы на александрійскій престолъ при законномъ патріархѣ Самуилѣ Капасули, повидимому, оцѣнивалось и патріархомъ Іереміею безъ ущерба для достоинства Косьмы и согласно съ установившеюся въ Константинополѣ традиціею, также благопріятною для послѣдняго. По крайней мѣрѣ, въ изложенныхъ документахъ рѣчь идетъ и о возстановленіи Косьмы на александрійскомъ престолѣ, т. е. допускается мысль о законности перваго его вступленія на этотъ престолъ. Но нашъ взглядъ на вопросъ уже извѣстенъ, и мы полагаемъ, что и патріахъ Іеремія III въ данномъ отношеніи скорѣе симпатизировалъ константинопольской практикѣ избранія александрійскихъ патріарховъ, чѣмъ расцѣнивалъ отмѣченныя притязанія Косьмы съ канонической точки зрѣнія. А затѣмъ Косьма, какъ вселенскій патріархъ, пострадалъ невинно. и это обстоятельство являлось для патріарха Іереміи дополнительнымъ побужденіемъ. чтобы вознаградить его соотвѣтствующимъ образомъ,— тѣмъ болѣе, что па костантинопольскомъ престолѣ Косьма оказался вполнѣ достойнымъ предстоятелемъ церкви, да и въ другихъ отношеніяхъ былъ безукоризненъ. Вообще, расположеніе патріарха Іеремія III къ Косьмѣ много говоритъ въ пользу личныхъ качествъ послѣдняго, а вмѣстѣ съ тѣмъ оно объясняетъ и дѣятельность константинопольскаго собора, избравшаго его на александрійскій престолъ.

Сторонникомъ Косьмы былъ іерусалимскій патріархъ Хрисанѳъ, находившійся съ нимъ въ перепискѣ и тогда, когда Косьма проводилъ жизнь изгнанника на Синаѣ. Повидимому, Косьма просилъ патріарха Хрисанѳа позаботиться и объ освобожденіи его, и о служебномъ возвышеніи и встрѣчалъ сочувствіе со стороны этого патріарха, который потомъ поспѣшилъ привѣтствовать Косьму съ избраніемъ на александрійскій патріаршій престолъ.

Съ участіемъ относился къ бывшему вселенскому патріарху и антіохійскій патріархъ Аѳанасій, также присутствовавшій на константинопольскомъ избирательномъ соборѣ 1723 года, а равно и нѣкоторые митрополиты великой Христовой церкви,

---

[40]) М. Γεδεών, Πατριαρχικοὶ πίνακες, 621—622.

особенно же Каллиникъ ираклійскій и Паисій никомидійскій. Затѣмъ, архонтъ и великій драгоманъ Порты Григорій Гика рекомендуетъ себя въ привѣтственномъ письмѣ Косьмѣ давнимъ его почитателемъ и другомъ,—хотя не забылъ въ томъ же письмѣ напомнить о денежномъ ему долгѣ, сдѣланномъ патріархомъ Самуиломъ Капасули.

Вообще, въ Константинополѣ было довольно значительное количество сторонниковъ и почитателей бывшаго вселенскаго патріарха Косьмы, которые и постарались обезпечить ему успѣхъ въ дѣлѣ вступленія на александрійскій патріаршій престолъ. Но документы ничего не говорятъ объ участіи въ этомъ дѣлѣ Мануила Ипсиланти, ученика патріарха Косьмы,—который,—по сообщенію историка Аѳанасія Комнина Ипсиланти, — особенно содѣйствовалъ своему учителю занять александрійскій престолъ.

Что касается собора, то, по свидѣтельству документовъ, онъ состоялъ изъ лицъ духовныхъ и мірянъ. Кромѣ трехъ патріарховъ и пятнадцати митрополитовъ, въ составъ собора входили почетнѣйшіе клирики великой Христовой церкви, или патріаршіе архонты, великій драгоманъ Порты архонтъ Григорій Гика, архонты капукехагья, служившіе посредниками въ сношеніяхъ патріархіи съ Портою, и другіе почетные архонты, бывшіе представителями отъ населенія столицы и принадлежавшіе къ знатнымъ греческими фамиліямъ. Міряне и клирики, наравнѣ съ патріархами и митрополитами, участвовали въ оцѣнкѣ достоинствъ намѣченныхъ кандидатовъ патріаршества и подавали свои голоса. Несомнѣнно, константинопольскій избирательный соборъ 1723 года имѣлъ три засѣданія, въ первомъ изъ которыхъ намѣчались кандидаты, во второмъ были избраны три наиболѣе достойныхъ кандидата, а въ третьемъ состоялось уже окончательное избраніе одного изъ трехъ лицъ, именно киръ Косьмы, который и былъ объявленъ александрійскимъ патріархомъ. Къ сожалѣнію, протоколъ избранія Косьмы неизвѣстенъ, но избирательный процессъ имѣлъ, конечно, указанную послѣдовательность. Не подлежитъ также сомнѣнію и то, что клирики и міряне принимали участіе только въ двухъ первыхъ засѣданіяхъ избирательнаго собора, третій же актъ, самый существенный и важный, происходившій въ храмѣ св. Георгія, съ призываніемъ Духа Святого, состоялся при участіи исключительно патріарховъ и митрополитовъ. Такая избирательная практика была господствующею

въ Константинопольской церкви и она же имѣла примѣненіе и при избраніи блаженнѣйшаго Косьмы.

Совершивъ актъ избранія Косьмы и объявленія въ патріаршемъ достоинствѣ, вселенскій патріархъ Іеремія и соборъ отправили извѣстительную объ этомъ грамоту самому Косьмѣ и патріаршее и синодальное посланіе клиру и народу Александрійской церкви. Кромѣ того, вселенскій патріархъ получилъ султанскій бератъ на имя Косьмы, признававшій послѣдняго законнымъ александрійскимъ патріархомъ и регламентировавшій его права и преимущества, и также препроводилъ его новому предстоятелю Александрійской церкви. Свѣдѣніе о бератѣ важно въ томъ отношеніи, что удостовѣряетъ первенство вселенскаго патріарха, сравнительно съ остальными восточными патріархами, въ представительствѣ предъ султанами и Портою, а вмѣстѣ и его отвѣтственность предъ турецкимъ правительствомъ за всѣхъ христіанъ оттоманской имперіи. Всякій разъ какъ патріархамъ александрійскому, антіохійскому и іерусалимскому предстояла необходимость заочно выступать предъ султанами и Портой съ тѣми или другими своими ходатайствами, они совершали это чрезъ посредство вселенскаго патріарха, какъ перваго по чести между ними, жившаго въ столицѣ имперіи и пользовавшагося преимущественными правами и привилегіями не только церковнаго, но и гражданско-политическаго характера. Онъ былъ всеобщимъ «этнархомъ» ромеевъ, защитникомъ ихъ и покровителемъ въ дѣлахъ и церковнаго, и гражданскаго порядка.

Почему же избраніе александрійскаго патріарха Косьмы совершилось въ Константинополѣ и какъ слѣдуетъ оцѣнивать этотъ фактъ въ связи съ правами автокефальности Александрійской церкви?

Отвѣтъ на первый вопросъ содержится въ представленныхъ выше документахъ. Такъ, въ патріаршемъ и синодальномъ посланіи, отправленномъ въ сентябрѣ 1723 года изъ Константинополя въ Александрію, сказано, что на вселенскомъ патріаршемъ престолѣ лежитъ неизбѣжная обязанность неусыпно бодрствовать, пещись и заботиться о всѣхъ православныхъ церквахъ, идти къ нимъ на помощь въ случаѣ нужды, простирать руку братскаго содѣйствія, когда онѣ оказываются въ затрудненіи и не могутъ собственными силами и средствами устранить препятствія на пути ихъ мирной жизни и внутренняго благосостоянія. Эта привилегія вселенскаго престола ве-

детъ свое начало отъ византійской эпохи, была засвидѣтельствована въ извѣстномъ правовомъ памятникѣ IX вѣка «Эпанагогѣ», гдѣ константинопольскому патріарху приписывается прономія наблюдать и исправлять разногласія, происходящія и въ остальныхъ престолахъ, и полагать конецъ судамъ [41]), и возникла въ силу первенства чести, присущаго вселенскому патріаршему престолу. Въ прономіи «наблюдать и исправлять» (ἐπιτηρεῖν καὶ διορθοῦσθαι) не было никакой папистической тенденціи вселенскаго патріарха, который никогда ни de jure, ни de facto не стремился къ подчиненію себѣ остальныхъ патріаршихъ престоловъ и къ лишенію ихъ правъ автокефальности. Эта прономія выражалась не въ насильственномъ вмѣшательствѣ патріарха въ дѣла иной церкви, а въ братскомъ ей содѣйствіи въ затруднительномъ положеніи и въ стремленіи придти на помощь въ интересахъ этой церкви. Она обусловливалась, съ одной стороны, братскою взаимопомощью болѣе сильнаго и благоустроеннаго престола своему слабому и находившемуся въ нуждѣ собрату, а съ другой стороны—просьбою этого послѣдняго о помощи, обращенною къ вселенскому патріарху и засвидѣтельствованною прямымъ и рѣшительнымъ заявленіемъ о невозможности собственными силами и средствами выдти изъ затруднительнаго положенія. Значитъ, помощь эта нужна была, прежде всего, той церкви, которая просила о содѣйствіи и которой принадлежалъ и починъ въ приглашеніи вселенскаго патріарха къ участію въ томъ или другомъ ея дѣлѣ. Вселенскій престолъ могъ принять или не принять такое приглашеніе, и если онъ шелъ на встрѣчу назрѣвшей нуждѣ, то никогда не имѣлъ въ виду проявить свои папистическія и вообще властолюбивыя притязанія въ отношеніи къ искавшей его помощи церкви, а преслѣдовалъ интересы, прежде всего, этой помѣстной церкви, а затѣмъ—и всей греко-восточной церкви, всего православнаго міра, благо котораго неразрывно связано съ благосостояніемъ каждой автокефальной церкви въ отдѣльности. Но странно было бы иное—отрицательное отношеніе вселенскаго престола къ нуждамъ и запросамъ восточныхъ патріарховъ: оно несогласно ни съ правовыми нормами, ни съ требованіями жизни. Вѣдь если восточные патріархаты сохранили до настоящаго времени свое

---

[41]) *Epanagog* Basilii, Leonis et Alaxandri, τ. III, § 10, σ. 68. Edidit *Zachariae a Lingenthal.* Lipsiae 1852.

существованіе и автокефальное достоинство, то этимъ они весьма много обязаны и константинопольскому патріаршему престолу, который всегда шелъ на встрѣчу ихъ нуждамъ и оказывалъ содѣйствіе всякій разъ, какъ они просили объ этомъ. Ясно, что не папистическими притязаніями побуждался константинопольскій патріархій престолъ и въ избраніи восточныхъ, въ частности александрійскихъ, патріарховъ, но руководился свою любовью къ каѳолической церкви, своимъ сознаніемъ всеобщаго братства и взаимопомощи въ важнѣйшихъ дѣлахъ. Вселенскій патріархъ Іеремія III такъ и мотивировалъ въ посланіяхъ свое участіе въ избраніи александрійскаго патріарха Косьмы, указавъ на необходимость для александрійской патріархіи нормальнаго церковнаго строя, возглавляемаго патріархомъ, на опасность для египетскихъ христіанъ остаться безъ архипастыря и на неотложную потребность духовнаго для нихъ руководителя.

Съ другой стороны, была и субъективная причина примѣненія патріархомъ Іереміею присущаго вселенскому престолу права содѣйствія и помощи Александрійской церкви. Она заключалась въ просьбѣ мѣстнаго духовенства и народа, которое, сознавая неотложную необходимость избранія новаго для себя архипастыря, но будучи сами безсильны благополучно рѣшить этотъ важный вопросъ, признали нужнымъ обратиться къ защитѣ и попеченію вселенскаго престола, предоставили ему право избранія новаго патріарха и какъ бы временно отказались отъ своего полномочія въ этомъ важномъ дѣлѣ. Ясно, значитъ, что и сами христіане Египта были совершенно далеки отъ мысли о папистическихъ притязаніяхъ вселенскаго престола и о посягательствѣ его на автокефальность Александрійской церкви, но держались того возрѣнія, что со стороны Константинопольской церкви имъ будетъ оказана лишь помощь въ затруднительномъ положеніи. Насколько уважались вселенскимъ престоломъ автокефальныя права Александрійской церкви, это видно и изъ того, что послѣ избранія патріарха Косьмы, произведеннаго въ Константинополѣ, весь мѣстный соборъ обратился къ духовенству и народу Египта съ особымъ посланіемъ, въ которомъ, изложивъ обстоятельства избранія Косьмы, увѣщеваетъ ихъ признать послѣдняго своимъ законнымъ патріархомъ, съ любовью встрѣтить его и оказывать всѣ знаки почтенія и уваженія. Очевидно, это избраніе не имѣло абсолютнаго для христіанъ Алексан-

дрійской церкви значенія не только съ точки зрѣнія этихъ послѣднихъ, но и по суду самой Константинопольской церкви. И въ этомъ отношеніи отпадаетъ мысль о какомъ-либо папистическомъ смыслѣ факта избранія александрійскаго патріарха въ Константинополѣ. Въ этомъ фактѣ проявилось братское содѣйствіе и помощь александрійскому престолу, безъ всякаго ущерба для его автокефальности, по просьбѣ мѣстныхъ христіанъ, въ интересахъ Александрійской церкви и для блага духовной ея паствы. Вотъ истинный смыслъ разсматриваемаго факта, исключающій, съ одной стороны, идею о папизмѣ константинопольскаго патріарха и о произвольномъ его вмѣшательствѣ въ дѣла этой церкви, а съ другой—какое либо приниженіе и умаленіе автокефальныхъ правъ православной Александрійской церкви.

Патріархъ Косьма II скончалсявъ 1737 году.

* * *

Преемникомъ Косьмы II на александрійскомъ патріаршемъ престолѣ былъ *Косьма III* (1737—1746 г.), занимавшій до патріаршества писидійскую митрополичью каѳедру въ константинопольскомъ патріархатѣ. Въ одномъ «Патріаршемъ каталогѣ александрійскихъ патріарховъ» сообщается, что Косьма въ 1738 году (sic) оставилъ своимъ преемникомъ Косьму II» (sic) [42]). Въ этомъ краткомъ сообщеніи допущены три ошибки: изъ нихъ самою важною нужно считать вторую, именно ту, которую повторилъ и русскій ученый Х. М. Лопаревъ въ своемъ очеркѣ александрійскихъ патріарховъ. Въ послѣднемъ относительно вступленія Косьмы III на александрійскій патріаршій престолъ сообщается слѣдующее: «Предъ смертью патріархъ Косьма II своимъ преемникомъ *назначилъ* (sic) также Косьму» [43]). Въ дѣйствительности же избраніе Косьмы III состоялось въ Константинополѣ на соборѣ іерарховъ, въ присутствіи клириковъ столицы и свѣтскихъ представителей отъ христіанъ Александрійской церкви, причемъ сохранившійся протоколъ этого избранія ничего не говоритъ о выраженной патріархомъ Косьмой II волѣ относительно его преемника въ лицѣ писидійскаго митрополита Косьмы, а тѣмъ болѣе въ

---

[42]) Епископъ *Порфирій Успенскій*, Александрійская патріархія I, 14.
[43]) Тамъ-же, стр. *С*.

немъ нѣтъ рѣчи о «назначеніи» такого преемника. Въ протоколѣ, къ сожалѣнію, нѣтъ хронологической даты относительно избранія Косьмы III, но изъ поздравительнаго письма къ нему кипрскаго архіепископа Филоѳея, датированнаго 18 октября 1737 года, вытекаетъ, что его избраніе на александрійскій патріаршій престолъ нужно относить къ августу или сентябрю этого года [44]).

Что касается протокола объ избраніи Косьмы, то онъ начинается вступленіемъ, имѣющимъ принципіальное значеніе. Всякое предстоятельство и власть,—говорится здѣсь,—необходимо предполагаютъ особаго предстоятеля и начальника и обыкновенно относятся къ покровительствуемымъ: вѣдь то и другое находится въ связи и невозможно, чтобы одно изъ этого существовало и оставалось помимо другого, но то и другое существуетъ совмѣстно другъ съ другомъ и, пребывая, при посредствѣ общенія, въ правильномъ взаимоотношеніи и руководительствѣ, прямымъ путемъ направляется къ прочному и безопасному состоянію. Церковное же предстоятельство тѣмъ болѣе не можетъ продолжаться безъ предстоятеля, потому что очень серьезной опасности подвергаются души, нуждающіяся въ спасающемъ руководительствѣ предстоятеля для блаженной, вожделѣнной и по истинѣ спасительной цѣли, дабы онѣ, оказавшись одинокими, не подверглись кознямъ врага и не уклонились отъ цѣли своихъ стремленій. Посему устроители церкви, богоносные и богопросвѣщенные отцы, упорядочивъ дѣла церкви по присущей имъ попечительности епистомонарховъ (ἐπιστημοναρχικαῖς προνοίαις), сдѣлавъ прекрасныя постановленія о всемъ и апостольски явивши примѣръ непрестаннаго служенія Господу, канонически узаконили, чтобы церковь на продолжительное время не оставалась безъ пастыря, но заботилась всѣми средствами объединить пастыря съ паствой и назначить попечителя душъ для нуждающихся въ духовномъ попеченіи: вѣдь если тѣло не можетъ безъ головы жить и двигаться, то тѣмъ болѣе церковь, будучи лишена духовнаго главы, не могла бы жить и дѣйствовать духовно.

Такъ какъ,—продолжается въ протоколѣ рѣчь относительно избранія патріарха Косьмы III,—святѣйшій патріаршій и апо-

---

[44]) Епископъ *Порфирій Успенскій*, Александрійская патріархія. I, 37 20—25, 38 4.

стольскій престолъ великаго города Александріи остался безъ законнаго предстоятеля и духовнаго руководителя и пастыря,—послѣ того какъ патріаршествовавшій здѣсь блаженно-почившій киръ Самуилъ [45]) освободился отъ здѣшней жизни и переселился въ вѣчныя обители,—то тамошное *православное общество и честый клиръ* святѣйшаго онаго престола, оставшись безъ предстоятеля и пастыря, подвергаясь вообще неблагопріятнымъ обстоятельствамъ времени и находясь внѣ временнаго взаимнаго единенія, будучи и не въ состояніи уврачевать свое страданіе и возстановить своего главу, имѣя нужду въ помощи и человѣколюбивомъ содѣйствіи со стороны превосходящей и большой силы, *послали общее письменное прошеніе къ великой Христовой церкви* и къ святѣйшему и вселенскому ея престолу,—какъ къ общей матери и каѳолической власти и главѣ, отъ которой всѣ, повсюду существующія церкви, епархіи и престолы и находящіеся въ нихъ общества православныхъ получаютъ, когда призываетъ время и требуетъ нужда, надлежащую попечительность и помощь, — *прося и умоляя взять на себя заботу и поставить имъ архипастыря*, соотвѣтствующаго святѣйшему александрійскому престолу, достойнаго для духовнаго его управленія и способнаго къ евангельскому пастырству.

Въ виду этого, святѣйшій владыка и господинъ вселенскій патріархъ киръ Неофитъ VI взялъ на себя попеченіе объ апостольскомъ и святѣйшемъ александрійскомъ престолѣ, дабы распространить на него патріаршее покровительство, съ цѣлью утвержденія и руководительства духовной его паствы, и не оставить Александрійскую церковь на долгое время лишенною главы, но насколько возможно скорѣе ввѣрить ее управленію достойнаго пастыреначальника и патріарха, какъ въ силу состоявшейся усиленной просьбы посредствомъ общаго прошенія тамошнихъ христіанъ, такъ и въ силу каноническихъ прономій, которыми вселенскій престолъ пользуется на основаніи соборныхъ и царскихъ узаконеній о томъ, чтобы престолъ, превосходящій и возвышающій своимъ достоинствомъ и могу-

---

[45]) Въ протоколѣ допущена ошибка: Косьма III былъ преемникомъ патріарха Косьмы II, скончавшагося въ 1737 году, а не Самуила Капасули, умершаго въ 1723 году. Ошибка сохранена и въ надписаніи протокола, принадлежащемъ ученому его издателю, архимандриту (нынѣ митрополиту) Каллинику Деликани.

ществомъ, сочувственно, человѣколюбиво и съ полнымъ расположеніемъ простиралъ руку помощи, когда ея ищутъ святыя, повсюду находящіяся церкви, приводилъ въ порядокъ и устроялъ надлежащее для прочихъ патріаршихъ престоловъ. И было рѣшено, что должно состояться общее и синодальное объ этомъ разсужденіе, дѣло же должно быть исполнено и закончено посредствомъ точнаго разсмотрѣнія и изслѣдованія путемъ разумнаго и богобоязненнаго къ нему отношенія, и должно быть общее и единогласное избраніе лица примѣнительно къ высокому значенію и достоинству александрійскаго престола и въ связи съ существующими нынѣ временными его нуждами и обстоятельствами, требующими соотвѣтствующаго кормчаго.

И вотъ, когда былъ созванъ чрезвычайный соборъ подъ предсѣдательствпмъ его святѣйшества и при участіи въ засѣданіи блаженнѣйшаго и святѣйшаго патріарха іерусалимскаго киръ Мелетія вмѣстѣ съ находившимися въ Константинополѣ архіереями, въ присутствіи и благочестиваго клира этой столицы городовъ, а также и почетнѣйшихъ представителей цеха мѣховщиковъ, состоявшихъ епитропами и епитиритами (попечителями) христіанъ, живущихъ въ предѣлахъ александрійскаго престола, то общимъ и единогласнымъ мнѣніемъ и рѣшеніемъ исключительно всѣхъ присутствовавшихъ на соборѣ, послѣ предварительнаго предложенія вопроса и достаточнаго совмѣстнаго его обсужденія съ надлежащею внимательностью и божественною ревностью, было одобрено подать каноническіе голоса съ цѣлью совмѣстно найти и избрать достойное уваженія и способное, соотвѣтствующее и заслуживающее патріаршей александрійской каѳедры лицо, которое, достойно занявши ее, могло бы словомъ и благоразуміемъ упасти мѣстную духовную паству и управить съ пользою, призвать и успокоить ее, притѣсняемую и обремененную многими возникшими нуждами.

«И вотъ, когда по общему соглашенію и единодушію произошло избраніе (т. е. трехъ кандидатовъ),—заключаетъ рѣчь протоколъ,—мы, пребывавшіе въ Константинополѣ архіереи, получивши согласіе и разрѣшеніе отъ его святѣйшества, собрались въ пречестномъ патріаршемъ храмѣ св. славнаго великомученника Георгія Побѣдоносца и Чудотворца и, подавши каноническіе голоса для указанія и избранія почтеннаго и достойнаго лица, которое должно будетъ принять патріаршее

предстоятельство святѣйшаго александрійскаго престола, первымъ избрали высокопреосвященнтго митрополита бывшаго писидійскаго киръ Косьму, вторымъ киръ . . . и претьимъ киръ . . . Посему и въ удостовѣреніе этого и для несомнѣнности имена ихъ и были записаны въ этомъ священномъ кодексѣ великой Христовой церкви» [46]) *).

И. Соколовъ.

---

[46]) Ἀρχιμ. Καλλίνικος Δελικάνης Τὰ ἐν τοῖς κώδιξι τοῦ Πατριαρχικοῦ Ἀρχειοφυλακείου κτλ. II, 33—36.

*) Продолженіе слѣдуетъ.

Письма архіепископа (Рязанскаго, † 11 ноября 1863 г.) Смарагда (Крыжановскаго) къ архимандриту Іероѳею (Добрицкому, † 30 ноября 1882 г.) изъ Орла, С.-Петербурга и Рязани (1847—1863 г.г.) *).

---

35 (18) [1]).

†

Слава Богу! теченіе прошедшаго года совершили, и новый начали мы благополучно. Подъ 1-е Генваря прибылъ на подворье и Мценскій прошакъ Авксентій, но его отправилъ я къ здѣшнему Епархіальному Начальству, для испрошенія дозволенія ходить съ книгой по столицѣ. Рукоположеніе въ Іеромонаха отложилъ я до того времени, когда усмотрится дѣйствительное усердіе къ порученному ему, Авксентію, дѣлу. Спѣшить съ возложеніемъ рукъ Апостолъ возбраняетъ [2]).

Писалъ я и къ Губернатору, прося его оказать усердное способствованіе къ предлежащему Дворянствомъ благоустройству несчастнаго (: по истинѣ) Каѳедральнаго Собора. Вы же лѣнтяя Бутягиня въ семъ случаѣ къ должной дѣятельности побуждайте [3]). Вотъ скоро (: но не ранѣе 20 Ген-

---

*) Продолженіе. См. іюль—августъ.

[1]) Выдержка изъ этого письма приводится въ „Воспоминаніяхъ“ о. *Іероѳея* (л. 64 об. Кіев. ред. и л. 64 об.—65 Ряз. ред.), который поясняетъ, что Смарагдъ тутъ „извѣщаетъ о прибытіи (въ Спб.) изъ бывшей тогда въ его (Іероѳея) вѣдѣніи Мценской Обители за милостынею и для рукоположенія Іеродіакона Авксентія въ Іеромонаха“.—См. о немъ и письмо 42.

[2]) См. 1. Тим. V, 22.

[3]) *Бутягинъ* — каѳедральный протоіерей и первенствующій членъ Орловской Дух. Консисторіи. См. письма 33, 36, 38 и 40.

варя) прибудетъ въ Орелъ и Благочинный Каѳедральнаго Собора, О. Митрофанъ [1]). Я надѣюсь, что онъ станетъ дѣлать настоятельное побужденіе кому и въ чемъ слѣдуетъ изъ Соборянъ, совершенно распущенныхъ нерадивымъ Протоіереемъ, который даже не смотритъ за правильнымъ веденіемъ приходо-расходныхъ книгъ по Собору пресловутымъ Григоріемъ Ивановичемъ [2]). Каковый безпорядокъ не терпимъ даже въ послѣдней приходской Церкви, а по Собору необходимо долженъ быть наказанъ отрѣшеніемъ отъ мѣстъ виновныхъ злоупотребителей.

Что касается до нашего подворья, то въ немъ все пока благополучно. Небольшія хворости живущихъ въ немъ проходятъ отъ предпріемлемыхъ врачебныхъ пособій. Дай Богъ Крещеніе проводить и на Іордань безпростудно сходить! Здѣсь поговариваютъ о войнѣ съ Англичанами и о наборѣ. Но Господь да вознаградитъ насъ всеобщимъ миромъ и благоденствіемъ!

Преосвящ. Григорій [3]) чрезъ весь праздникъ боленъ. Доктора запретили ему не только чемъ-либо заниматься, но даже и посѣтителей принимать не велятъ. Ему уже 70-й годъ, и онъ сдѣлался довольно дряхлъ, но еще хочетъ быть дѣятельнымъ.

Посылаю Вамъ брошюру *о стологаданіи*. Это выписка изъ письма Московскаго Преосв. Филарета, у коего изволила спрашивать по сему предмету мнѣнія Государыня Императрица чрезъ Оберъ-Гофмейстера [4]).

Секретарю скажите благодарность за поздравленіе. Желаю ему быть дѣятельнымъ, безпристрастнымъ и болѣе привыкать къ Секретарской должности, для изученія коей и человѣческая жизнь не совсѣмъ достаточна.

Смир. Смарагдъ Архіеп. О. и С.

Генваря 2, по утру.
1854.—С.-Петербургъ.

---

[1]) См. письмо 21. Каѳедральный соборъ былъ выдѣленъ изъ градскаго благочинія, и къ нему назначенъ благочиннымъ ректоръ Семинаріи о. Митрофанъ.

[2]) См. письма 34 и 35.

[3]) Постниковъ, архіепископъ Казанскій, род. въ 1784 г.; см. письмо 33.

[4]) Разумѣется выписка изъ письма м. Филарета въ С.-Петербургъ отъ 29 октября 1853 г. (см. Письма м. *Филарета* къ Намѣстнику Антонію III, Москва 1883, стр. 230), которое съ удовольствіемъ слушала Цесаревна Марія Александровна (ibid. III, стр. 232), а самая выписка „О стологаданіи“ напечатана отдѣльно въ количествѣ 1.200 экземпляровъ (ibid. III, стр. 240) и въ „Прибавленіяхъ къ Твореніямъ св. отцевъ“ ч. XII (1853 г.), стр. 641—646.

36 (19) [1]).

†

1854. Генв. 4.—по утру.
въ С.П.Б.

Теперь только молитесь о упокоеніи души представльшагося въ вѣчныя селенія Преосвященнаго Агапита, который оставилъ настоящее суетное житіе подъ 1-е число Генваря, въ часъ ночи, на 58 году отъ рожденія. Онъ былъ вѣрнѣйшимъ товарищемъ по Академіи! [2])

Протоіерею Бутягину [3]) и Секретарю моимъ именемъ прикажите, чтобъ прислали ко мнѣ немедленно черновый репортъ о состояніи Орловской Епархіи за 1853-й годъ, да поподробнѣе обо всемъ.

Вамъ предлагаю, чтобъ въ ледники навожено было въ Генварѣ полное количество льду, по прежнимъ примѣрамъ, и при томъ лучшаго качества. Живой живое думаетъ,—авось воротимся въ Орелъ!

Никакого не вижу отъ Васъ и отъ Секретаря движенія по дѣламъ о постройкахъ Домовыхъ и Консисторскихъ. Да и о прочихъ дѣлахъ *интересныхъ* по Дому не слышу, въ какомъ положеніи находятся.

Сейчасъ (въ 10-ть часовъ) ѣду въ Синодъ свидѣтельствовать Синодскія и Духовно-учебныя суммы за прошедшій годъ, совокупно съ Астраханскимъ [4]).

Помѣта: „Получ. 11 Генв. 1854 г.

37 (XVIII) [5]).

Никогда и ни въ какихъ случаяхъ не ускользала изъ ума и сердца Архипастыря [Смарагда] слава и благодареніе Богу и преданность его святой души волѣ Божіей, сколько уже и мы могли замѣтить. Такъ и нынѣ. *14 числа* того же *Генваря 1854 г.* въ письмѣ Преосвященный [Смарагдъ] говоритъ:

„Послѣ Іордани, на коей было 18 градусовъ съ вѣтромъ, я, слава Богу, чувствую себя не худо“.

---

[1]) Краткая выдержка изъ сего письма о преосвящ. Агапитѣ приводится въ „Воспоминаніяхъ“ о. *Іероѳея* (л. 54 об. Кіев. ред. и л. 53 об. Ряз. ред.).

[2]) См. письмо 9.

[3]) См. письма 33, 35, 38, 40 и 52.

[4]) *Евгеніемъ Баженовымъ*. См. письмо 22.

[5]) Выдержки сего письма взяты изъ „Воспоминаній“ о. *Іероѳея* (л. 66 об.—67 Кіев. ред. и л. 67 Ряз. ред.).

А извѣщая о кандидатахъ, на Томскую Епархію [1]) представленныхъ, говоритъ:

„Вѣроятно, жребій падетъ на перваго [2]). Впрочемъ, какъ Господу будетъ угодно".

При этомъ Архипастырь въ письмѣ своемъ побуждаетъ Инспектора Семинаріи О. И. [3]) къ дѣятельности, кротости, миролюбію и терпѣнію, и говоритъ:

„Я хочу вскорѣ рекомендовать его Святѣйшему Синоду на Ректорскую вакансію въ Семинарію, какую Господь укажетъ".

38 (20).

†

С.П.Б. 1854. февр. 6.

Сейчасъ пріѣхалъ я изъ Казанскаго Собора, въ коемъ было общее молебствіе. по случаю рожденія Великой Княжны *Вѣры* Константиновны [4]).

Обращаясь къ полученному мною письму Вашему, отъ 29-го Генваря, не нахожу словъ благодарить О. Ректора за побужденія по Консисторіи лѣнтяевъ: Бутягина [5]) и Демидова; а васъ не могу похвалить за то, что отказались принять на себя назначеніе помогать въ скорѣйшемъ дѣлопроизводствѣ по 1-му столу. А если всѣ такъ станемъ разсуждать, какъ вы, что мы-де *временные*: то и я долженъ бы былъ по Синоду отрекаться отъ всякихъ порученій, между тѣмъ какъ я все исполняю съ полнымъ усердіемъ. Да что тебѣ хочется? Быть постояннымъ членомъ? Если это совмѣстимо: то и будетъ [6]). Мнѣ ничего не стоитъ это сдѣлать. Прочіе же резоны *вашей лѣности и.... ти* (ваши выраженія) никуда не годятся, развѣ въ потачку безпечному Бутягину. Что въ немъ, что онъ *высокопочтенный* и *заслуженнный старецъ*?

---

[1]) Она освободилась послѣ преосвящ. Аѳанасія (Соколова), который 24 декабря 1853 г. былъ назначенъ архіепископомъ Иркутскимъ, потомъ былъ Казанскимъ (3 ноября 1856 г.—9 ноября 1866 г.) и скончался 1 января 1868 г.

[2]) Казанской Духовной Академіи Ректора [1852—1854 гг.] Архимандрита Парѳенія [Попова], который и возведенъ въ санъ епископа Томскаго [о. *Іероѳей*] — 14 марта 1854 г., а скончался архіеп. Иркутскимъ 31 марта 1863 года *[Н. Г]*. См. и письмо 49.

[3]) Иринарха; см. письма 12 и 39.

[4]) Нынѣ вдовствующей Герцогини Виртембергской, род. 4 февраля 1854 г.

[5]) См. письма 8, 36, 37, 40.

[6]) О. Іероѳей назначенъ былъ 18 октября 1853 г. членомъ Орловской Духовной Консисторіи, но—очевидно—временнымъ.

Онъ доказанный нерадивецъ и негоднѣйшій начальникъ. И ваши разсужденія дѣйствительно унижаютъ васъ, а не то, что вы пишете, что ваша помощь по 1-му столу могла бы служить *униженіемъ* Бутягину, пустѣйшему клеврету Григорія Ивановича.

Пишете, что Григорій Ивановичъ опять вторгся въ Соборъ, по милости вышеозначеннаго дурака, и Крузенштерна. Но первый — дуракъ безсильный, а Крузенштернъ пусть распоряжается по Одесской Киркѣ!..[1]) Мѣщанину жъ кулаку безсостоятельному нельзя быть церковнымъ старостой, безъ воли Архіерея. По всему слѣдуетъ Рушенкова[2]) оставить при Срѣтенской Церкви, а Толстопятову[3]) быть Ктиторомъ при Соборѣ.

Новаго Губернатора Софоновича хвалятъ. Онъ доселѣ былъ здѣсь Вице-Директоромъ Министерства Внутреннихъ дѣлъ; и я имѣю уже извѣстіе, что онъ скоро будетъ у меня, чтобъ познакомиться и получить нѣкія объ Орлѣ свѣдѣнія[4]).

Каковы у васъ приходы? У насъ—за Генварь—церковн.

---

[1]) Крузенштернъ Николай Ивановичъ, генералъ-маіоръ, былъ (послѣ С. Н. Муханова) Орловскимъ губернаторомъ въ 1852—1854 г.г. Объ немъ митр. *Филаретъ* писалъ 8 апрѣля 1852 г. Смарагду такъ (въ „Чтеніяхъ въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія“ 1871 г., XIII, стр. 43): „Не смущайтесь симъ страннымъ звукомъ фамиліи Вашего новаго губернатора. Не всегда русское имя звучитъ лучше въ дѣлѣ. Помню случай, что по дѣлу Саровскаго монастыря въ сенатѣ, сенаторы лютеране подали голоса въ пользу монастыря, а православные противъ него“. Надежды митр. Филарета относительно Крузенштерна, видимо, не оправдались въ Орлѣ, откуда онъ былъ переведенъ Одесскимъ военнымъ губернаторомъ, потомъ съ чиномъ генералъ-лейтенанта состоялъ сенаторомъ въ 1857—1860 г.г. (см. Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, т. LX, Спб. 1887, стр. 451*б*).

[2]) Вотъ этотъ-то Рушенковъ и есть, по всей вѣроятности, тотъ пресловутый Григорій Ивановичъ, о которомъ упоминается въ письмахъ 33 и 35.

[3]) Толстопятовъ былъ церковнымъ старостою при Богоявленской церкви г. Орла.

[4]) Объ этомъ губернаторѣ д. ст. с. (см. письмо 40 на стр.), преемникѣ Н. И. Крузенштерна, бывшемъ въ Орлѣ въ 1854—1861 г.г., *П. А. Россіевъ* пишетъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1909 г., № 8, стр. 416—417: „Въ концѣ вѣка о Сафоновичѣ вспоминали, когда хотѣли сравнить начальника губерніи съ песочными часами. Впрочемъ, по преданію, онъ былъ кротокъ и добродушенъ сообразно своимъ годамъ, число которыхъ, будто бы, равнялось лѣтамъ Нестора, когда этотъ послѣдній снаряжалъ 90 кораблей въ походъ на Трою! Изъ всѣхъ дѣлъ, запечатлѣнію въ потомствѣ подлежавшихъ, только одно переступило черезъ рядъ земскихъ давностей: черезчуръ поздняя женитьба его превосходительства“. Валеріанъ Ивановичъ Сафоновичъ благопріятствовалъ Смарагду и былъ на его сторонѣ въ дѣлѣ Семова (см. къ письму 47).

обращ. въ экономич. 208 р., 69 коп.; пѣвческой 123 р., Братской 189 р. 29 коп.—всего 499 р. 88 коп.—. Слышно, что бывшій старецъ Ярославскій Евгеній [1]) оставилъ Нилу [2]) 70 тысячъ рублей серебромъ суммы экономической и церковной по Ярославскому Архіерейскому Дому! При семъ случаѣ воспоминая обстоятельства рожденій Нила Исаковича, родившагося отъ бывой попадьи, чрезъ два года послѣ смерти мнимаго отца его, при Николаевской Могилевской церкви, при коей былъ Вонсевичъ, показывавшій мнѣ и нещастную метрику сію,—нельзя не согласиться съ утверждающими, что *незаконнорожденные* всегда бываютъ счастливѣе законныхъ дѣтей!!! [3]) Послушаютъ ли таковаго Нила Ярославскіе раскольники, узнавъ о бѣло-русничествѣ и рожденіи его???! А они любопытны!!

Французскій и Аглицкій посланники уже выѣхали изъ С.-Петербурга—первый съ орденомъ Александра Невскаго бриллiантовымъ, а послѣдній съ пашепортомъ. Начался совершенный разрывъ съ націями, коихъ они были представителями. И наши послы выѣзжаютъ изъ Парижа и Лондона. Никто не знаетъ, что Провидѣніе готовитъ въ будущемъ?..

Нареченіе Никодима [4]) во Епископа—10-го, а хиротонія—14-го чиселъ.—Смарагдъ Свѣнскій [5]) 8-го числа уѣзжаетъ въ Москву, гдѣ хочетъ быть около мѣсяца. Въ Питерѣ досталъ немного.

Вашъ благожелатель См., Архіеп. О. и С.

Бумагу прилагаемую отослать въ Консисторію.

---

[1]) Евгеній Казанцевъ, 24 декабря 1853 г. вышедшій на покой и жившій въ Москвѣ, въ управляемомъ имъ Донскомъ монастырѣ, † 27 іюля 1871 г. См. письмо 31.

[2]) Преосв. Нилъ былъ преемникомъ Евгенія по Ярославской каѳедрѣ, на которой и скончался 21 іюня 1874 г.

[3]) Ср. и у † архіеп. *Саввы*, Хроника моей жизни, т. IV (Св.-Тр. Сергіева Лавра 1902), стр. 824, гдѣ сообщается, что—по словамъ преосвящ. Леонида (Краснопѣвкова, † 15 декабря 1876 г. архіеп. Ярославскимъ)—митр. „Филаретъ не жаловалъ Нила за его слишкомъ свободныя сужденія и дѣйствія и за его роскошную жизнь", а—„сверхъ сего,—не разъ говорилъ, что Нилъ—епископъ *антиканоническій*, такъ какъ онъ незаконнорожденный". Ср. т. III (ibid. 1901), стр. 744—745, что Филоѳей (Успенскій), тогда архіеп. Тверской, былъ въ 1867 г. невысокаго мнѣнія о Нилѣ въ религіозно-нравственномъ отношеніи, а другіе думали (ibid. III, стр. 808), что у Нила были „золотые пріиски".

[4]) Никодима (Казанцева)—во епископа Чебоксарскаго, Викарія Казанской Епархіи, какимъ онъ назначенъ 30 января 1854 г., потомъ былъ епископомъ Енисейскимъ (съ 18 сентября 1861 г.), а 6 апрѣля 1870 г. уволился на покой и умеръ 11 іюня 1874 г.

[5]) См. письмо 19.

39 (21).

13 Февр. 1854 г. С.П.Б.

†

Возлюбленне!

Манифестъ о прекращеніи сношеній съ Англіею и Франціей прочитать по окончаніи Литургіи, безъ молебна; ибо это не есть еще объявленіе симъ державамъ войны. Даже, кажется, служить Вамъ въ Соборѣ, по этому случаю, ненужно. А читать Манифестъ должны всѣ причты, каждый въ своей церкви. Впрочемъ, снеситесь съ исправляющимъ должность Начальника Губерніи.

Кажется, вскорѣ О. Митрофанъ растанется съ Иринархомъ. Сему послѣднему предполагается поѣздка къ Преосвящ. Евлампію [1]), гдѣ можетъ онъ быть и настоятелемъ второкласнаго монастыря Знаменскаго. Впрочемъ, поберегите это въ секретѣ, ибо протокола еще не было, а по словесномъ разсужденіи часто бываютъ передоклады и перемѣны [2]). Я не знаю, чего еще лучше желать ему? Господня земля и исполненіе ея [3]).

Астраханскій Вассіанъ [4]) предполагается къ переводу въ Черниговскую Семинарію (конечно не для поправленія ея) и въ Елецкій 1-о классный монастырь!!. Правда, что служба его не мала, но его простота хуще воровства..... Еще кое-что писано и О. Митрофану, съ коимъ снеситесь, если желаете. Заутра — хиротонисанія и большой праздникъ у Митрополита [5]). Астраханскій сильно нападаетъ на Преосв. Аполлинарія, и препятствуетъ его ходу [6]). Бѣда нажить подобнаго недоброжелателя! Vale!

См., А. О. и С.

Помѣта: „Получ. 18 февр. 1854 г.

---

[1]) Такъ это и случилось: см. письмо 12.

[2]) Архіепископу Тобольскому (съ 13 іюня 1852 г.) *Евлампію Пятницкому* († 12 марта 1862 г.).

[3]) Псал. XXIII, 1.

[4]) Архим. Вассіанъ (Чудновскій), съ 1 сентября 1842 г. инспекторъ Астраханской Дух. Семинаріи, 28 февраля 1846 г.—21 февраля 1854 г. ректоръ, † 3 января 1881 г. епископомъ Пермскимъ (см. о немъ у *Н. Ф. Леонтьева*, Краткій очеркъ исторіи Астраханской Духовной Семинаріи, Астрахань 1892; въ „Астраханскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ“ 1893 г., № 14—15, стр. 401—409 и въ предвареніи книги: Описаніе Астраханскаго второкласснаго Спасо-Преображенскаго мужскаго монастыря, составленное въ 1851 году настоятелемъ сего монастыря Архимадритомъ Вассіаномъ, Астрахань 1893, стр. I—IX).

[5]) Ср. письмо 40 на стр.

[6]) *Аполлинарій Вигилянскій*, епископъ Чигиринскій, викарій Кіевской митрополіи († 10 января 1858 г.), былъ въ 1834—1845 г. ректоромъ Астра-

40 (22).

Февраля 20. 1854. С.-Петербургъ.

Господину Архимандриту Іерооею препосылаемъ привѣтствіе съ наступленіемъ Четыредесятницы, и желаемъ душевнаго спасенія!

18-го числа сего Февраля былъ у меня съ визитомъ новый Орловскій губернаторъ Валеріанъ Ивановичъ Сафоновичъ, а вчера 19 числа и я былъ у него [1]). Онъ уѣзжаетъ изъ С.-Петербурга на второй недѣлѣ великаго поста. Хотѣлъ ѣхать на третьей; но Министръ побуждаетъ къ скорѣйшему отъѣзду. Человѣкъ, повидимому, смирный и по всему добропорядочный! Нечего наставлять Васъ, чтобъ *вы*, *Консистористы* съ Секретаремъ, на другой или на третій день по пріѣздѣ въ Орелъ поздравили его со вступленіемъ въ управленіе губерніей. Такъ водится! Онъ мнѣ сказывалъ, что проѣздомъ нѣсколько дней въ Москвѣ пробудетъ.

Не удивляетъ меня окаянство дворянъ, вами описываемое. Зная ихъ духъ (: а они всѣ похожи на вашего, безсмѣннаго Мценскаго Предводителя:), я не сомнѣвался, что они и теперь такъ же поступятъ съ Павловскимъ Соборомъ, какъ поступили прежде [2]). По крайней мѣрѣ я теперь спокоенъ... Колокола необходимо снять съ новой колокольни, и повѣсить на столбахъ при Борисо-Глѣбскомъ Соборѣ, коему принадлежатъ онѣ. Скажите Протопопу, чтобъ о семъ прислалъ ко мнѣ отъ Собора представленіе, съ поясненіемъ нужнаго.

Пора уже и Коринскому сломать горделивые рога̀, и освободить Покровскую Церковь отъ его сатанинской (по истинѣ) злобы и безсильнаго мщенія... [3]) Однакожъ NB: дѣло

ханской Дух. Семинаріи (см. у *Н. Ф. Леонтьева*, Краткій очеркъ исторіи Астраханской Духовной Семинаріи, стр. 18)—при Астраханскомъ архіепископѣ Евгеніи Баженовѣ.

[1]) См. письмо 38.

[2]) См. письма 26, 30, 31, 34 и 36.

[3]) Въ вѣдомостяхъ объ Орловской Семинаріи (тогда въ г. Сѣвскѣ) за 1807 г. значится: Классъ риторики—Петръ Коринскій, Орловской округи, села Тачина, умершаго священника Алексѣя сынъ; лѣтъ 16 (значитъ, родился въ 1791 году), въ Семинарію поступилъ въ 1802 г. Нрава добраго, поведенія честнаго. Довольно прилеженъ, успѣховъ похвальныхъ". Учился онъ при ректорахъ Филаретѣ Амфитеатровѣ (1802—1804 г.г.) и Діонисіи Цвѣтаевѣ (1805—1811 г.г., послѣ епископомъ Пермскомъ, † 1846 г.), а изъ учителей его особенно извѣстенъ Тимоөей Семеновичъ Крыловъ переводы котораго надѣлали ему много хлопотъ (впослѣдствіи былъ учителемъ Спб. Армейской Семинаріи, † 1846 г.). Въ клировской вѣдомости Покровской г. Орла церкви за 1861 г. записано слѣдующее. „Протоіерей Петръ Алексѣевичъ Коринскій—священническій сынъ; обучался въ Орловской Духовной Семинаріи всѣмъ преподавае-

сіе нужно весть по Консисторіи со всею основательностію; ибо, по строптивости Коринскаго, оно безъ сомнѣнія не ми-

мымъ въ ней наукамъ. По окончаніи курса Богословскихъ наукъ 1815 г. февраля 14 дня рукоположенъ въ діакона, а 21 дня, того же мѣсяца, во священника къ Орловской Градской Покровской церкви; 1821 года, августа 1-го дня, благословленъ набедренникомъ и за безпорочное поведеніе и за усердное прохожденіе должности священнической того же дня произведенъ въ протоіерея и оставленъ при той же церкви. 1822 года генваря 6-го дня по испрашиванію отношеніемъ Харьковскаго Университета учителемъ Закона Божія въ Орловское Гражданское училище, Епархіальнымъ Начальствомъ опредѣленъ въ показанное училище и по собственому желанію и прошенію уволенъ отъ сей должности съ полученіемъ за 25 лѣтнее прохожденіе этой пенсіи. Сверхъ того, ему поручено было Харьковскимъ Университетомъ преподаваніе Закона Божія во вновь открытомъ при уѣздномъ училищѣ элементарномъ классѣ земледѣлія, каковую должность онъ проходилъ до закрытія онаго. 1824 года генваря 23 дня опредѣленъ былъ епархіальнымъ начальствомъ увѣщателемъ подсудимыхъ по всѣмъ высшимъ присутственнымъ мѣстамъ, каковую должность онъ проходитъ и доселѣ. 1825 года мая 3-го дня указомъ Его Императорскаго Величества изъ Орловской Духовной Консисторіи съ резолюціею мѣстнаго Епархіальнаго Начальства командированъ былъ депутатомъ Малоархангельской округи въ село Троицкое, что на Липицѣ, которую должность исправлялъ онъ до окончанія слѣдствія, производимаго чиновникомъ особыхъ порученій Губернскаго Правленія. 1829-го года февраля 29 дня, по распоряженію Епархіальнаго начальства, былъ назначенъ депутатомъ и присутствовалъ въ Орловскомъ Совѣтномъ судѣ, при производимомъ слѣдствіи о покражѣ церковныхъ имуществъ изъ Орловской Градской Крестовоздвиженской церкви, должность сію правилъ до окончанія дѣла. 1832 г. марта 10 дня, по случаю расхищенія во время холеры, свирѣпствовавшей въ г. Орлѣ, попечительной суммы денегъ, ему поручено было, по распоряженію того же начальства, обревизовать сумму онаго и дѣла привести въ порядокъ, что онъ и исполнилъ. По окончаніи сего дѣла онъ опредѣленъ былъ попечителемъ въ показанное попечительство, каковую должность и нынѣ проходитъ. Того же года іюля 22 дня резолюціею мѣстнаго Епархіальнаго Начальства опредѣленъ былъ членомъ временнаго строительнаго Комитета при поправкѣ вновь купленныхъ зданій для вторыхъ духовныхъ училищъ и правилъ должность казначея до окончанія всѣхъ поправокъ. 1833 года декабря 8 дня тѣмъ же начальствомъ поручено ему было, по предварительномъ наставленіи въ догматахъ православной вѣры, присоединить по чиноположенію къ Православной Грекороссійской церкви фельдфебельшу Римскокатолическаго исповѣданія, что онъ въ томъ же году съ возможнымъ усердіемъ и выполнилъ. 1834 года Всемилостивѣйше награжденъ бархатною фіолетовою скуфьею. Того же года 11 іюня отъ Попечителя Харьковскаго учебнаго округа при обозрѣніи имъ Орловскаго Гражданскаго Уѣзднаго Училища и по испытаніи учениковъ въ Законѣ Божіемъ получилъ совершенную признательность. Сверхъ того, по распоряженію мѣстнаго Епархіальнаго Начальства многократно въ разные годы и мѣ-

нетъ Синодскаго разсмотрѣнія, чего однакожъ бояться праведному суду не слѣдуетъ. Аѳанасьевъ—глупецъ и бездѣльникъ и заслуживаетъ строгаго осужденія за описываемыя Вами интриги [2]).

сяцы производилъ разныя обслѣдованія дѣлъ до духовныхъ лицъ касающихся въ г. Орлѣ и уѣздныхъ городахъ и селахъ безъ всякаго возмездія. 1841 года мая 21 дня опять ему было поручено обревизовать сумму Орловскаго Духовнаго Попечительства, что имъ и учинено 1846 года апрѣля 13 дня Всемилостивѣйше награжденъ камилавкою. 1848 года по распоряженію мѣстнаго высшаго Начальства былъ членомъ временнаго Ревизіоннаго Комитета при повѣркѣ экономическихъ отчетовъ Орловской Семинаріи и подъ вѣдомствомъ находящихся ей училищъ. Того же года апрѣля 13 дня награжденъ палицею. 1850 г. марта 13 дня мѣстнымъ Высшимъ Начальствомъ опредѣленъ смотрителемъ Орловскихъ Градскихъ Кладбищенскихъ церквей, Троицкой, Предтеченской и Сергіевской, отъ каковой должности по собственному желанію и прошенію уволенъ. Того же 1850 г. 23 іюня Всемилостивѣйше награжденъ наперснымъ золотымъ крестомъ. 1850 года 16 сентября поручено ему резолюціею Высшаго Начальства слѣдственное дѣло въ г. Орлѣ, которое и было имъ исполнено. 1851 года февраля 22 дня, по распоряженію Епархіальнаго Преосвященнѣйшаго опредѣленъ былъ членомъ Строительнаго—при Орловской Семинаріи—Духовно—учрежденнаго Комитета--1-е по устройству въ семинарскомъ корпусѣ лѣстницъ, 2-е по устройству вновь больничнаго корпуса, въ каковой должности состоялъ до окончанія помянутыхъ построекъ. Того же 1851 г. ноября 9 дня полиучилъ отъ Его Высокопреосвященства Смарагда и Ковалера за попечительность объ устройствѣ Орловской Градской Кладбищенской церкви Архипастырскую признательность. 1858 года апрѣля 22 дня указомъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода назначенъ былъ первымъ членомъ при слѣдственной коммисіи, учрежденной при Св. Синодѣ по дѣламъ раскола Орловской губерніи Кромскаго уѣзда села Ламовца и проч., въ каковой должности состоялъ до окончанія всего слѣдствія. Грамоты: священническую и протоіерейскую имѣетъ. 1858 года мая 3 возложенъ на него наперстный бронзовый крестъ въ память событій 1853—1856 годовъ. Вдовъ.—Поведенія довольно хорошаго. По дѣламъ съ причтомъ и церковнымъ старостою Перемыгиномъ признанъ вздорнымъ. Въ семъ 1861 году по дѣлу залитія антиминса въ своемъ упорствѣ не сознался и клеветалъ на другихъ оставленъ въ сильномъ подозрѣніи". Въ клиросной вѣдомости Покровской церкви за 1856 г. отмѣчено, что „отъ сказыванія проповѣдей уволенъ. Поведенія довольно хорошаго. Были напередъ сего дѣла съ причтомъ и нынѣ имѣются жалобы на церковнагс старосту Перемыгина, показывающія немиролюбивый характеръ его—протоіерея". Скончался онъ въ 1870 году. Въ слѣдствіи по дѣлу Сомова о. П. А. Коринскій обнаружилъ свою враждебность къ Смарагду о чемъ см. къ письму 46.

[2]) Въ 1854 г. былъ священникомъ въ Троице-Васильевской церкви г. Орла о. Іоаннъ Аѳанасьевъ.

Я выхожу изъ терпѣнія отъ лѣности, небреженія и даже неспособности къ приставленному дѣлу безпечнаго Бутягина [1]), коего неминуемо, вскорѣ, метлой намѣренъ выместь изъ Собора. Ключаря также необходимо перемѣнить [2]). Весь Соборъ распущенъ! Съ удовольствіемъ припомнишь теперь о порядкахъ Астраханскаго Собора...

Кстати объ Астрахани. Бѣдный Мих. Мих. Башкинъ вызванъ Кушелевыми-Безбородками [3]) въ С. Петербургъ, для новыхъ торговъ на снятіе Куракинскихъ (бывшихъ) водъ [4]). Но за два дня до его пріѣзда сюда, Астраханскіе жъ купцы: Макаровъ, Козловъ Михаилъ Ивановичъ, да Копѣйкинъ [5]),

---

[1]) См. письма 33, 35, 36 и 38.

[2]) Ключаремъ собора былъ тогда протоерей Павелъ Лаврентіевичъ Покровскій, изъ окончившихъ курсъ Орловской Семинаріи: въ 1854 году ему было 60 лѣтъ (см. и „Орловскія Епархіальныя Вѣдомости“ 1897 г., № 36, стр. 1351).

[3]) Кушелевы- Безбородки владѣли въ Астраханской губерніи такъ называемыми Синеморскими водами, впослѣдствіи купленными у нихъ Базилевскимъ, но, повидимому, располагали тогда и Куракинскими водами.

[4]) Куракинскими водами называются по Волгѣ и по р. Болтѣ въ предѣлахъ Астраханской губ. и частію противъ г. Астрахани такія рыболовныя воды, которыя прежде были въ содержаніи мѣстнаго купечества, но императоръ Павелъ I особымъ именнымъ указомъ 10 апрѣля 1797 г. пожертвовалъ ихъ сверстнику своего дѣтства князю Александру Борисовичу Куракину († 24 іюня 1818 г.) вмѣстѣ съ его братомъ Алексѣемъ († 30 декабря 1829 г.), хотя послѣ онѣ были обращены въ общее и для всѣхъ доступное употребленіе, а теперь находятся въ завѣдываніи Астраханскаго Городского Управленія. Съ Куракинскихъ водъ сначала поступало на Астраханскій архіерейскій домъ 3 тыс. руб., потомъ 6 тысячъ, а равно еще и другія суммы на монастыри и церкви епархіи и на Духовную Семинарію. См. Русскій біографическій словарь, изд. А. А. Половцевымъ, томъ „Капе-Кюхельбекеръ“, Спб. 1903, стр. 564*а*. 568*б*. Иванъ Сергѣевичъ *Аксаковъ* въ его письмахъ, ч. I, т. 1 (Москва 1888), стр. 188—189. Прот. *I. I. Савинскій*, Историческая записка объ Астраханской епархіи, Астрахань 1903, стр. 180. 295—296. 303. 308. 309. *Пл. С. Горючко*, Анастасій Братановскій, архіепископъ Астраханскій и Кавказскій, Астрахань 1902, стр. 21.4. О. *Іероѳей* писалъ (въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ на л. 38 обор. Кіев. ред. и на л. 39 Ряз. ред.), что „въ Астрахани Архіерейскій Домъ, Монастыри и нѣкоторыя приходскія церкви имѣли отъ Казны вознагражденіе за отобранныя воды, то есть, за рыбныя ловли, называемыя Куракинскими“.

[5]) Все это именитые Астраханскіе купцы, члены Астраханской денежной аристократіи, ведшіе близкое знакомство съ Астраханскими архипастырями, извѣстные въ свое время благотворители и благоукрасители храмовъ; изъ нихъ М. И. Козловъ долго былъ старостою каѳедральнаго собора: ср. у † преосв. *Никанора* (Каменскаго), Астраханскій каѳедральный Успенскій соборъ (Казань 1889), стр. 68.

пріѣзжавшіе сюда, успѣли перехватить къ себѣ воды, надбавивъ *3 тыс.* серебромъ. Бѣдный Башкинъ [1]) сейчасъ былъ у меня. Зѣло скорбитъ и ѣдетъ обратно безъ ничего!..

Слышно, что все здѣсь готовится къ предстоящей войнѣ. Но подробностей, кромѣ публично печатаемыхъ, не вѣдаемъ...

На подворьѣ у меня—благополучно. Сейчасъ ѣду къ Митрополиту по обычаю, *на прощанье*, предъ вступленіемъ въ постъ. Простите!

См., Архіеп. Орл. и Сѣвскій.

Помѣта: „Получ. 1 Марта 1854 г."

41 (XIX) [2]).

Когда учреждалась Болховская женская Община: то начальница съ сестрами безпокоилась, что яко бы община не состоится, при всѣхъ заботахъ Архипастыря [Смарагда], лично въ Святѣйшемъ Правительствующемъ Синодѣ объ устроеніи ея подъятыхъ имъ [3]). Это невѣріе общницъ оскорбляло Святителя, какъ противное Слову Христа Господа, всю силу дающаго вѣрѣ. И вотъ какъ Владыка отзывается по сему случаю въ письмѣ отъ *27 Февраля 1854 года* [4]):

> „Да устыдятся, да усрамятся и возложатъ упованіе свое на Единаго Господа, Коему,—аще дѣло это угодно,—нѣтъ ни въ чемъ препятствія! Слабыя же, колеблющіяся и не твердыя души и овцы заблаговременно да будутъ изгнаны изъ новостроющейся спасительной ограды! Сіи овцы не наши, для насъ не нужны и достойны того, чтобы не медля выслать ихъ вонъ. Другія общины лѣтъ по двадцати ожидаютъ положительныхъ утвержденій: а наша, ничего еще не претерпѣвши, уже ропщетъ, безразсудная. И ничего не имѣя, хочетъ достигнуть желаннаго однимъ воображеніемъ. Да если бы я усматривалъ, что община не состоится: то неужели самъ себя, или ихъ обманывалъ?.. Дѣло идетъ само собою: нужно имѣть терпѣніе съ упованіемъ. Новый монастырь не такъ легко учредить, какъ думаютъ".

По вѣрѣ Архипастырской Община утверждена [5]). Но писаніе Святительское какъ ни сильно и грозно, оно однако

---

[1]) М. М. Башкинъ—виднѣйшій Астраханскій купецъ и щедрый жертвователь на нужды церковнаго храмозданія; скончался въ сентябрѣ 1861 г.: см. у † преосв. *Никанора* l. cit., стр. 46,1. 68.

[2]) Взято изъ „Воспоминаній" о. *Іероѳея*, л. 67—68 Кіев. ред. и л. 67 об.—68 об. Ряз. ред.

[3]) См. письмо 20.

[4]) См. письмо 42.

[5]) Теперь эта община,—кажется, въ 1876 году,—обращена въ дѣйствительный женскій общежительный Монастырь; и начальница ея возведена въ санъ Игуменьи. (О. *Іероѳей* въ Кіев. ред.). См. письма 20 и 50.

же относилось только къ подкрѣпленію малодушныхъ въ вѣрѣ и успокоенію, какъ рѣшительное врачевство противъ отчаянной болѣзни. Письмо это послано было въ первую Субботу свят. Четыредесятницы; и потому послѣ нѣсколькихъ распоряженій по Епархіи, Консисторіи и Архіерейскому Дому, также извѣщая о предстоящемъ совершеніи въ С. Петербургѣ Православія, Архипастырь заключаетъ письмо такъ:

„Всей Паствѣ душевнаго спасенія и тѣлеснаго здравія молитвенно желаемъ“.

42 (23) [1].

2 Марта 1854. С.П.Бургъ.

27-го Февраля по утру писалъ я [2]), что на Православіи въ Казанскомъ Соборѣ будетъ 7 Архіереевъ. Но между тѣмъ случилось не такъ! Ибо по вечеру 27-го Февраля Синодальные Архіереи приглашены во дворецъ—присутствовать на утро (28 Февр.—въ воскресенье) при крещеніи В. Княжны Вѣры Константиновны, при коемъ всѣ мы дѣйствительно и находились, и послѣ Св. Крещенія и обѣдни, совершенной Митрополитомъ, были угощены Царскимъ Завтракомъ, разумѣется, по Благовѣщенской Главѣ [3]). А въ Казанскомъ Соборѣ Православіе отправляли 3 Викарные Епископы: Ревельскій, Винницкій и Чебоксарскій [4]). Такимъ-то образомъ правду говорятъ, что о случайностяхъ каждаго дня можно говорить только тогда, когда онъ совсѣмъ уже прошелъ.

Испрашиваете дозволенія на пошитье малымъ пѣвчимъ одежды. Я ничего не слышу объ успѣхѣ пѣвческой; а между тѣмъ всю круговую одежду имѣть для нихъ—убыточно. Впрочемъ, можно сшить для нихъ своимъ портнымъ сюртуки, брюки и жилеты нанковые. А платковъ шейныхъ и картузовъ—неужели нѣтъ своихъ? Если покупать и сіе: то покупайте все дешевое.

О. Ректоръ пусть беретъ себѣ Зимній, Зеленый 4-мѣстный возокъ. А карета 4-мѣстная, карета, не по силамъ и не

---

[1]) Выдержка изъ этого письма приведена въ „Воспоминаніяхъ“ о. *Іероѳея*, л. 68 об. Кіев. ред. и л. 68 об.—69 Ряз. ред.

[2]) См. № 41 на стр—.

[3]) Т. е. съ разрѣшеніемъ на вино и рыбу, какъ полагается по соотвѣтствующей Марковой главѣ для Благовѣщенія.

[4]) Т. е. *Христофоръ Эммаусскій* († 11 августа 1872 г. епископомъ Вятскимъ на покоѣ), *Макарій Булгаковъ* (ректоръ С.-Петербургской Дух. Академіи, † 9 іюня 1882 г. митрополитомъ Московскимъ) и *Никодимъ Казанцевъ* (см. письмо 38).

по стати Болховскаго о. Іереміи [1]). Впрочемъ, пусть всѣ экипажи разбираютъ себѣ—*желающіе*.—За симъ наше всѣмъ вамъ благословеніе.—

См. А. Орл.

Помѣта: „Получ. 2 Марта 1854 г.“

43 (XX) [2]).

Въ письмѣ отъ *6 Марта* того же *[1854] года* такъ [Смарагдъ] подкрѣпляетъ и утѣшаетъ насъ:

„Дѣйствительно Мценскіе доходы ваши весьма скудны и для удовлетворенія нуждъ недостаточны. Однакожъ и богатыхъ и бѣдныхъ Господь пропитываетъ; и никто не лишается щедротъ Его. По малымъ приходамъ нужно учреждать и малые расходы; и все будетъ хорошо! Между тѣмъ Авксентій [3]) здѣсь успѣваетъ, и вскорѣ, слышно, обвеселитъ нищету вашу, однакожъ не духовную, о коей вы сами обязаны заботиться и заботитесь“.

44 (XXI) [4]).

Въ письмѣ *12* того же *Марта [1854 года]*, жалуясь на простуду и нездоровье, [Смарагдъ) говоритъ:

„Впрочемъ, благодареніе Господу, посидѣвъ сегодя дома, при употребленіи гомеопатическаго средства, надѣюсь заутра считаться универсально здоровымъ“.

Потомъ, извѣщая о разныхъ новостяхъ и предстоящихъ наградахъ земныхъ, къ утѣшенію Духовенства, спѣшитъ ободрить и Секретаря Консисторіи, которому очень часто дѣлалъ замѣчанія (по дѣлопроизводительству) за медленность и неисправное веденіе дѣлъ [5]).

„Руководствуйте также по возможности и неопытнаго Секретаря, увѣривъ его, что для меня онъ пріятенъ, лишь бы былъ всегда исправенъ, благонамѣренъ и болѣе углублялся въ приказные порядки.... Замѣчаніями моими, всегда отеческими и снисходительными,

---

[1]) Конечно, это строитель Оптина Троицкаго монастыря, подъ Болховомъ, о. Іеремія (1849—1867 г.г.).

[2]) Взято изъ Воспоминаній о. *Іероѳея*, л. 69 Кіев. ред. и л. 69 и об. Ряз. ред.

[3]) См. письмо 35.

[4]) Взято изъ „Воспоминаній“ о. *Іероѳея*, л. 69 об.—70 Кіев. ред. и л. 70 и об. Ряз. ред.

[5]) Онъ оставилъ эту свою должность по выбытіи Преосвященнаго [Смарагда] въ Рязань.—О. *Іероѳей*.

я желаю только усовершенствованія его, для его же существенной пользы на всю его будущую жизнь“ [1]).

45 (XXII) [2]).

Въ письмѣ отъ *20* того же *Марта [1854 года]* съ чрезвычайною скорбію выражается Владыка [Смарагдъ] о дурномъ поведеніи состоявшаго въ свитѣ Его Преосвященства въ С.ПБургѣ пѣвчаго Діакона Н. Г.

„При всемъ долготерпѣніи нашемъ, мы не могли удержать его долѣе здѣсь. Кромѣ пьянства, буйства, лжи и безсовѣстности, онъ началъ еще смущать наше Подворье запрещеннымъ знакомствомъ съ пьяною и неблагонамѣренною свитою К. П. [3]), коей передавалъ наше житье-бытье; а къ нашей свитѣ переносилъ изъ К. подворья Іудины извѣстія о тамошнихъ безпорядкахъ. Отъ чего угрожала опасность могущаго возгорѣться (возродиться) немирствія между самыми Владыками двухъ сосѣдственныхъ подворьевъ [4]).... Онъ всѣхъ насъ продавалъ, безчестилъ, срамилъ и поставлялъ въ ежеминутную опасность своего поведенія. Душевныя раны, всѣмъ намъ причиненныя симъ извергомъ, неисцѣлимы (неисцѣльны) и неизгладимы; и мы не знали покоя отъ ежечасныхъ возмущеній сего погибельнаго сына. Нынѣ же, по отправкѣ его [въ Орелъ], ощущаемъ начатки мира и спокойствія..... Я едва оправился отъ простуды и гриппа, которые здѣсь сильно дѣйствуютъ на людей,.... терпящихъ непріятности, подобныя тѣмъ, какія мы испытывали отъ богомерзскаго Г—. Хотѣлось бы подышать Орловскимъ воздухомъ и поправиться въ здоровьѣ. Но Господь вѣсть, что будетъ!?. По изгнаніи сатаны [5]), здѣсь все здорово и благосо-

---

[1]) Относительно усиленнаго направленія Архипастыря къ приказности, которую самъ онъ удовлетворительно зналъ, за нужное нахожу сказать въ отклоненіе нареканія со стороны прогрессистовъ, проповѣдующихъ точность и сокращенность дѣлопроизводства,—что Преосвященный Смарагдъ, подъ именемъ приказности, разумѣлъ порядокъ и удовлетворительность слѣдствій, разумное изложеніе дѣлъ и докладъ оныхъ на разсужденіе Присутствія, безъ чего никакая гласность обходиться не могла и не можетъ.—О. *Іеровей.*

[2]) Взято изъ „Воспоминаній“ о. *Іеровея*, л. 70—71 Кіев. ред. и л. 70 об.—71 об. Ряз. ред.

[3]) Очевидно, разумѣется Кіевское подворье.

[4]) Т. е. между Смарагдомъ, жившимъ на Ярославскомъ подворьѣ на Вас. островѣ: Николаевская наб. № 39, и другимъ іеріархомъ, жившимъ на Кіевскомъ подворьѣ на Вас. остр.: Николаевская наб. № 27.

[5]) Разумѣется тотъ же пьянствовавшій Д[іаконъ] Г., отосланный въ Орелъ.—О. *Іеровей.*

стоятельно, чего и вамъ отъ души молитвенно желаемъ. На всѣхъ призываю благодать и милость Божію".

Такъ сильно Владыка не любилъ безнравственности и скорбѣлъ о падшихъ.

„Никогда имъ (Г...) интересоваться не буду",

продолжаетъ Архипастырь. Не смотря однакожъ на всѣ огорченія, Архипастырь не былъ мстителенъ и злопамятенъ. Наказавъ отечески несчастнаго Діакона вмалѣ высылкою изъ С.П.Бурга. Владыка, по возвращеніи въ Орелъ, чрезъ нѣсколько времени опять разрѣшилъ Г., далъ ему мѣсто и принялъ въ хоръ пѣвчихъ. Но пока Архипастырь былъ въ С.П.Бургѣ, все еще не могъ забыть о (непріятностяхъ, причиненныхъ) Г.

46 (XXIII) [1]).

Вотъ еще доказательство попечительности Архипастыря [Смарагда] о заблудшихъ. Въ письмѣ отъ *27 Марта 1854 года* Преосвященный между прочимъ говоритъ:

„Я вамъ писалъ [2]) уже о присоединеніи значительнаго числа М. раскольниковъ къ единовѣрію. П... раскольничье кладбище, распространявшее на всю Россію свою секту и ея наставниковъ, нынѣ потрясено, и сектаторство на немъ вовсе уничтожено. Часовни онаго освящаются уже въ церкви [3]). Скажите о семъ нашимъ. Скажите, при случаѣ, Губернатору. Призовите нарочито единовѣрческаго Священника Петра Васильева, и,

---

[1]) Нижеслѣдующія выдержки сего письма берутся изъ „Воспоминаній" о. *Іеровея*, л. 63 об.—64. 71 и об. Кіев. ред. и л. 63 об.—64 об., 71 об.—72 Ряз. ред.

[2]) Этого письма не сохранилось.

[3]) См. письмо м. *Филарета* къ оберъ-прокурору гр. Н. А. Пратасову отъ 19 марта 1854 г. (въ Собраніи мнѣній и отзывовъ, т. дополн., Спб. 1887, стр. 370 сл.): „Обращенное правительствомъ вниманіе на прекращеніе безпорядковъ, на такъ называемомъ, въ Москвѣ, преображенскомъ кладбищѣ (которое, подъ видомъ богодѣленнаго дома, заключало въ себѣ людей, чуждыхъ православной церкви, содержащихъ и распространяющихъ ученія, сколь противныя церкви, столько же предосудительныя въ отношеніи къ правительству и общественной жизни), для разсудительныхъ послѣдователей преображенскихъ наставниковъ сдѣлалось случаемъ къ такому движенію умовъ, по которому они начали сознавать неправильность своего положенія въ отношеніи къ вѣрѣ, и получили расположеніе къ соединенію съ святою церковію"... 11 марта обратилось въ единовѣріе 10 душъ, 17 марта—53, а послѣ въ томъ же 1854 г. были значительныя обращенія и на Рогожскомъ кладбищѣ.

объявивъ ему о семъ, изъясните мое прискорбіе, что Орловскіе раскольники (поповщина) доселѣ не присоединяются къ ихъ благословенной церкви; и, кажется, о семъ никакого не имѣется у нихъ, единовѣрцевъ, попеченія [1]). Пусть представитъ мнѣ Священникъ о мѣрахъ къ обращенію заблуждшихъ: то я ему всеусерднѣйше споспѣшествовать буду къ достиженію благаго конца".

Но, не смотря на такую ревность и скорбь Архипастырскую о неимѣніи помощниковъ противъ раскольниковъ, паче же о погибели заблуждшихъ, Владыка понесъ самы тяжкія (ужасныя) нарѣканія предъ выѣздомъ въ Рязань за Кромскихъ раскольниковъ.

* * *

„Не участвуя въ дѣлахъ Епархіальнаго Управленія, не знаю, какія мѣры съ своей стороны предпринялъ Святитель въ Орловской Епархіи по дѣламъ раскольническимъ. Но, по случаю навѣтническихъ (клеветническихъ) доносовъ на Архипастыря и рѣзкихъ, яко бы, мѣръ, принятыхъ имъ противъ виновниковъ безпорядковъ въ приходѣ (раскольническомъ), зараженномъ расколомъ, была вызвана особая распорядительность со стороны Высшаго Начальства и послѣдующаго Епархіальнаго Управленія. Но клевета послѣ того и осталась клеветою; а невинность Архипастыря возсіяла".—Въ этомъ разъясненіи о. *Іеровея* несомнѣнное разумѣется „дѣло Сёмова" (см. и письмо 56). Оно началось съ пустяковъ, но по неразумію и интригамъ развилось въ грандіозную скан-

[1]) Въ клиросной вѣдомости Успенской г. Ельца церкви за 1862 г. приписано такъ. „Священникъ Петръ Васильевъ сынъ Васильевъ, священническій сынъ, обучался въ Орловской Семинаріи, въ продолженіе курса Богословскихъ наукъ былъ лекторомъ въ Нижнемъ отдѣленіи оной Семинаріи по классу греческаго языка, а по окончаніи курса уволенъ съ аттестатомъ 1-го разряда 1840 года октября 20 дня Преосвященнѣйшимъ Евлампіемъ, Епископомъ Орловскимъ и Сѣвскимъ произведенъ Елецкой округи села Покровскаго къ церкви Покрова Пресвятыя Богородицы во священника, а 1850 года февраля 22 дня Высокопреосвященнѣйшимъ Смарагдомъ Архіепископомъ Орловскимъ и Сѣвскимъ перемѣщенъ къ Орловской Градской Единовѣрческой церкви по потребностямъ оной, 1858 года декабря 5-го дня Преосвященнѣйшимъ Поликарпомъ, Епископомъ Орловскимъ и Сѣвскимъ перемѣщенъ на настоящее мѣсто къ Елецкой Градской Успенской церкви. 1850 года августа 27 дня за отлично исправное прохожденіе должности пресвитера, соединенное съ кроткимъ нравомъ и проповѣданіемъ Слова Божія, награжденъ набедренникомъ; 1855 года апрѣля 16 дня Высочайше награжденъ скуфьею. Бронзовый крестъ въ память войны 1853, 1854, 1855 и 1856 годовъ имѣетъ. Поведенія очень хорошаго. Судимъ и штрафованъ не былъ. Скончался о. П. В. Васильевъ 13 января 1864 г.

дальную исторію, создавшую огромный архивный матеріалъ (въ Св. Синодѣ и въ Орловской Духовной Консисторіи). Вкратцѣ сущность его такова. Іоаннъ Іоанновъ Семовъ, окончившій Орловскую Семинарію по второму разряду, опредѣленъ былъ Смарагдомъ къ 13 ноября 1849 г. къ Іоанно-Богословской церкви села Даміановки, Сѣвскаго уѣзда, но не сошелся съ приходомъ, ибо не исполнены были данныя при его открытіи обязательства по матеріальному обезпеченію причта дополнительнымъ надѣломъ земли. Смарагдъ всталъ на защиту интересовъ о. Семова, предложивъ — согласно мнѣнію Консисторіи — опять закрыть Даміановскій приходъ, если Св. Синодъ не назначитъ ежегоднаго денежнаго ассигнованія. Это ходатайство по разнымъ причинамъ не увѣнчалось успѣхомъ, а той порой Семовъ умудрился поссориться со всѣми своими ближайшими властями и обнаружилъ столько провинностей, что Сѣвское Духовное Правленіе проектировало даже низвести его на причетническую должность. Въ 1856 г. Семовъ былъ выведенъ изъ Даміановки, но не хотѣлъ подчиниться этому рѣшенію, не пуская присланнаго преемника свящ. Данчакова, и началъ апеллировать непосредственно въ Св. Синодъ. 31 октября 1856 г. онъ былъ опредѣленъ въ село Ломовецъ, Кромскаго уѣзда, къ тамошней Георгіевской церкви временно, въ видѣ опыта, впредь до усмотрѣнія, и здѣсь сразу повелъ войну съ штатнымъ священникомъ Василіемъ Колошинымъ, обвиняя его въ укрывательствѣ мѣстныхъ раскольниковъ и всячески обличая и разыскивая таковыхъ среди Ломовецкихъ прихожанъ. Въ этомъ смыслѣ онъ, не предупредивъ епархіальное начальство, уже 25 февраля 1857 г. послалъ прямо въ Св. Синодъ спеціальное заявленіе, которое было возвращено съ запросомъ Смарагду, а послѣдній — по выяснившимся обстоятельствамъ—опредѣлилъ 18 іюля 1857 г. перевести Семова на годъ къ Елецкой пригородной Рождество-Богородичной церкви на половинную часть, при чемъ по вопросу о Ломовецкомъ расколѣ назначена была коммиссія изъ проіерея г. Кромъ Николая Ивановича Шубина, священника села Вожева Михаила Зимина и свѣтскаго депутата, пристава 2-го стана Витовскаго. Въ сентябрѣ 1857 г. эта коммиссія собрала по всѣмъ пунктамъ неблагопріятный матеріалъ для Семова, котораго Консисторія—въ виду такого доклада—приговорила 1 ноября 1857 г. къ лишенію сана съ помѣщеніемъ на одинъ годъ въ Брянскую Бѣлобережскую пустынь. Однако Семовъ еще раньше объявилъ себя изъятымъ изъ епархіальной компетенціи и теперь, пославъ въ Синодъ аппелляціонный отзывъ, не принялъ этого рѣшенія, отъ его примѣненія скрылся 18 января 1858 г. къ тестю и разысканъ былъ только въ маѣ, когда все дѣло перевернулось самымъ неожиданнымъ образомъ. Оказалось, что Семовъ отправилъ въ С.-Петербургъ свою жену Надежду Тимоѳеевну и чрезъ нее подалъ два Высочайшія

прошенія, съумѣвъ заинтересовать разныхъ вліятельныхъ лицъ, въ частности—тогдашняго Синодальнаго Оберъ-Прокурора графа Алексѣя Петровича Толстого, который, усмотрѣвъ въ Семовѣ ревнующаго по православію обличителя укрываемаго раскола, сразу принялъ его сторону противъ Смарагда. Въ виду сего Синодъ 20 апрѣля 1858 г. учредилъ особую коммиссію изъ членовъ Орловскаго духовенства: протоіерея Покровской церкви Петра Коринскаго (см. къ письму 40), священника Ильинской, что на Пескахъ, церкви Захарія Георгіевскаго и свящ. единовѣрческой церкви Петра Васильева (см. къ письму 46), предписавъ назначить Семову содержаніе на время слѣдствія. Этимъ и позднѣйшими подобными актами были отмѣнены или пріостановлены всѣ законныя рѣшенія мѣстной епархіальной власти, при чемъ самъ архіерей подпалъ слѣдственному вѣдѣнію подчиненныхъ ему духовныхъ лицъ. Въ этомъ заключалась и юридическая и фактическая нелѣпость, откуда естественно произошелъ лишь іерархическій скандалъ. Новая коммиссія, усиленная гражданскимъ депутатомъ Невструевымъ, нашла совсѣмъ иное и 21 іюня 1858 г. сообщила Синоду, что доносъ Семова „совершенно подтвердился". У Синода теперь получились два діаметрально противоположныя мнѣнія,—и, заранѣе принявъ одно изъ нихъ, онъ по необходимости долженъ былъ устранить защитниковъ обратнаго взгляда. Такъ состоялся 5 іюня 1858 іюня г. переводъ Смарагда изъ Орла въ Рязань. Это было фактически неизбѣжно, но случилось единственно потому, что Синодъ повелъ параллельное епархіальному собственное слѣдствіе и тѣмъ упразднилъ епархіальную власть, между тѣмъ ему принадлежалъ лишь пересмотръ законченнаго епархіальнаго дѣла по аппелляціи обвиняемаго. По существу же предмета и преосвящ. Поликарпъ всецѣло раздѣлялъ сужденія своего предшественника Смарагда, о чемъ подробно см. ниже.

* * *

27 того же *Марта [1854 года]* Архипастырь опять повторяетъ [1]) въ письмѣ:

> „Послѣ высылки отсюда злодѣйствовавшаго Г., наше низшее подворье сдѣлалось противъ прежняго тише и скромнѣе. — Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ Пасхи Господней, которая, надѣемся, объявитъ и намъ..... о дальнѣйшемъ нашемъ положеніи. 25 Марта, послѣ прошедшей болѣзни, я, слава Богу, служилъ.. .. Всѣмъ Боголюбезнѣйшимъ чадамъ Орловскія Паствы, чрезъ ваше смиреніе, препосылаемъ Архипастырское благословеніе, съ любовію о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ".

---

[1]) См. письмо **44**.

47 (24) [1]).

†

Благопріятельному намъ Аввѣ Іероѳею, со всемъ приставленіемъ Домовымъ [2]), препосылаемъ радостное: „Хрістосъ воскресе“, въ чаяніи достигнуть пресвѣтлыхъ дней, оглашаемыхъ сею, Божественною пѣснію!

Слава Господу Богу! Вербную Недѣлю провели мы безбѣдно, и совсѣмъ окончили предъ-Пасхальное служеніе наше по Синоду. Не извѣстно еще, какіе Владыки будутъ засѣдать въономъ, въ продолженіе $18^{54}/_{55}$ годового Синодальнаго Сезона. Здѣсь все такъ секретно!.. Впрочемъ, непохоже, чтобъ мнѣ можно было въ настоящее лѣто видѣться съ Вами въ Орлѣ, хотя въ семъ я и домогался, предоставляя однакожъ все, относящееся ко мнѣ, волѣ благаго Правительства. Въ Пасху надѣемся подробнѣе узнать о будущемъ нашемъ назначеніи, и васъ увѣдомить. Конечно, кто бы не пожелалъ подышать свободнымъ воздухомъ въ провинціи, а особенно въ такое время?... [3]). Но, буди Господи святая воля Твоя!..

Въ настоящую пору духовныя наши новости вообще покрыты еще мракомъ неизвѣстности. Достовѣрно скажу, что Вел. Княгиня Марія Николаевна по веснѣ ѣдетъ съ дѣтьми на Славянскія воды (Харьк. Губ.) и въ Свято-Горскую Пустынь, у возстановительницы коея, Татіаны Борисовны Потемкиной, располагается нѣсколько времени погостить [4]).

---

[1]) Выдержки изъ этого письма приводятся и въ „Воспоминаніяхъ“, *Іероѳея* (л. 72 и об. Кіев. ред. и л. 72 об.—73 об. Ряз. ред.), который называетъ его „послѣднимъ письмомъ изъ С. П. Бурга“, прибавляя потомъ: „Волѣ Господней стало угодно возвратить къ намъ Архипастыря, который 2 Мая пожаловалъ въ нашу Мценскую Обитель, первую на пути въ Орелъ; и я, ко встрѣчѣ Владыки, возвратился въ Мценскъ, благодаря отъ всего сердца и души Всемилостиваго Спаса (въ Мценской Обители Его Чудотворный святый Образъ).“

[2]) У о. *Іероѳея* въ обѣихъ редакціяхъ: „домовнымъ“.

[3]) Желаніе Смарагда исполнилось: въ концѣ апрѣля 1854 года онъ былъ уволенъ въ свою Епархію. На его мѣсто вызванъ былъ въ Синодъ архіеп. Олонецкій *Аркадій* Ѳедоровъ († 8 мая 1870 г.), а прочіе члены Синода остались все тѣ же, о чемъ говоритъ самъ Смарагдъ въ письмѣ къ Иннокентію изъ С.-Петербурга отъ 16 апрѣля 1854 г. въ „Рязанскихъ Епархіальныхъ Вѣдомосляхъ“ 1896 г., № 20, стр. 700: „Я же, напутствуемый Монаршею милостью, возвращающаюся въ концѣ настоящаго мѣсяца во ввѣренную епархію въ предѣлы благословенной родины Вашей. На мое мѣсто вызывается Олонецкій архіепископъ Аркадій, а прочіе члены остаются тѣ же“.

[4]) Т. Б. Потемкина (урожденная княжна Голицына), статсъ-дама, жена (вдова) губернскаго предводителя С.-Петербургскаго дворянства

Конечно, переѣздъ будетъ происходить черезъ Орелъ. Смотрите за благолѣпіемъ храмовъ, и въ особенности Каѳедральнаго Собора, вмѣсто коего избрать тогда благолѣпную Михайло-Архангельскую церковь. Бывшій Кіево-Печерскій Намѣстникъ Лаврентій, нынѣ Кіево-Выдубицкій Архимандритъ, назначается къ переводу въ Иверскій 1 классный монастырь (: Новгородской Епархіи) съ доброю цѣлію тою, что можетъ со временемъ быть и Епископомъ гдѣ-либо, если понравится Новгородскому Перво-Святителю. Безъ сомнѣнія, Лаврентій, яко Орловецъ, будетъ послѣ Пасхи проѣзжать черезъ нашу Паству, а свою родину. Всѣ его хвалятъ! [1]). Скажите о семъ семъ Александру Сергѣевичу [2]), который любитъ его, и коему и отъ нашего смиренія и недосужества прошу сказать мое искреннѣйшее почтеніе и благословеніе на всю домашнюю его Церковь.

Антиминсы постараемся освятить заутра (4 Апр.) и прислать къ вамъ чрезъ оказію.—Томскій Парѳеній еще не уѣхалъ во своя си. Я узналъ, что онъ хочетъ завернуть на родину въ Воронежскую Губернію и видѣться съ своей родительницей, а по сему случаю будетъ переѣзжать чрезъ Елецъ, гдѣ онъ былъ при Соборѣ Протопопомъ. Получивъ, кромѣ прогоновъ, *тысячу рублей сер.* на подъемъ, можетъ безнуждно путешествовать и величаться ново-полученнымъ омофоромъ [3]). Можетъ быть чрезъ него пошлемъ къ Вамъ антиминсы.—

Александра Михайловича Потемкина (см. „Вѣстникъ Европы“ 1872 г., августъ, стр. 605), род. 30 января 1797 (1801) г., скончалась 1 іюля 1869 г., была возстановительницей и благодѣтельницей Святогорской Успенской обители: см. *И. Ефимовичъ* въ „Русскомъ біографическомъ словарѣ“ томъ „Плавильщиковъ—Примо“ (Спб 1905), стр. 646—647; *Л. И. Денисовъ* [о. Арсеній], Православные монастыри Россійской имперіи (Москва 1908), стр. 891; † архіеп. *Филаретъ* (Гумилевскій), Историко-статистическое описаніе Харьковской епархіи I (Харьковъ 1859), стр. 174—175; *К. П. Щелковъ*, Историческая хронологія Харьковской губерніи (Харьковъ 1882), стр. 218. 236; проф. прот. *Т. И. Буткевичъ*, Иннокентій Борисовъ (Спб. 1887), стр. 249. 252 сл. 262; Сборникъ Императорскаго русскаго Историческаго Общества, т. LXII (Спб. 1888), стр. 179*a*.

[1]) См. письма 14 и 17.

[2]) Лаврентій (въ мірѣ Димитрій Ивановичъ Макаровъ), воспитанникъ Кіевской Духовной Академіи; въ Иверскомъ монастырѣ онъ и скончался 2 іюля 1876 г. (ср. о немъ „Орловскія Епархіальныя Вѣдомости“ 1866 г., № 15, стр. 854; 1867 г., № 21, стр. 1629).

[3]) Парѳеній (Поповъ) хиротонисанъ во епископа Томскаго 24 января 1854 г.—изъ ректоровъ Казанской Духовной Академіи (см. письмо 37); былъ сначала учителемъ въ Орловской Духовной Семинаріи, потомъ въ Ельцѣ священникомъ Воскресенской церкви съ 13 октября 1836 г. и протоіереемъ съ 1 октября 1840 г. (ср. и у † *Г. М. Пясецкаго*, Историческіе очерки города Болхова, стр. 71. 152 и въ „Орловскихъ Епархіаль-

Всей Богохранимой паствѣ Орловской молитвенно желаемъ духовнаго веселія о Воскресшемъ Господѣ!

Смир. См., А. О. и С.

С.-Петербургъ, 3 Апр. 1854 г.

Помѣта: „Получ. 19 Апр. 1854. Черезъ 16 дней". *).

Проф. **Н. Глубоковскій.**

---

26 августа, 1911 года. Печатать разрѣшается. Ректоръ С.-Петербургской духовной академіи епископъ *Георгій*.

Редакторъ, профессоръ С.-Петербургской духовной академіи *Петръ Смирновъ*.

ныхъ Вѣдомостяхъ" 1866 г., № 18, стр. 1026. 1030; 1867 г., № 9, стр. 684. 691. 693. 698, № 11, стр. 895, № 21, стр. 1633; 1868 г., № 22, стр. 1777—1778); 31 марта 1863 г. (не умеръ, какъ сказано на стр. 759, з, а) архіепископъ Иркутскій, каковымъ скончался 21 января 1873 г.

*) Продолженіе слѣдуетъ.